

ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ
И ПОВЕСТИ

Annotation

Сборник сказок и новелл известных французских сказочников.

- ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ И НОВЕЛЛЫ
  - Шарль Перро
    - Синяя Борода
    - Ослиная шкура
    - Волшебницы
  - Франсуа Саалиньяк Де Ла Молт Фенелон
    - История Флоризины
  - Мари Катрин Д'Онуа
    - Голубая птица
    - Желтый Карлик
    - Лесная лань
    - Белая кошка
  - Анн Клод Филипп Де Келюс
    - Паршивый волк
  - Лепренс Де Бомон
    - Красотка и Чудовище
  - Маргарита Де Любер
    - Принцесса Скорлупка и принц Леденец
    - История принца Леденца
    - Продолжение истории принца Леденца
  - Левитье Де Виллодон
    - Ловкая принцесса, или приключения Вострушки
  - Франсуа Пети Де Ла Круа
    - История Малека и принцессы Ширин
  - Катрин Бернар
    - Рике с хохолком
  - Шарлотта Комон Де Ла Форс
    - Волшебник

ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ И НОВЕЛЛЫ

Шарль Перро

Синяя Борода

Жил когда-то человек, у которого были прекрасные дома и в городе и в деревне, золотая и серебряная посуда, кресла, украшенные шитьем, и золоченые кареты. Но, к несчастью, у этого человека была синяя борода, и она придавала ему такой уродливый и страшный вид, что не было ни женщины, ни девушки, которая не убежала бы, увидев его.

У одной из его соседок, дамы знатной, были две дочери, дивной красоты. Он попросил выдать замуж за него одну из них и предоставил матери выбрать ту, которую она согласится за него отдать. Обе не хотели идти за него и отказывались от него одна в пользу другой, не в силах избрать мужем человека, у которого борода — синяя. Внушало им отвращение и то, что этот человек уже несколько раз был женат, а никто не знал, что стало с его женами.

Чтобы завязать более близкое знакомство, Синяя Борода пригласил их вместе с матерью и тремя или четырьмя лучшими подругами, а также несколькими молодыми людьми, их соседями, в один из своих загородных домов, где гости пробыли целую неделю. Все время было занято прогулками, поездками на охоту и на рыбную ловлю, танцами, пиршествами, завтраками и ужинами; никто не думал спать, и каждую ночь напролет гости изощрялись во всевозможных шутках, — словом, все устроилось так хорошо, что младшей дочери стало казаться, что будто у хозяина дома борода уже совсем не такая синяя и сам он — человек весьма порядочный. Как только вернулись в город, свадьба была решена.

Через месяц Синяя Борода сказал своей жене, что ему надо уехать в деревню, по крайней мере недель на

шесть, ради важного дела; он просил ее развлекаться во время его отсутствия; говорил ей, чтоб она позвала своих подружек, чтоб она, если ей захочется, свезла их за город; чтобы всюду она ела все самое вкусное. «Вот, — сказал он, — ключи от обеих больших кладовых; вот ключи от посуды золотой и серебряной, которую подают не каждый день; вот ключи от сундуков, где хранится мое золото и серебро; вот ключи от ларцов, где лежат мои драгоценные камни; вот ключ, что отпирает все комнаты в моем доме. А этот маленький ключ — ключ от комнаты, что в конце нижней большой галереи. Открывайте все двери, всюду ходите, но входить в эту маленькую комнату я вам запрещаю, и запрещаю так строго, что, если вам случится открыть туда дверь, вы можете всего ждать от моего гнева».

Она обещала в точности соблюсти все то, что было ей приказано, а он, обнял жену, сел в свою карету и уехал.

Соседки и подружки не стали ждать, чтоб за ними посылали гонцов, а сами поспешили к новобрачной — так не терпелось им увидеть все богатства ее дома, а пока там был ее муж, они не решались посетить ее — из-за его синей бороды, которой они боялись. Вот они сразу же и начали осматривать комнаты, комнатки, гардеробные, превосходившие одна другую красотой и богатством. Затем они перешли в кладовые, где не могли налюбоваться красотой бесчисленных ковров, постелей, диванов, шкафчиков, столов и зеркал, в которых можно было увидеть себя с головы до ног и края которых — у одних стеклянные, у других из позолоченного серебра — были красивее и великолепнее всего, что только случалось им когда-либо видеть. Не переставая завидовать, они все время превозносили счастье своей подруги, которую, однако, вовсе не занимало зрелище всех этих богатств, ибо ей не терпелось пойти открыть внизу маленькую комнатку.

Ее до того одолело любопытство, что, не приняв в соображение, сколь невежливо покидать своих гостей, она спустилась по потаенной лесенке, и притом с такой поспешностью, что раза два или три, как ей показалось, чуть было не сломала себе шею. У двери в маленькую комнатку она постояла несколько минут, вспоминая о запрете, который наложил ее муж, и размышляя о том, что за это непослушание ее может постигнуть несчастье; но соблазн был так силен, что она не могла победить его: она взяла ключик и с трепетом отворила дверь.

Сперва она ничего не увидела, потому что ставни были закрыты. Через несколько мгновений она стала замечать, что пол весь покрыт запекшейся кровью и что в этой крови отражаются тела нескольких мертвых женщин, висевших на стенах: все это были жены Синей Бороды, который вступал с ними в брак, а потом убивал. Она подумала, что умрет со страху, и выронила ключ, который вынула из замка.

Немного придя в себя, она подняла ключ, заперла дверь и поднялась к себе в комнату, чтобы хоть несколько оправиться; но это ей не удалось, в таком она была волнении.

Заметив, что ключ от маленькой комнаты запачкан кровью, она два или три раза вытерла его, но кровь не сходила; сколько она ни мыла его, сколько ни терла его песком и песчаным камнем, все-таки кровь оставалась, потому что ключ был волшебный, и не было никакой возможности совсем отчистить его: когда кровь счищали с одной стороны, она появлялась на другой.

Синяя Борода вернулся из своего путешествия в тот же вечер и сказал, что получил дорогой письма, сообщавшие ему, что дело, ради которого он ехал, разрешилось в его пользу. Жена его сделала все возможное — только бы доказать ему, что она в восторге от его скорого возвращения.

На другой день он потребовал у нее ключи, и она отдала их ему, но у нее так дрожали руки, что он без труда догадался обо всем случившемся. «Отчего это, — спросил он ее, — ключа от маленькой комнатки нет вместе с другими ключами?» — «Наверно, — сказала она, — я оставила его наверху, у себя на столе». — «Не забудьте, — сказал Синяя Борода, — отдать мне его поскорее».

Наконец, после разных отговорок, пришлось принести ключ. Синяя Борода, посмотрев на него, сказал жене: «Отчего на этом ключе кровь?» — «Не знаю», — ответила несчастная жена, бледная как смерть. «Не знаете? — переспросил Синяя Борода. — А я знаю. Вам захотелось войти в маленькую комнатку. Ну, что ж, сударыня, вы и войдете в нее и займете там ваше место возле дам, которых вы там видели».

Она бросилась к ногам мужа, плача, прося у него прощения и по всем признакам искренно раскаиваясь в своем непослушании. Прекрасная и печальная, она тронула бы даже скалу, но у Синеи Бороды сердце было более суровое, чем скала. «Вы должны умереть, сударыня, — сказал он ей, — и немедля». — «Если я должна умереть, — ответила она, глядя на него глазами, полными слез, — дайте мне хоть несколько минут — помолиться богу». — «Даю тебе семь минут, — ответил Синяя Борода, — но ни мгновения больше».

Оставшись одна, она позвала сестру и сказала ей: «Сестрица моя Анна (ибо так звалась ее сестра), прошу тебя, подымись на башню и посмотри, не едут ли мои братья: они обещали навестить меня сегодня; а если ты увидишь их, дай им знак, чтоб торопились». Сестра Анна поднялась на башню, а бедняжка в тоске время от времени окликала ее: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала ей: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

Между тем Синяя Борода держал уже большой нож в руке и кричал что было мочи: «Скорее иди сюда, а не то я сам к тебе приду». — «Еще минуточку, пожалуйста», — ответила жена и тихо окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» А сестрица Анна отвечала: «Ничего не видать, только солнце палит да трава на солнце блестит».

«Да иди же скорее, — крикнул Синяя Борода, — а не то я сам поднимусь». — «Иду», — ответила жена, а потом окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» — «Вижу, — ответила сестрица, — большое облако пыли, оно несется к нам...» — «Это мои братья?» — «Увы, нет, сестрица, я вижу стадо баранов...» — «Да когда же ты придешь?» — закричал Синяя Борода. «Еще минуточку», — ответила жена, а потом окликнула сестру: «Анна, сестрица Анна, ничего не видать?» — «Вижу, — ответила она, — двух всадников, они скачут сюда, но они еще далеко!» — «Слава богу! — воскликнула она через несколько мгновений. — Это мои братья. Я подаю им знак, чтоб они торопились».

Тут Синяя Борода закричал так громко, что задрожал весь дом. Бедняжка спустилась с башни и бросилась к его ногам, вся в слезах, с растрепавшимися волосами. «Это ни к чему не послужит, — сказал Синяя Борода, — придется умереть». И, схватил ее за волосы, он занес нож и уже готов был отрезать ей голову. Бедная женщина, обернувшись к нему и глядя на него помертвевшими глазами, просила дать ей еще минуточку, чтоб приготовиться к смерти. «Нет, нет, поручи свою душу богу», — сказал он, подняв руку... В эту минуту раздался такой страшный стук в дверь, что Синяя Борода остановился. Дверь отворилась, и тотчас же вошли двое мужчин, которые выхватив шпаги, бросились прямо на Синюю Бороду...

Он узнал братьев своей жены, драгуна и мушкетера, и, спасаясь от них, пустился бежать, но они так быстро

за ним погнались, что поймали его прежде, чем он успел выскочить на крыльцо. Они насквозь пронзили его шпагами, и он упал мертвый. Бедная женщина сама была чуть жива, и у нее даже не хватило сил подняться и обнять своих братьев.

Оказалось, что у Синеи Бороды нет наследников и что жене его, таким образом, должны достаться все его богатства. Часть из них она употребила на то, чтобы выдать сестрицу свою Анну за молодого дворянина, давно уже любившего ее; другую часть — на то, чтобы доставить своим братьям капитанский чин, а остальные — на то, чтобы самой выйти замуж за одного хорошего человека, который помог ей забыть то тяжелое время, когда она была женою Синеи Бороды.

Ослиная шкура

Жил когда-то король, столь великий, столь любимый своими подданными, столь почитаемый всеми своими соседями и союзниками, что его можно было назвать счастливейшим из монархов. Счастье не изменило ему и в выборе супруги — принцессы столь же прекрасной, сколь и добродетельной, и счастливая чета жила в совершеннейшем согласии. От их целомудренного брака родилась дочь, одаренная такой прелестью, таким очарованием, что они и не жалели о том, что их потомство так немногочисленно.

Великолепие, вкус и изобилие царили в королевском дворце; министры были мудры и искусны; придворные — добродетельны и преданны; слуги — верны и трудолюбивы; конюшни — обширны и полны самых лучших в мире лошадей, покрытых богатыми чепраками. Однако чужеземцев, приходивших полюбоваться этими прекрасными конюшнями, всего более удивляло то, что на самом видном месте стоял господин осел, развесив большие, длинные уши. Не по прихоти, а с полным основанием король отвел ему место особое и почетное.

Достоинства этого редкого животного заслуживали того, ибо природа устроила его таким чудесным образом, что его подстилка, вместо нечистот, всякое утро оказывалась в изобилии усеянной блестящими экю и всевозможными луидорами, которые слуги шли собирать, когда осел просыпался.

Но превратности жизни касаются и подданных и королей, а к благам всегда примешиваются и бедствия, и вот небеса допустили, чтобы на королеву напал внезапно злой недуг, против которого, несмотря на всю ученость и все искусство врачей, нельзя было найти

никакого средства. Отчаяние было всеобщим. Король, чья нежность и любовь не ослабевали вопреки пресловутой пословице, которая гласит, будто супружество есть могила любви, горевал без меры, во всех храмах своего королевства воссылал обеты к небесам, готов был принести в жертву свою жизнь ради спасения бесценной супруги; он вотще взывал он к богам и волшебницам. Королева, чувствуя, что близится последний час, сказала своему супругу, проливавшему слезы:

«Позвольте мне перед смертью попросить вас об одном: если вам вновь захочется жениться...»

При этих словах король жалобно завопил, схватил руки жены, омочил их слезами и, уверяя ее, что бесполезно говорить о втором браке, молвил:

«Нет, нет, дорогая моя королева, скорее уж я последую за вами». — «Для государства, — возразила королева с твердостью, от которой еще усилились сожаления монарха, — для государства нужно, чтоб у вас были наследники, а так как я родила вам только дочь, оно должно потребовать от вас сыновей, которые походили бы на вас. Но горячо прошу вас, заклинаю вас всей вашей любовью ко мне, не уступайте настояниям вашего народа до тех пор, пока не найдете принцессу более прекрасную и более стройную, чем я; я хочу, чтоб вы поклялись в этом, тогда я умру счастливая».

Полагают, что королева, вовсе не чуждая самолюбия, потребовала этой клятвы, не веря, чтобы какая-либо женщина могла сравниться с ней, и думая, что таким образом король уже никогда не женится опять. Наконец она умерла. Никогда ни один муж не поднимал такого шума. Он день и ночь плакал, рыдал и, пользуясь правами вдовца, не знал другого дела. Сильное горе не может длиться долго. К тому же сановники королевства собрались и все пришли к королю просить его вновь жениться. Это предложение

показалось королю суровым и исторгло у него новые слезы. Он сослался на клятву, данную им королеве, и не боялся, что его советникам удастся приискать ему принцессу более прекрасную и более стройную, чем его покойная жена, ибо считал, что это невозможно. Но советники признали безделицей это обещание и сказали, что красота — не важна, лишь бы королева была добродетельна и не бесплодна, что для спокойствия государства и для поддержания мира нужен наследник, что инфанта обладает, правда, всеми качествами, необходимыми для великой королевы, но что в мужья ей придется дать чужеземца, и тогда этот чужеземец либо увезет ее с собою, либо если он и будет вместе с нею править государством, детей их станут считать чужеземцами, а так как наследников не будет, то соседние народы, может быть, затеют войны, от которых королевство погибнет. Король, пораженный этими доводами, обещал подумать.

И в самом деле, он среди принцесс на выданье стал искать для себя подходящей невесты. Каждый день ему приносили портреты очаровательных особ, но ни один из них не напоминал прелести покойной королевы, и он не мог принять решения. К несчастью, он обнаружил, что инфанта, дочь его, не только восхитительно прекрасна и стройна, но что умом и прелестью она даже превосходит свою мать-королеву. Ее молодость, приятная свежесть ее нежной кожи воспламенила короля страстью столь пылкой, что он не мог скрыть это от принцессы и сказал ей о своем решении — жениться на ней, ибо только в союзе с ней он видел возможность не нарушить клятвы.

Юная принцесса, добродетельная и стыдливая, чуть не упала в обморок от этого ужасного предложения. Она бросилась к ногам короля и со всею силой убеждения, на какую была способна, заклинала отца не принуждать ее к такому преступлению. Чтобы

успокоить совесть принцессы, король, у которого в голове засела эта странная мысль, обратился за советом к старому друиду. Этот друид, не столько благочестивый, сколько честолюбивый, принес дело невинности и добродетели в жертву чести стать наперсником могучего короля и так искусно повлиял на его ум, так смягчил в его сознании мысль о грехе, который тот готов был совершить, что убедил его, будто женитьба на собственной дочери есть дело, угодное небу.

Монарх, польщенный речами этого злодея, обнял его и вернулся во дворец, еще более укрепившись в своем намерении; он велел возвестить принцессе, чтобы она готовилась исполнить его приказание.

Юная принцесса под бременем непомерного горя не могла придумать иного исхода, как посетить волшебницу Сирени, свою крестную мать. Она в ту же ночь отправилась в путь в изящном кабриолете, в который запряжен был большой баран, знавший все дороги. Доехала она без происшествий. Волшебница, любившая принцессу, сказала ей, что уже все знает, но что тревожиться нечего, ибо ничто не может повредить принцессе, если она в точности исполнит все указания волшебницы. «Дитя мое, — сказала она ей, — выйти замуж за своего отца было бы ведь очень грешно; но даже и не прекословя ему, вы можете этого избежать: скажите ему, что он должен исполнить одну вашу прихоть и подарить вам платье цвета ясных дней; при всем своем могуществе и всей своей любви он не в силах будет это сделать».

Принцесса поблагодарила свою крестную мать и на другое утро сказала королю то, что посоветовала ей волшебница, и заявила, что от нее не добиться согласия, пока у ней не будет платья цвета ясных дней. Король, в восторге от той надежды, которую она ему подала, созвал знаменитейших мастеров и заказал им

это платье с условием, что, если им не удастся его сработать, все они будут повешены. Но королю не пришлось прибегнуть к столь огорчительной крайней мере: мастера на другой же день принесли это столь желанное платье. Даже голубой небесный свод, опоясанный золотыми облаками, не мог бы сравниться красотой с этим платьем, когда его положили перед принцессой. Инфанта совсем опечалилась и не знала, как выйти из затруднения. Король торопил ее. Опять пришлось прибегнуть к помощи крестной, которая, удивившись, что совет оказался неудачным, велела ей попытаться попросить у короля платье лунного цвета. Король, который ни в чем не мог ей отказать, созвал искуснейших мастеров и был так решителен, заказывая им платье лунного цвета, что между заказом и его исполнением не прошло и суток...

Инфанта, которая была в восторге от этого чудесного платья, но не от забот своего царственного отца, предалась безмерной печали, когда осталась одна со своими служанками и своей кормилицей. Волшебница Сирени, зная про все, поспешила на помощь к опечаленной принцессе: «Может быть, я очень заблуждаюсь, но мне кажется, что, если вы попросите платье цвета солнца, мы или вконец раздосадуем вашего отца, — ведь ему никогда не достать такого платья, — или мы хоть выиграем время».

Инфанта согласилась, попросила платье, и влюбленный король без сожалений отдал все брильянты и рубины своей короны, чтобы украсить это изумительное произведение, и приказал ничего не беречь, лишь бы сделать платье подобным солнцу, — и недаром: когда его принесли и развернули, все, кто присутствовал при этом, должны были закрыть глаза — так оно их ослепило. С этой-то поры и появились зеленые очки и черные стекла. Что сделалось с инфантой, когда она увидела его? Никто никогда не

видал платья столь прекрасного и сделанного столь искусно. Принцесса смутилась и под предлогом, что от блеска больно глазам, удалилась в свои покои, где ожидала ее волшебница, до того пристыженная, что невозможно описать. Но этого мало: увидев платье цвета солнца, она побагровела от гнева. «Ах, теперь, дочь моя, — сказала она инфанте, — мы подвергнем ужасному испытанию преступную страсть вашего отца. Хоть у него и крепко засела в голове мысль об этой женитьбе, столь близкой уже, как ему кажется, но я думаю, его немного озадачит просьба, с которой я вам посоветую обратиться к нему: попросите у него шкуру осла, которого он так страстно любит и который так щедро помогает ему покрывать все расходы; ступайте же и скажите, что хотите получить эту шкуру».

Инфанта в восторге, что нашла еще один способ избежать ненавистного брака, и думая к тому же, что отец никогда не решится пожертвовать своим ослом, пришла к нему и выразила свое желание — получить шкуру этого прекрасного животного.

Хотя короля и удивила такая прихоть, но он, не колеблясь, исполнил ее желание. Бедный осел пал жертвой, а шкуру его любезно принесли принцессе, которая не видя больше никакого средства избежать несчастья, уже готова была впасть в отчаяние, как вдруг вбежала ее крестная мать. «Что вы делаете, дочь моя? — сказала она, видя, что принцесса рвет на себе волосы и царапает свои прекрасные щеки. — Ведь это счастливейшая минута в вашей жизни. Завернитесь в эту шкуру, уходите из дворца и идите, пока земля держит; когда все приносишь в жертву добродетели, боги вознаграждают за это. Ступайте, я позабочусь о том, чтоб гардероб ваш всюду вас сопровождал; куда бы вы ни пришли, сундук с платьями и драгоценностями будет следовать за вами под землю; а вот моя палочка, я даю ее вам; когда вам понадобится сундук, вы

ударите ею о землю, и он тут же появится; но только торопитесь, не мешкайте».

Инфанта расцеловала свою крестную, просила не оставлять ее, облачилась в противную ослиную шкуру, вымазалась сажей из трубы и, никем не замеченная, покинула роскошный дворец. Исчезновение принцессы произвело большой переполох. Король, который уже велел приготовить великолепный пир, был в отчаянии, никак не мог утешиться. На поиски дочери он послал больше сотни жандармов и свыше тысячи мушкетеров; но волшебница, ее покровительница, сделала ее невидимой даже для ловких сыщиков, так что пришлось смириться.

Инфанта тем временем шла. Она ушла далеко-далеко, уходила все дальше и всюду искала места служанки, но хотя из милости ей и давали поесть, все же никто не хотел брать ее — такой грязной казалась она всем. Но вот она пришла в какой-то красивый город, у ворот которого была мыза, а хозяйке нужна была судомойка, чтоб полоскать тряпки, смотреть за индюшками и чистить свиные корыта. Увидав такую грязную путницу, женщина эта предложила ей поступить в услужение, на что инфанта охотно согласилась, — ведь она так устала идти. Ей отвели угол за кухней, где она в первые дни стала предметом грубых шуток челяди, оттого что ослиная шкура придавала ей столь отвратительный грязный вид. В конце концов к ней привыкли; к тому же она с таким усердием делала свою работу, что хозяйка взяла ее под свою защиту. Она всегда вовремя загоняла овец, индюшек пасла с таким умением, что, казалось, будто всю жизнь она ничего другого и не делала, и всякая работа спорилась у нее.

Однажды, когда она сидела на берегу прозрачного ручья, где часто горевала о печальной своей судьбе, ей вздумалось поглядеться в воду, и гадкая ослиная

шкура, заменявшая ей платье и головной убор, ужаснула ее. Стыдясь такого наряда, она помыла себе руки, которые стали белее слоновой кости, и лицо, на которое вернулась прежняя свежесть красок. Увидев себя такой красавицей, она на радостях решила выкупаться, что тут же и исполнила; но, возвращаясь на мызу, снова должна была надеть гадкую шкуру. К счастью, на другой день был праздник, так что у нее достало времени извлечь из-под земли сундук, заняться туалетом, напудрить свои густые волосы и надеть чудное платье цвета ясных дней. Каморка была так мала, что шлейф этого чудного платья некуда было девать.

Красавица принцесса погляделась в зеркало, любовалась собою и от скуки решила каждый праздник и каждое воскресенье надевать одно за другим все свои платья; так она и делала потом. Свои пышные волосы она с необычайным искусством украшала цветами и алмазами и часто вздыхала, что красоты ее не видит никто, кроме овец да индюшек, любивших ее даже в этой отвратительной ослиной шкуре, из-за которой принцессу стали называть теперь на мызе Ослиной Шкурой.

Однажды, в праздничный день, когда Ослиная Шкура надела платье солнечного цвета, сын короля, которому принадлежала мыза, заехал сюда отдохнуть, возвращаясь с охоты. Этот принц был молод, прекрасен, хорошо сложен; отец и мать-королева любили его, подданные — обожали. На мызе принцу предложили простое деревенское угощение, которого он и отведал; потом он вздумал обойти все дворы и закоулки. Переходя таким образом с места на место, он попал в темный коридор, а в конце его увидел затворенную дверь. Любопытство заставило его заглянуть в замочную скважину, но что случилось с ним, когда он увидел принцессу, такую прекрасную, одетую так

богато, что по ее гордой и вместе скромной осанке он принял ее за богиню! Порыв страсти, которую он почувствовал в это мгновение, заставил бы его вышибить дверь, если б не почтение, внушаемое ему этой прелестной особой.

Нелегко ему было уйти из этого темного, мрачного коридора, а ушел он для того, чтоб узнать, кто живет в маленькой каморке. Ему ответили, что там живет судомойка, прозванная Ослиной Шкурой оттого, что ослиная шкура служит ей одеждой, и что она такая неопрятная и грязная, что никто на нее не глядит, никто с ней не заговаривает, и что взяли ее только из милости — пасти баранов да индюшек.

Принц, не удовлетворенный этим объяснением, понял, что эти грубые люди больше ничего и не знают и что бесполезно расспрашивать их. Он вернулся во дворец своего царственного отца до того влюбленный, что невозможно и описать, и перед глазами его все время мелькал прелестный образ той богини, которую он видел в замочную скважину. Он раскаивался, что не постучал в дверь, и дал себе слово в другой раз не преминуть это сделать. Но от волнения в крови, вызванного этой пылкой любовью, он в ту же ночь заболел такой ужасной лихорадкой, что вскоре ему уже стало совсем худо. Королева, его мать, у которой не было других детей, приходила в отчаяние, видя, что лекарства не приносят никакой пользы. Напрасно сулила она врачам самые великие награды; они пускали в ход все свое искусство, но ничто не помогало принцу.

Наконец они догадались, что какая-то смертельная печаль — причина бедствия; они известили об этом королеву, которая, нежно любя своего сына, стала заклинать его, чтоб он открыл ей причину недуга, и сказала, что если бы даже надо было уступить ему корону, король-отец без сожаления покинул бы престол, на который возвел бы его; что если он любит какую-

нибудь принцессу, то хотя бы с отцом ее велась война и хотя бы имелись справедливые основания быть недовольными им, все будет принесено в жертву, только бы исполнить желание принца; что она умоляет его не умирать, ибо от его жизни зависит и жизнь его родителей.

Еще не доведя до конца этой трогательной речи, королева пролила на лицо принца целые потоки слез. «Сударыня, — сказал ей наконец принц голосом весьма слабым, — я не такой изверг, чтобы желать короны моего отца; небу да будет угодно, чтобы жил он еще долгие годы, а чтобы мне еще долго пришлось быть самым верным и почтительным из его подданных. Что до принцесс, о которых вы сейчас говорили, то я еще не думал жениться, и вы ведь знаете, что я, всегда послушный вашим желанием, всегда буду повиноваться вам, как бы трудно мне ни приходилось». — «Ах, сын мой, — продолжала королева, — я ничего не пожалею, чтобы спасти твою жизнь, но, милый сын мой, и ты должен спасти жизнь мне и королю, твоему отцу, должен открыть нам твое желание и не сомневаться, что оно будет исполнено». — «Если уж надо открыть вам мое желание, — сказал он, — то повинуюсь; было бы преступлением, если бы я подверг опасности две жизни, столь драгоценные для меня. Да, мать моя, мне хочется, чтобы Ослиная Шкура испекла мне пирог, а когда он будет готов, чтобы мне его принесли».

Королева, удивленная этим странным именем, спросила, кто такая Ослиная Шкура. «Это, государыня, — ответил один из придворных, которому случилось видеть девушку, — это после волка самая гнусная тварь, чернокожая, грязная; живет она на вашей мызе и пасет ваших индюшек». — «Все равно, — сказала королева, — может быть, сын мой, возвращаясь с охоты, отведал ее печенья; это прихоть больного;

словом, я хочу, чтобы Ослиная Шкура живо испекла ему пирог».

Побежали на мызу, позвали Ослиную Шкуру и велели ей испечь как можно лучше пирог для принца. Некоторые писатели уверяли, будто в тот миг, когда принц приложил глаз к замочной скважине, Ослиная Шкура тоже заметила его, а потом, поглядев в свое маленькое окошко, она увидела этого принца, такого молодого, такого прекрасного, такого стройного, что мысль о нем уже не покидала ее и что она часто вздыхала, вспоминая о нем. Как бы то ни было, — видела ли его Ослиная Шкура или только слышала вечные похвалы ему, — но она была в восторге, что нашла способ сделаться ему известной; она заперлась у себя в каморке, сбросила гадкую шкуру, вымыла лицо и руки, причесала свои белокурые волосы, надела блестящий серебряный корсаж, такую же юбку и принялась печь пирог, которого так хотелось принцу: муку она взяла самую лучшую и самые свежие масло и яйца. То ли нарочно, то ли нечаянно, но только, замешивая тесто, она обронила колечко, которое так и осталось в пироге; а когда он был готов, она, снова надев свою отвратительную шкуру, отдала пирог придворному и спросила его о принце; но этот человек, не удостоив ее ответа, побежал к принцу — отнести ему пирог.

Принц стремительно выхватил пирог из рук этого человека и принялся есть его с такой поспешностью, что врачи, находившиеся тут, не преминули сказать, что эта неистовая жадность не означает ничего хорошего; и в самом деле, принц чуть было не подавился колечком, которое оказалось в одном из кусков пирога; но он ловко вынул его изо рта, а стремительность, с которой он поедал пирог, уменьшилась теперь, когда он стал рассматривать маленький изумруд, украшавший золотое колечко, такое маленькое, что, как подумал

принц, оно могло бы прийтись впору только самому хорошенькому пальчику.

Он расцеловал это колечко, спрятал его под подушкой и то и дело вынимал его, когда думал, что на него никто не смотрит. Терзая себя мыслью о том, как найти способ повидать ту, которой впору это колечко, и не решаясь поверить, что ему позволят, если он попросит об этом, позвать Ослиную Шкуру, изготовившую пирог, которого он желал, не решаясь также сказать о том, что он видел в замочную скважину, — из опасения, как бы его не высмеяли и не приняли за духовидца, — терзаясь зараз всеми этими заботами, принц занемог опаснее прежнего, а врачи, уже не зная, что делать, объявили королеве, что он болен от любви.

Королева вместе с королем, который был в отчаянии, поспешили к сыну. «Сын мой, милый сын мой, — воскликнул опечаленный монарх, — назови нам, кого хочешь взять в жены, клянемся, что дадим ее тебе, хотя бы она была презреннейшей рабой». Королева, целуя принца, подтвердила клятву короля. Принц, тронутый слезами и ласками тех, кому он обязан своею жизнью, сказал им: «О мой отец, о мать моя, я не намерен вступать в брак, который вам был бы неуютен, а чтобы доказать, что это правда, — и, сказав это, он вынул из-под подушки колечко с изумрудом, — я женюсь на той, кому это колечко придется впору, кто бы она ни была, но непохоже, чтобы девушка с таким хорошеньким пальчиком была неотесанной деревенщиной».

Король и королева взяли колечко, с любопытством стали его рассматривать и, так же как принц, решили, что колечко это может прийтись впору только девице знатного рода. Тогда король, поцеловав сына и умоляя его выздороветь, вышел и велел своим герольдам, под звуки барабанов, дудок и труб, кричать по всему

городу, чтобы девушки шли во дворец примерять колечко, — та, которой оно придется впору, выйдет замуж за наследника престола.

Сперва явились принцессы, потом герцогини, маркизы и баронессы, но, как они все ни сдавливали себе пальцы, ни одна из них не могла надеть колечко. Пришлось позвать девиц легкого нрава, но и у них, хоть и все они были красивы, пальцы оказались слишком толстыми. Принц, которому стало лучше, сам примеривал колечко. Наконец пришлось позвать горничных; им тоже не повезло. Никого уже не оставалось, кто бы не попытался, хотя и тщетно, примерить колечко. Тогда принц велел привести кухарок, судомоек, пастушек; всех их и привели, но на их толстые пальцы, красные и короткие, колечко не лезло дальше ногтя.

«А позвали ль Ослиную Шкуру, что испекла для меня пирог на этих днях?» — спросил принц. Все засмеялись и сказали ему, что нет — она ведь такая грязнуля, такая замарашка. «Тотчас же за ней послать, — сказал король, — пусть никто не скажет, что кому-нибудь я не позволил прийти». Смеясь и издеваясь, придворные побежали за птичницей.

Инфанта, слышавшая бой барабанов и крики герольдов, догадалась, что ее колечко — причина всего этого шума; она любила принца, а так как истинная любовь боязлива и чужда тщеславия, то она все пребывала в тревоге: как бы у другой дамы не оказался такой же маленький пальчик. Поэтому она очень обрадовалась, когда за ней пришли и постучались к ней в дверь. С тех пор как она узнала, что стараются найти пальчик, на который можно было бы надеть ее колечко, какая-то надежда заставляла ее причесываться более тщательно и надевать серебряный корсаж и юбку с оборками из серебряных кружев, усеянных изумрудами. Как только она услышала, что стучат в дверь и зовут ее

идти к принцу, она живо накинула на себя ослиную шкуру и отворила дверь, а эти люди, издеваясь над нею, сказали ей, что король хочет женить на ней своего сына и оттого потребовал ее; потом, не переставая смеяться, отвели ее к принцу, который, с удивлением глядя на странный наряд девушки, сам не решался верить, что это ее он видел такой величественной и прекрасной. Грустный и смущенный столь грубой ошибкой, он ей сказал: «Это вы живете в конце темного коридора на ферме, на третьем птичьем дворе?» — «Да, государь», — ответила она. «Покажите мне руку», — сказал он ей, дрожа и испуская глубокий вздох...

Но кому же пришлось удивляться? Удивились король и королева, удивились все камергеры и придворные вельможи, когда из-под этой черной и грязной шкуры протянулась маленькая и нежная ручка, белая, с розовыми ногтями, и кольцо без всякого труда удалось надеть на самый хорошенький в мире пальчик; инфанта легким движением сбросила шкуру и предстала полная такой пленительной красоты, что принц, как ни был он слаб, пал к ее ногам и с таким пылом обнял ее колени, что она покраснела; но этого почти никто и не заметил, потому что король и королева изо всех сил принялись обнимать ее и спросили, согласна ли она выйти замуж за их сына. Принцесса, смущенная всеми этими ласками и всею той любовью, которую выражал молодой прекрасный принц, хотела уже высказать свою благодарность, как вдруг раскрылся потолок, и волшебница Сирени, спустившись в колеснице из цветов и веток сирени, необыкновенно мило рассказала историю инфанты.

Король и королева, в восторге от того, что Ослиная Шкура оказалась знатной принцессой, удвоили свои ласки, но принца всего более тронула добродетель принцессы, и любовь его еще усилилась от этого.

Нетерпение принца, желавшего скорее жениться на принцессе, было таково, что он едва дал срок приготовиться как следует к столь торжественному бракосочетанию. Король и королева, которые были без ума от своей невестки, всячески ласкали ее и целыми часами держали ее в своих объятиях; она же сказала, что не может выйти замуж за принца без согласия своего отца; поэтому-то ему первому и послали приглашение, не сообщив только, кто невеста. Волшебница Сирени, которая, как и подобает, всем распоряжалась, потребовала этого, ибо думала о том, что может произойти впоследствии. Из всех стран прибыли короли: одни на носилках, другие в кабриолетах, а самые дальние — на слонах, на тиграх, на орлах; но самым великолепным и самым могущественным был среди них отец инфанты, забывший, к счастью, свою странную любовь и женившейся на королеве-вдове, красавице, от которой у него не было детей. Инфанта бросилась к нему навстречу; он тотчас же ее узнал и с величайшей нежностью обнял ее, прежде чем она успела броситься к его ногам.

Король и королева представили ему своего сына, которому он и не знал, как выразить свою приязнь. Свадьбу справили со всею роскошью, какая только возможна. Молодые супруги, мало тронутые всем этим великолепием, видели только друг друга и друг на друга только и глядели.

Король, отец принца, в тот же день венчал его на царство и, поцеловав ему руку, посадил на свой престол; не смотря на все сопротивление сына, столь благородного, ему пришлось повиноваться. Празднества в честь этого славного брака продолжались около трех месяцев, а любовь двух супругов так была сильна, что продолжалась бы и до

сих пор, если бы через сто лет после того оба они не умерли.

Волшебницы

Жила когда-то вдова, у которой было две дочери: старшая так была похожа на нее нравом и лицом, что всякий, кто видел ее, как бы видел перед собой и ее мать. И мать, и дочь были обе такие противные и такие надменные, что никак нельзя было с ними ладить. Младшая, которая кротостью и добронравием всецело походила на отца, была к тому же одной из самых красивых девушек, каких когда-либо случалось видеть. А так как всякий, разумеется, любит подобного себе, то мать была без ума от своей старшей дочери, а к младшей чувствовала страшную неприязнь. Есть она позволяла ей только на кухне и заставляла ее непрестанно работать.

Эта бедная девушка, в числе прочих своих обязанностей, должна была два раза в день ходить к роднику, за полмили от дома, и приносить большой кувшин воды. Однажды, когда она стояла у родника, к ней подошла нищая и попросила дать ей напиться. «Вот, бабушка, пожалуйста», — сказала ей красавица девушка и, сразу же сполоснув кувшин и зачерпнув самой свежей воды, протянула ей, все время поддерживая его, чтобы нищей удобнее было пить. Женщина напилась и сказала:

«Вы такая красивая, такая добрая и учтивая, что я не могу не наградить вас волшебным даром. (Ибо то была волшебница, принявшая образ бедной крестьянки, чтобы испытать добронравие девушки.) Этот дар, — продолжала волшебница, — будет состоять в том, что при каждом слове, которое вам случится сказать, из ваших уст будет падать либо цветок, либо драгоценный камень».

Когда красавица пришла домой, мать выбрала ее за то, что она так долго не возвращалась.

«Простите, матушка, что я так замешкалась», — отвечала бедняжка, а когда она произнесла эти слова, из уст ее упали две розы, две жемчужины и два больших алмаза.

«Что это? — сказала удивленная мать. — Из рта у ней как будто сыплются жемчужины и брильянты. Как же это так, дочь моя?» (Она в первый раз сказала ей «дочь моя».) Бедная девушка простодушно рассказала ей все, что с ней случилось, не преминув насыпать несчетное множество алмазов.

«Право, — сказала мать, — надо мне будет послать туда и другую дочку. Вот, Фаншон, смотри-ка, что у вашей сестрицы падает изо рта, когда она говорит. Не приятно ли было бы и вам иметь такой дар? Вам стоит лишь пойти к колодцу за водой, а когда нищая попросит у вас напиться, со всей учтивостью напоить ее».

«Стану я ходить к роднику за водой!» — надменно ответила грубиянка дочь.

«Я хочу, чтобы вы пошли туда, и тотчас же», — ответила мать.

Дочь пошла, продолжая ворчать. Она взяла с собой самый красивый серебряный сосуд, какой был в доме. Не успела она дойти до родника, как из лесу вышла пышно одетая дама, которая подошла к ней и попросила напиться. Это была та же самая волшебница, что явилась ее сестре, но на этот раз она оделась как принцесса, чтобы испытать, до каких пределов простирается злонравие этой особы.

«Уж не для того ли я пришла сюда, — сказала заносчивая и невоспитанная девица, — чтобы подавать вам воду? И серебряный кувшин несла, чтобы напоить вашу милость? Ну что ж, пейте, если хотите».

«Вы совсем не учтивы, — возразила волшебница, несколько не разгневанная. — Если уж вы столь

нелюбезны, я наделю вас таким даром, что при каждом слове, которое вы скажете, изо рта у вас будет падать либо жаба, либо змея».

Мать, как только увидела ее, крикнула: «Так что же, дочка?»

«Так вот что, матушка!» — ответила грубиянка дочь, и изо рта у нее выскочили две гадюки и две жабы.

«О боже! — воскликнула мать. — Что это? Во всем виновата ее сестра; она мне за это заплатит».

И она тотчас же бросилась к той, чтоб ее прибить. Бедняжка убежала и спряталась в ближнем лесу. Сын короля, возвращавшийся с охоты, повстречался с ней и, увидев, какая она красивая, спросил, что она тут делает совсем одна и отчего это она плачет.

«Ах, сударь! Мать выгнала меня из дому».

Сын короля, увидев, что изо рта у нее упало пять или шесть жемчужин и столько же брильянтов, попросил ее объяснить, в чем тут дело. Она рассказала ему свою историю. Сын короля влюбился в нее и, рассудив, что подобный дар стоит большего, чем любое приданое, увез ее во дворец своего отца и женился там на ней.

А сестра ее всем была так ненавистна, что даже мать прогнала ее, и несчастная, которую никто не хотел приютить, сколько она не скиталась, умерла где-то в лесу.

**Франсуа Саалиньяк Де Ла
Молт Фенелон**

История Флоризины

В лесу, неподалеку от деревни, жила-была фея. Одна крестьянка ожидала ребенка и попросила фею навестить ее в день родов. И вот разрешилась она от бремени девочкой. Фея взяла малютку на руки и сказала матери:

— Выбирайте: ваша дочь, стоит вам только захотеть, сделается писаной красавицей, невиданной разумницей, получит огромное королевство, но счастья ей не видать, — или проживет век простой крестьянкой, как вы, зато будет довольна своей долей.

Крестьянка выбрала для дочери красоту и ум вместе с королевским венцом, да несчастье впридачу. Девочка вскоре превзошла красотой всех в округе. Она была кротка, послушна, отличалась пытливым умом, легко запоминала то, чему ее учили, и быстро превосходила своих наставников. В праздничные дни она плясала на лугу лучше всех подруг. Голос у нее был прелестнее любого музыкального инструмента, и пела она песни, которые складывала сама. Сперва она не знала, что хороша собою, но как-то, играя с подругами у источника, увидела в его прозрачной воде свое отражение и поразилась своей красе. Окрестные жители толпами спешили поглядеть на нее и наперебой превозносили ее очарование. Да и мать, помня посулы феи, верила, что дочь ее не сегодня завтра станет королевой, и баловала ее как могла. Девушка не знала ни прялки, ни иглы, не пасла овец; она любила лишь рвать цветы да украшать себя венками, петь и плясать под сенью рощ.

Той страной правил могущественный государь, и был у него единственный сын по имени Розимон, которого он собирался женить. Король не желал и

слышать о принцессах из соседних государств: одна фея сказала ему, что он найдет для сына крестьянку милее и лучше всех принцесс на свете. Он велел созвать всех молодых крестьянок своего королевства не старше восемнадцати лет, чтобы избрать самую достойную. Из множества миловидных девушек оставили только тридцать, далеко превосходивших красотой всех других. Флориза (так звали нашу девицу) без труда попала в их число. Девушек усадили на возвышении посреди большого зала, дабы король с сыном разглядели всех сразу. Рядом с соперницами Флориза казалась прекрасной анемоной, окруженной обыкновенными ноготками, или веткой померанца среди дикого кустарника: король тут же вскричал, что лишь она достойна королевского сана. Розимон почел за счастье взять Флоризу в жены.

С девушки сняли крестьянское платье и дали ей шитые золотом одежды. Во мгновение ока ее осыпали жемчугами и алмазами. Флоризе прислуживал целый рой придворных дам, которые спешили предупредить или исполнить с полуслова малейшую ее прихоть. В ее роскошных спальнях и будуарах вместо гобеленов висели громадные, во всю стену зеркала, чтобы и она сама, и принц могли любоваться ее красотой со всех сторон. Розимон позабыл об охоте, игре в карты, упражнениях в силе и ловкости и проводил все свое время с женой, а так как король-отец вскоре после свадьбы сына умер, мудрая Флориза, став королевой, принялась управлять делами государства. Королева-мать — ее звали Гронипотой — прониклась к невестке черной завистью. Нрав у нее был коварный, злобный, жестокий. Безобразная от рождения, к старости она стала еще отвратительнее и вовсе превратилась в ведьму. Красота Флоризы подчеркивала ее собственное уродство и поминутно раздражала Гронипоту: старуха не могла снести невыгодного сравнения с красавицей.

Мудрость невестки тоже пугала ее, так что она просто извелась от зависти.

— Вы пятнаете свою честь! — твердила она сыну. — Можно ли было брать в жены эту крестьянку? И вы столь низко пали, что, забыв себя, поклоняетесь ей, а уж она горда и высокомерна, словно родилась королевой! Когда вашему отцу пришло время жениться, всем прочим он предпочел меня, ведь я ему ровня, я из королевского рода. Вам надлежало сделать то же самое. Отошлите-ка эту пастушку обратно в деревню и поищите какую-нибудь молодую и достойную вас принцессу.

Розимон не поддавался на уговоры матери и тогда Гронипота выкрала у Флоризы записку, адресованную мужу, вручила ее молодому придворному и велела отнести королю, — будто свидетельство нежного внимания Флоризы, по праву принадлежавшего лишь ее супругу. Слепленный ревностью, Розимон по совету злой матери приказал навечно запереть Флоризу в высокой башне, стоявшей на выступе скалы посреди моря. Там она день и ночь лила слезы, не в силах понять, отчего король, который так ее любил, столь бессердечно с нею обошелся. В тюрьме королеву навещала только старуха служанка (ее приставила к невестке Гронипота) и издевалась над ней как могла.

Тогда Флориза и вспомнила свою деревню, бедную хижину и радости сельской жизни. Вот сидела она и тосковала, оплакивая заблуждение своей матери, которая пожелала, чтобы дочь ее получила красоту и корону вкупе с несчастьем, а не осталась грубой крестьянкой, довольной своей долей, — и вдруг явилась к ней с вестью гадкая служанка: король шлет палача отрубить Флоризе голову, и ей остается встретить свою смерть. Несчастливая отвечала, что готова покориться судьбе. В самом деле, палач, присланный королем по совету Гронипоты, уже взял в руки огромный тесак и

хотел было совершить казнь, но тут появилась некая женщина, которой королева-мать будто бы велела сказать Флоризе перед смертью несколько слов. Старуха не стала возражать, потому что приняла ее за придворную даму, хотя то была принявшая обличие одной из фрейлин Гронипоты фея, которая предсказала при рождении Флоризы эти несчастья. Удалив служанку с палачом, она смогла поговорить с Флоризой наедине.

— Хотите отказаться от красоты, которая принесла вам столько бед? — спросила фея. — Хотите лишиться королевского сана, носить крестьянскую одежду и снова жить в родной деревне?

Флориза с радостью согласилась. Фея надела ей волшебную маску, и сразу черты ее лица стали грубыми и неправильными, она сделалась столь же уродлива, сколь была прежде прекрасна и миловидна. Теперь ее никто не мог узнать; пленница прошла сквозь толпу любопытных, явившихся поглазеть на ее казнь, и последовала за феей в родные края. Тщетно искали Флоризу во всей башне, она исчезла бесследно. Весть об этом принесли королю и Гронипоте. Флоризу приказали разыскивать по всему королевству, только напрасно. Она вернулась с феей домой, к матери; крестьянка нипочем не узнала бы свою дочь — так сильно та изменилась, — если бы ее не предупредила фея.

Флориза была довольна своим уродством, бедностью, безвестностью и жила себе в глуши, пася овец. Каждый день она слышала, как люди рассказывают друг другу о ее приключениях и сочувствуют ее несчастьям. О ее жизни сложили много печальных песен; слушая их, все горько плакали. Она сама любила петь эти песни вместе с подругами и плакала, как прочие, однако она мирно пасла свое стадо, почитала себя счастливой и никому на свете не открыла, кто она такая.

Мари Катрин Д'Онуа

Голубая птица

Жил-был некогда король, очень богатый и деньгами и угождями. Умерла у него жена, и никак он не мог утешиться. Целую неделю не выходил он из своего кабинета да об стены головой бился, так был огорчен. Все стали бояться, как бы он насмерть не убился, а потому потихоньку на стены под ковры навешали пуховиков. Теперь уж он мог биться сколько ему угодно.

Все его подданные, потолковав между собой, решили идти его утешать, кто чем может. Иные приготовили важные и глубокомысленные речи, иные — более приятные и даже веселые, но ничто не трогало короля, он еле слушал, что ему говорили. Наконец явилась к нему некая дама, укрытая всякими траурными черными крепами, вуалями да мантиями и до того громко она плакала и рыдала, что король даже рот разинул. Она сказала ему, плача, что пришла не для того, чтобы попытаться утешить его горе, а чтобы увеличить его, ибо нет на свете ничего более справедливого, нежели оплакивать достойную женщину. Что до нее, так она сама потеряла самого лучшего мужа в мире и будет плакать о нем, пока глаз не выплечет. Сказав это, заплакала она вдвое громче, и тут же король, по ее примеру, тоже зарыдал.

Он ее принял лучше, нежели других. Рассказал ей о великих достоинствах умершей супруги, она же еще больше о своем муже. И столько они тосковали об этом, что под конец уж и говорить больше было нечего. Когда хитрая вдовушка заметила, что разговор почти истощился, приподняла она немножко свои вуали, и обездоленный король не без удовольствия стал развлекаться видом этой обездоленной женщины. А она то сюда поглядит, то туда обернется, а глаза у нее

большие, синие, ресницы длинные, черные и лицо цветущее. Все это король рассмотрел с большим вниманием. Стал он понемногу все меньше о своей жене вспоминать, а потом и вовсе перестал. Вдовушка ему сказала, что она вечно будет своего мужа оплакивать, а король стал ее упрашивать не увековечивать так своей скорби. В заключение всех удивил он, женившись на ней, и черные одежды сменились зелеными и розовыми: достаточно иной раз узнать слабость человека, чтобы покорить его сердце, а потом делай с ним что угодно.

От первого супружества у короля была только одна дочка, но ее считали восьмым чудом в свете. Звали ее Флориной, так походила она на богиню Флору, потому что была свежа, юна и прекрасна. Никогда она роскошных платьев не надевала, идет, бывало, в легком тафтяном платьице, только разве застежку с блестящими камнями наденет, вся в цветах, и особенно были они хороши в ее чудесных косах. Было ей пятнадцать лет от роду, когда король во второй раз женился.

Новая королева велела сейчас же послать за своей дочкой, которая воспитывалась у своей крестной, феи по имени Суссио. Но хоть и воспитала ее фея, дочка королевина все-таки ни красой, ни грацией не обладала. Как над ней фея Суссио не старалась, никакого толку добиться не могла. Но все-таки фея ее очень любила.

Звали ее Пеструшка, потому что у нее все лицо было в рыжих пятнах, как у рыбки-пеструшки. Ее черные волосы были всегда такие сальные и грязные, что тронуть страшно, а желтая кожа от жира лоснилась. Королева от нее была без ума и только говорила, что о своей ненаглядной Пеструшке. А так как Флорина перед ее дочкой имела все преимущества, то королеву приводило это в отчаяние, и она всячески старалась ее

перед королем очернить. Дня не проходило, чтобы королева и Пеструшка не делали чего-нибудь в ущерб Флорине. Но добрая и умная принцесса старалась не обращать на это внимания. Сказал однажды король королеве, что и Флорина и Пеструшка уже невесты на выданье и что, как только приедет к ним ко дворцу какой-нибудь принц, надо одну из них за него выдать замуж.

— Я полагаю, — ответила королева, — что нужно сперва мою дочь замуж выдать, она ведь старше вашей, а так как она еще в тысячу раз ее любезнее, то тут даже и говорить не о чем.

Король спорить не любил, согласился и сказал, что предоставляет все ее воле.

Через несколько дней узнали, что едет к ним некий король, который так был хорош собой, что все его звали Очарователем. Никогда еще никто не видал принца более любезного и более великолепного. И ум его и внешность вполне соответствовали его имени. Как только королева о том проведала, созвала она всех вышивальщиков, всех портных и всех мастеров, чтобы приготовить своей Пеструшке платьев и украшений побольше. А короля упросила, чтобы Флорине ничего нового не шили, а кроме того, ее прислужниц подговорила выкрасть у нее все одежды, гребни и украшения как раз в тот день, когда король Очарователь приехал. Пошла Флорина одеться, и даже ни одной ленточки не нашла. Она сразу догадалась, кому обязана этой услугой. Посылает она к купцам в лавки тканей купить, а те отвечают, что королева запретила товары ей продавать. И осталась она в простеньком платьице, изрядно поношенном, и так было ей стыдно, что, когда король Очарователь появился, спряталась она в дальний уголок залы.

Королева приняла его с великими церемониями, представила ему свою дочку, которая от богатых

украшений и нарядов как солнце блестела, но от этой роскоши казалась еще противней. Король Очарователь как на нее взглянул, тут же и отвернулся, а королева стала сама себя уверять, что это оттого отвернулся он, что уж очень ему дочка ее понравилась, и он перед ней робеет. И каждую минуту свою Пеструшку к нему подводила. А тут он спросил, нет ли здесь другой принцессы, которую зовут Флориной.

— Есть, — ответила ему Пеструшка, показывая на ту пальцем, — вон она там прячется, ведь она не из храбрых.

Флорина же покраснела и до того стала хороша, до того хороша, что король Очарователь замер от восхищения. Вскочил он с места и отвесил глубокий поклон принцессе.

— Госпожа моя, — сказал он ей, — несравненная красота ваша так украшает вас, что нужды вам нет ни в каких других украшениях.

— Принц, — отвечала она ему, — уверяю вас, что я не привыкла так грязно одеваться, и очень вы бы меня порадовали, если бы совсем на меня не смотрели.

— Немыслимо, — воскликнул король Очарователь, — чтобы была на свете такая удивительная принцесса и люди могли бы еще кем-нибудь любоваться.

— Ах, — сказала разъяренная королева, — довольно я слушала вас. Поверьте, гость дорогой, что Флорина и без того страшная кокетка, и не к чему ей расточать столько сладких слов.

Король Очарователь тотчас же разгадал, почему ему королева так говорит, но так как принудить его ни к чему не могли, то он продолжал высказывать свое восхищение Флориной и беседовал с ней часа три подряд.

Рассерженная королева и неутешная Пеструшка, которой не удалось одержать верх над Флориной, бросились к королю со страшными жалобами и

добились такого приказа, чтобы покуда у них король Очарователь гостит, заключить Флорину в высокую башню, откуда уж ей дорогого гостя не увидать. И вот как только Флорина вернулась к себе в комнату, схватили ее четыре молодца в черных масках и унесли в башню на самый верх. Пришла она в совершенное отчаяние, потому что поняла, для чего с ней так поступают: чтобы она королю понравиться не могла, который ей уже нравился очень, и за кого она не прочь была бы замуж пойти.

Король Очарователь не знал ничего о том и с величайшим нетерпением дожидался времени, когда вновь с Флориной увидится. Захотелось ему о ней поговорить с теми придворными, кого король приставил к нему для вящего почета, но они, по приказу королевы, стали ему ее всячески порицать: и кокетка-то она, и характер-то у нее злой да непостоянный, и друзей-то своих и прислугу вечно мучает, и нечистоплотная она, и до того уж скупа, что лучше готова одеваться простой пастушкой, лишь бы не тратить те деньги, что отец дает на наряды. Слушая все это, король Очарователь страдал душевно и еле-еле сдерживал свой гнев.

— Нет, — говорил он сам себе, размышляя, — немыслимо, чтобы судьба вложила такое дурное сердце в такой перл создания. Согласен я, что плохо она была одета, когда я ее встретил, но смущение ее доказывает, что она к тому непривычна. И может ли быть она злой при такой ее скромности и очаровательной нежности? Нет, уж этому я никак не поверю, а скорее поверю тому, что это ее королева так расписывает. Недаром она ей мачеха, а уж дочка-то ее, принцесса Пеструшка — такой гадкий зверь, что дивиться нечему, коли она завидует этому самому совершенному из всех творений.

Покуда он так рассуждал сам с собой, придворные его стали догадываться, что не очень-то ему нравится про королеву такие речи слушать, и нашелся тут один

из них похитрее, который, чтобы выведать чувства принца, слова свои изменил да и голос тоже и начал ему королеву выхвалять. При его словах принц точно проснулся от долгого сна, разговорился, и лицо его засияло радостью. Ах, любовь, любовь, до чего трудно скрыть тебя! Везде-то ты проявляешься: и на устах любовника, и в очах его, и в звуке голоса. Когда человек любит, то и молчание его, и разговор, и радость, и грусть — все только о любви говорит.

Не терпелось королеве узнать, действительно ли король Очарователь захвачен любовью, и послала она за теми, кому на этот случай доверилась, и всю ночь их о том и выпрашивала. Все, что они ей ни говорили, только в том ее убеждало, что король Очарователь влюблен во Флорину. Но что мне сказать вам о тоске бедняжки принцессы. Лежала она на земле в той ужасной темнице, куда ее принесли люди в масках.

— Не так бы я горевала, — говорила она, — если б меня в эту темницу раньше того заключили, как к нам гость дорогой приехал. А теперь я все вспоминаю о нем, а от этого мне еще горше. Нечего и сомневаться, что королева со мной так ужасно поступила, чтобы помешать мне вновь увидеть его. Увы мне! Дорогой ценой платит мое спокойствие за невеликую мою красоту!

И так она горько плакала, так горько, что если бы ее лютый враг увидел, так и тот бы ее пожалел.

Так прошла ночь. А королева, которая хотела во что бы то ни стало привлечь к себе короля Очарователя знаками своего внимания, послала ему в подарок одежды, необыкновенно великолепные и богатые, шитые портными по самой последней моде. А сверх того, послала она ему орден Кавалеров Амура, который заставила короля, своего супруга, в день их свадьбы учредить. Был тот орден в виде золотого сердца, украшенного пламенного цвета эмалью, окруженного

несколькими стрелами, и одна из стрел пронзала его с такой надписью: «Единая меня ранит». Королева приказала, чтобы для короля Очарователя это сердце было выточено из цельного рубина, в страусовое яйцо величиной, каждая стрела из алмаза в палец длиной, а цепь, но которой то сердце висело, была сделана из жемчуга, причем наименьший из них фунт весил, — словом, с тех пор как стоит белый свет, ничего такого не было видано.

Король Очарователь, как тот орден увидал, несколько времени даже и слова вымолвить не мог. В то же время поднесли ему книгу, листы которой были из тончайшего пергамента, с восхитительными миниатюрами, а переплет золотой с драгоценными камнями; в книге в самых нежных и любезных словах был написан статус ордена Кавалеров Амура. При сем королю сказали, что принцесса, которую видел он, те подарки посылает и просит быть верным ее рыцарем. Подумал он было при этих словах, что это та принцесса, которая ему полюбилась.

— Ах! — воскликнул он. — Так это прекрасная королевна Флорина обо мне так великодушно и так приветливо вспоминает?

— Государь, — отвечали ему, — вы изволили именем ошибиться: мы к вам от прелестной Пеструшки явились...

— Которая меня себе в рыцари прочит? — сказал король строго и холодно. — Весьма огорчен, что не могу сей великой чести принять. Но короли ведь сами себе не хозяева, чтобы по своему желанию любое на себя обязательство наложить. Известны мне обязанности рыцарские, и все я готов их исполнить, и потому предпочту от принцессиной милости отказаться, нежели недостойно королевского имени поступить. С этими словами положил он обратно в корзинку и сердце, и цепь, и книгу и отослал все назад. А королева

со своей дочкой едва от ярости не задохнулись, видя, как чужеземный король, кому они такую честь оказали, с ними распорядился. Как только пришло время королю Очарователю идти в покои короля с королевой, пошел он туда в надежде увидеть Флорину и взглядом искал ее всюду. Чуть только услышит, что кто-либо входит, тотчас голову поворачивает к двери, и видят все, беспокоится и грустит он. Догадывалась злая королева, что у него на душе делается, но и виду не подавала. Она только и говорила ему о веселых гуляньях, а он все отвечал ей на все невпопад. Наконец он прямо спросил о принцессе Флорине.

— Принц, — отвечала ему королева надменно, — король, отец ее, запретил ей выходить из своей комнаты, покуда моя дочка замуж не выйдет.

— Но зачем же такую красавицу, — спросил принц Очарователь, — держать взаперти?

— Мне это неизвестно, — сказала королева. — И даже когда я узнаю, я могу освободить себя от ответа вам.

Тут Король Очарователь страшно разгневался. Он враждебно смотрел на Пеструшку и только и думал о том, что из-за этого жалкого чудовища лишен он радости видеть красавицу королевну. Скоро откланялся он королеве, слишком тяжело ему было беседовать с нею.

Вернувшись к себе, призвал он одного юного принца из своей свиты, которого очень любил, и сказал ему, что все на свете отдаст, лишь бы какая-нибудь из принцессиных прислужниц устроила так, чтобы ему с принцессой поговорить хоть минуту. Этот принц без труда нашел некоторых придворных дам, которые с ним втайне поговорили. И одна из них сообщила ему, что в этот самый вечер будет Флорина у маленького окошка, выходящего прямо в сад, и что там с ней король Очарователь может поговорить, однако с великими предосторожностями, чтобы о том не узнали.

— Потому что, — добавила она, — до того строги король и королева, что казнят меня, ежели дознаются, что я помогла любви короля Очарователя.

Молодой принц, радуясь, что так все устроилось, пообещал ей все, что она желала, и бросился к своему королю возвестить ему о часе свиданья. Но злая эта наперсница не преминула тут же пойти к королеве, обо всем рассказать ей и спросила, каковы будут ее приказания. А та тотчас решила, что следует к тому окошку послать свою дочь; и она подучила ее, что ей делать и говорить, а Пеструшка, хоть и глупа была, но все-таки постаралась все выполнить.

Такая ночь была темная, что королю Очарователю невозможно было бы заметить обман, даже если бы он и не так в своем счастье был уверен. Подошел он к окошку в полном восторге и невыразимой радости и рассказал Пеструшке все, что мог бы Флорине сказать, чтобы ее в своей страсти уверить.

Пеструшка, пользуясь обстоятельствами, ему отвечала, что нет ее несчастней на белом свете из-за злой мачехи и придется страдать ей, покуда королевину дочь не возьмут замуж. А король уверил ее, что если она хочет выйти за него замуж, то нет для него больше радости, как разделить с ней и корону и сердце. С этими словами снял он с руки перстень и, надев его Пеструшке, сказал, что это вечный залог его верности и что ей надо лишь время выбрать, чтобы с ним тайно отправиться. А Пеструшка на его горячие заявления отвечала как только могла умнее. Заметил он тут, что ничего она дельного не умеет сказать, и очень бы это его огорчило, если бы он не подумал, что она боится, как бы ее королева не застигла, и потому у нее мысли путаются от страха. И покинул ее лишь с условием встретиться на другой день опять в тот же час, что она ему и обещала от всей души.

Королева, узнав об успехе свиданья, весьма обрадовалась. И действительно, в назначенный день король Очарователь явился похитить принцессу в воздушных носилках, запряженных крылатыми лягушками: один его друг волшебник подарил ему эти носилки. Ночь была темная-темная. Пеструшка вышла тайком из маленькой дверцы, а ожидавший король схватил ее в объятия и не меньше чем сто раз поклялся в вечной верности. Но так как скучно было ему долго летать на воздушных носилках, не женясь на любимой принцессе, то спросил он ее, где она желает свадьбу сыграть. Она ответила, что есть у нее крестная фея, по имени Суссио, очень знаменитая, и хотелось бы ей отправиться в ее замок. Хоть король дороги туда не знал, но ему стоило лишь своим громадным крылатым лягушкам о том сказать. Им вся карта вселенной была известна, и через малое время доставили они короля с Петрушкой к фее Суссио. А у той во дворце до того было светло, что король, как только приехал, сейчас же узнал бы свою ошибку, не будь принцесса так старательно укутана. Пошла она к своей крестной и, поговоривши с нею наедине, рассказала, как она изловила короля Очарователя, и просила его уговорить.

— Ах, дочка моя, — сказала фея, — трудно это будет сделать, потому что очень уж он привязан к Флорине. И чует мое сердце, наделает он нам хлопот.

Тем временем король дожидался их в зале, где все стены были из алмазов, до того чистых и прозрачных, что он насквозь через стену увидел, как Суссио и Пеструшка шептались друг с другом.

— Как, — сказал он, — уж не предан ли я? Откуда это демоны принесли врага нашего спокойствия? Ужели она сюда явилась, чтобы расстроить брак мой? А дорогой моей Флорины что-то не видно! Уж не догнал ли ее отец.

Много всяких мыслей приходило ему в голову, и он не на шутку встревожился. Но его ждало худшее, когда они обе вошли в залу и фея Суссио решительно ему заявила:

— Король Очарователь, вот перед вами принцесса Пеструшка, которой вы обещали быть верным супругом. Она мне крестница, и я желаю, чтобы вы на ней немедленно женились.

— Я! — вскричал он. — Чтобы я женился на этом маленьком чудовище! Вы, наверное, полагаете, что у меня очень покорный нрав, если такие предложения мне делаете. Знайте же, что ничего я ей не обещал, а ежели она говорит иное, так она...

— Остановитесь вовремя, — перебила его фея Суссио, — и не будьте столь дерзки, чтобы не оказать мне должного почтения.

— Я согласен, — отвечал король, — почитать вас, как фею надлежит почитать, отдайте мне мою принцессу!

— А разве я не ваша принцесса, вероломный? — воскликнула Пеструшка, показывая кольцо на своей руке. — Кому же ты это кольцо дал в залог своей верности? С кем ты у окошка маленького говорил, как не со мной?

— Как так! — вскричал он. — Значит, меня обманули и провели? Ну, я не дамся в обман! Ко мне, лягушки мои верные! Немедленно прочь отсюда!

— Не в вашей это власти, коли я на то не соглашусь, — заявила Суссио. Она тронула его, и ноги его пристали к паркету, точно их гвоздями приколотили.

— Хоть вы меня камнями побейте, хоть вы с меня шкуру сдерите, — воскликнул тогда король, — но ничьим я никогда не буду, кроме Флорины! Решение мое твердо, а там как хотите пользуйтесь вашим могуществом.

Суссио обращалась к нему и с нежностью, и с угрозами, и с посулами, и с мольбами. Пеструшка плакала, кричала, стонала, сердилась, смирялась. Но король ни слова не говорил, и взирая на них с величайшим негодованием, ничего на их речи не ответил.

Так прошло двадцать дней и двадцать ночей — и все это время они говорили да говорили, не евши, не спавши, не присевши. Наконец Суссио, вконец измучившись, сказала королю:

— Вижу я, что вы упрямец, который не хочет внять голосу разума. Ну, выбирайте: или вы семь лет будете каяться в том, что нарушили данное вами слово, или вы женитесь на моей крестнице.

Король, продолжавший хранить глубокое молчание, тут внезапно воскликнул:

— Делайте со мной что хотите, лишь бы я был от этой нюни избавлен!

— Сам вы нюня! — отвечала ему разъяренная Пеструшка. — Забавно на вас и смотреть, король лягушачий, приехавший к нам лишь за тем, чтобы меня разобидеть и слово свое нарушить. Да будь у вас чести на четыре гроша, разве вы так поступили бы?

— Вот уж поистине трогательные укорины я слышу! — ответил ей король, насмехаясь. — Видно, ошибся я, что такое сокровище не беру себе в жены!

— Нет, нет, нет! — вскричала тут Суссио в ярости. — Не бывать ей твоей женой. А ты лети в окошко, коли хочешь, потому что быть тебе семь лет голубой птицей.

В то же мгновение облик короля стал изменяться. Руки его покрываются перьями и обращаются в крылья, ноги становятся черными до тоненькими, и крючковатые когти вырастают на них, тело уменьшается, весь он убран длинными, тонкими перьями, отливающими небесной лазурью; глаза его округлились и заблестала, словно солнце; нос его уже

не нос, а клюв цвета слоновой кости; на голове его поднялся белый хохолок в виде короны, — он восхитительно поет да и говорит также.

Тут испустил он жалобный крик, видя свое превращение, вспорхнул да и вылетел в окно, покидая мрачный дворец Суссио. В глубокой тоске перелетает он с ветки на ветку, выбирая только деревья, посвященные или любви или печали, — то мирты, то кипарисы. И поет он жалобные песни, оплакивая горькую судьбу свою и Флорины.

«Куда-то враги, — думает он, — могли ее запрятать? Что случилось с прекрасной их жертвой? Не погубила ли ее жестокость королевы? Где искать мне ее? Неужели осужден я семь лет без нее томиться? Может быть, ее за это время выдадут замуж, и я навек потеряю надежду, которой жизнь моя держится».

И так все эти мысли огорчали короля Голубую Птицу, что готов он был умереть.

А фея Суссио в это время отослала Пеструшку к королеве, которая очень беспокоилась тем, как свадьба прошла. Но когда увидела она свою дочку, и та ей все рассказала, то королева пришла в ужасную ярость, которая вновь обратилась на бедную Флорину.

— Ну уж, — сказала королева, — не раз ей придется раскаяться, что понравилась она королю Очарователю.

Поднялась она в башню вместе с Пеструшкой, которая была разодета в самые дорогие платья. На голове у нее была алмазная корона, и три дочери самых богатых баронов королевства несли шлейф королевской мантии. А на пальце у нее был перстень короля Очарователя, который Флорина, однажды беседуя с ним, заметила. Очень она была удивлена, увидав Пеструшку в таком пышном наряде.

— Вот моя дочь, — сказала королева, — пришла вам показать свои свадебные подарки. Король Очарователь

женится на ней. Любит он ее без ума, и никогда еще я не видала, чтобы человек был так счастлив.

В ту же минуту перед принцессой разворачиваются золотые и серебряные ткани, выкладываются драгоценности, кружева, ленты из больших корзин тонкой работы. А Пеструшка не преминула и королевским кольцом блеснуть, так Флорина уж не могла сомневаться в своем несчастье. Заплакала она, закричала в отчаянье, чтобы убрали от нее все эти роковые подарки, что она отныне будет носить только черный цвет и что лучше б ей сейчас же умереть. И упала она без памяти, а злая королева, довольная своим успехом, даже помочь ей не позволила. Оставив ее в самом несчастном положении, пошла она к королю-отцу и вероломно доложила, что дочь его до такой степени изъясляла им свою нежность, что, наверное, помешалась, почему никак нельзя выпускать ее из башни. Король ей ответил, что она может поступать, как ей заблагорассудится, а он всегда останется ею доволен.

Когда принцесса очнулась от своего забытья и задумалась над тем, как с ней обращаются, и как ее недостойная мачеха мучает, да о том, что теперь потеряла она надежду соединиться с королем Очарователем, — до того она загрустила, что всю ночь напролет проплакала. Подошла она к окошку и стала нежно и трогательно на судьбу свою жаловаться. Когда рассвело, она затворила окно и продолжала плакать.

На следующую ночь она отворила окошко, испуская глубокие вздохи и стенания. Слезы потоком лились у нее из очей; настал день, и опять спряталась она в своей комнате. Между тем король Очарователь или, лучше сказать, король Голубая Птица, все время вокруг дворца порхал, думая, что дорогая его принцесса находится там в заключении. И если грустно она горевала, то и он не меньше. Подлетал он к окнам как

только мог поближе, чтобы в комнаты заглянуть, но боясь, как бы Пеструшка не заметила и не узнала его, делал он это с большой опаской.

— Тут ведь дело идет о моей жизни, — говорил он сам себе.

— Если эти злодейки узнают, где я нахожусь, они будут мне мстить. И либо мне улететь отсюда придется, либо подвергнуться крайней опасности.

По этим причинам был он очень осторожен и решался петь только ночью.

Напротив Флоринина окна рос высокий-высокий кипарис. И вот король Голубая Птица однажды взлетел на него. И только что сел он на ветку, вдруг слышит, как кто-то жалобным голосом о судьбе своей плачется.

— Долго ли мне еще мучиться? — говорит нежный голос. — Неужто смерть не придет мне на помощь? Вот ведь кто ее боится, к тем раньше времени она приходит, а я и зову ее, да она, злая, меня избегает. Ах, чудовище ты, королева, что я тебе сделала, что ты меня держишь в ужасной тюрьме? Разве нет у тебя других мест, чтобы меня мучить? Уж лучше бы ты заставила меня смотреть на то счастье, которым твоя недостойная дочь наслаждается с королем Очарователем!

Голубая Птица ни одного слова из этих жалоб не проронил и очень им удивился. С крайним нетерпением дожидался он дня, чтобы взглянуть на горющую пленницу, но еще не рассвело, затворила она окно и ушла.

Любопытный король-птица и на другую ночь прилетел; а ночь была ясная, лунная, — увидел он девушку в башенном окне, и начала она опять свои жалобы.

— Судьба ты моя, — говорила она, — льстила ты меня королевской короной, ласкала отчей любовью, и что же я тебе сделала, что сразу такое горе ты мне послала? Неужели в нежном моем возрасте должно уже

испытать твое непостоянство? Приди ко мне, ужасная, заклинаю тебя всем, чем могу, положи конец роковой моей жизни.

Голубая Птица слушал все это, и чем дальше слушал, тем все больше уверялся, что это его дорогая принцесса плачет. И сказал он ей:

— Обожаемая моя Флорина, чудо наших дней, зачем вы дни свои желаете так скоро окончить? Беды ваши ведь вовсе не безнадежны.

— Кто это, — вскричала она, — говорит со мной так утешительно?

— Несчастный король, — отвечала Птица, — который вас любит и никого кроме вас не будет любить.

— Меня любить, — повторила она. — Наверное, это новые козни моих врагов, но что ж они выиграют этим? Если они хотят узнать мои чувства, то я их готова открыть.

— Нет, королева моя, — отвечал король Птица, — любящий, который говорит с вами, не способен предать вас.

И с этими словами вспорхнул он на окно. Флорина сперва было испугалась необыкновенной птицы, которая так умно по-человечьи говорит, но тоненький соловьиный голосок и красота оперенья ее успокоили.

— Позволено ли мне вновь вас увидеть, принцесса? — воскликнул король-птица. — Могу ли я таким счастьем упиться и не умереть от радости? Но, увы, радость эта отравлена вашим заточением и тем ужасным состоянием, на какое меня обрекла злая фея Суссио на семь лет.

— А кто же вы, очаровательная птичка? — спросила принцесса, лаская его.

— Вы назвали мое имя, — ответил король — а еще притворяетесь, будто не узнали меня.

— Как, — воскликнула она, — сам великий король, король Очарователь, и вдруг стал маленькой птичкой,

которая у меня в руках?

— Увы, прекрасная Флорина, так оно и есть, — ответил король, — и если что меня и может утешить, так только то одно, что я его несчастье предпочел отказу от вашей любви.

— От любви моей? — сказала Флорина. — Ах, не пытайтесь обмануть меня! Я знаю, я знаю, что вы на Пеструшке женились: я узнала ваше кольцо на ее руке и всю ее видела сверкающую алмазами, которые вы ей надарили. Она пришла оскорбить меня в горькую мою темницу, украшенная богатой короной и королевской мантией, которые она получила из ваших рук, а я-то украшена была цепями да оковами!

— Как? — спросил король. — Вы ее видели в таком наряде? И они с матерью решились сказать, что это мои подарки? О небо, слышать такую ужасную ложь и не быть в состоянии отомстить за нее в тот же миг! Знайте же, что они хотели меня обмануть и, пользуясь вашим именем, заставили меня похитить ужасную Пеструшку. Но как только увидел я свою ошибку, тотчас же я захотел ее покинуть и решился семь долгих лет быть голубой птицей, нежели поступиться верностью, в которой я вам поклялся.

И как трогательно было слушать Флорине своего возлюбленного, что она даже о несчастной своей темнице позабыла. И что она только ему не говорила, чтобы его утешить в его печальной участи, чтобы уверить его, что и она не меньше для него сделала, чем он для нее сделал! Занимался день, и уж многие из королевской стражи пробудились, а Голубая Птица и принцесса все еще говорили друг с другом. С великим трудом они разлучились, пообещав друг другу, что каждую ночь будут так встречаться.

Радость найти друг друга была так велика, что нет слов ее описать. Каждый со своей стороны благодарили

они за то любовь и судьбу. А в то же время Флорина беспокоилась о Голубой Птице:

— Кто охранит его от охотников, — говорила она, — да от острых орлиных когтей или от какого-нибудь проголодавшегося коршуна? А ведь тот его съест с таким аппетитом, что даже и не заподозрит, какого он великого короля кушает. О небо! Что будет со мной, если его тонкие перышки ветер занесет ко мне в комнату, возвещая несчастье, которого я так боюсь?

Эта мысль не позволила бедной королевне и глаз сомкнуть, потому что в любовном ослеплении воображение кажется действительностью и то, что в другое время невысказано, представляется легко возможным. Так проплакала она целый день, пока не настал час подойти к окошку.

Очаровательный король-птица, спрятавшись в дупле дерева, целый день думал о своей принцессе.

— Как я рад, — говорил он — что нашел ее! Как она привлекательна, как живо ощущаю я ту доброту, которую она мне изъясняет.

Этот нежный любовник переносил наказание, не дававшее ему жениться, с величайшим нетерпением, и никогда так страстно не мечтал об окончании срока. Так ему хотелось оказать Флорине все возможные любезности, что полетел он в столицу своего королевства, к своему дворцу, вспорхнул в свой кабинет через разбитое стекло и достал из сокровищницы алмазные подвески для ушей, такие красивые и такой превосходной работы, что подобных на свете не было. В тот же вечер принес он их Флорине и просил надеть.

— Я согласна была бы, — ответила она, — надеть их, если бы вы меня видели днем, но так как я только ночью беседую с вами, то не надену их.

Король-птица пообещал ей распорядиться так своим временем, чтобы явиться перед ней в час, когда она

пожелает. Она сейчас же надела подвески, и ночь прошла в приятных разговорах, как и предшествующая.

На другой день Голубая Птица опять полетела в свое королевство, вспорхнув в свой кабинет через разбитое окно и унес с собой самые роскошные браслеты, какие когда-либо видели: были они из цельного изумруда, граненного и выточенного посередине, чтобы можно было руку продеть.

— Вы, верно, думаете, — сказала ему принцесса, — что мои чувства к вам нуждаются в поощрении подарками? Плохо вы меня знаете!

— Нет, госпожа моя, — отвечал он, — не думаю, чтобы безделушки, которые я вам подношу, были необходимы, чтобы мне сохранить вашу нежность, но моя нежность была бы оскорблена, если бы я упустил какую-нибудь возможность оказать мое вам внимание. А когда вы меня не видите, эти маленькие драгоценности напоминают вам обо мне.

Вслед за тем Флорина сказала ему немало любезных слов, а он отвечал ей тысячью таких же любезностей.

На другую ночь возлюбленный король-птица не преминул принести своей красавице часики, которые были удивительной величины, сделанные в жемчуге, и изящество работы превосходило даже этот драгоценный материал.

— Зачем дарить меня часами? — любезно сказала она ему. — Когда вас нет со мной, то часы тянутся без конца, а когда мы вместе, они пролетают, как сон, и потому все равно не могу я их мерить точной меркой.

— Увы, принцесса, — воскликнул Голубая Птица, — хоть и держусь я того же мнения, что и вы, но убежден, что вы из деликатности преувеличиваете.

— После того, что вы переносите, отвечала она, — чтобы сохранить мне ваше сердце, я думаю, что нельзя идти далее в дружбе и преданности.

Как только день занимался, король-птица забивался в глубь дупла дерева, чьи плоды служили ему пищей. А иногда он распевал чудесные песни, и голос его восхищал прохожих; они слушали и никого не видали, а потому все решили, что то поют духи. Это мнение так распространилось, что в тот лес никто не решался входить. Кругом рассказывали тысячи баснословных приключений, которые будто бы там произошли, и общий ужас был верным защитником Голубой Птицы.

Дня не проходило, чтобы он не дарил чего-нибудь Флорине: то принесет жемчужное ожерелье, то сверкающие перстни тончайшей работы, то алмазные застежки, то драгоценные печати, то букетики самоцветных камней, подражавших окраске цветов, то занимательные книжки, то медали; таким образом, у нее скопилось множество всяких удивительных сокровищ. Она украшалась ими только на ночь, чтобы королю понравиться, а днем, так как ей некуда было их запереть, заботливо прятала в свой соломенный тюфячок. Так протекли два года, и ни разу Флорина больше не оплакивала своего заключения, да и как можно было ей плакаться? Рада она была все ночи видеть своего возлюбленного, и никогда еще у нее не было столько прелестных вещей. Хотя она ни с кем не видалась, а Голубая Птица днем пряталась в дупле дерева, все-таки у них было тысячу новостей рассказать друг другу, потому что сердца их всегда давали им предмет для беседы.

В то же время злая королева, которая так жестоко держала Флорину в заключении, делала тщетные усилия, чтоб свою Пеструшку выдать замуж. Посылала она послов, чтобы предложить ее в жены всем принцам, каких только она знала по имени, но когда послы приезжали, их тотчас же без дальних слов выпроваживали.

— Если бы о принцессе Флорине говорили, отвечали им, — мы бы вас с радостью приняли, что же до Пеструшки, то пусть она останется девою навек, никто с этим спорить не станет.

А после докладов Пеструшка и ее мать еще больше злобились на ни в чем неповинную королеву, которую они преследовали.

— Как, — говорили они, — несмотря на то, что она находится в заключении, эта высокомерная особа все-таки становится нам поперек! Как простить ей все гадости, которые она нам наделала! Быть не может, чтобы она не состояла в секретной переписке с заморскими странами, — а уж это одно есть государственное преступление; поймем-ка ее по свежему следу и найдем все возможные способы к тому, чтобы ее уличить.

Они окончили свое совещание так поздно, что было уже за полночь, когда решили они подняться на башню и ее допросить. Она в это время стояла у окна, беседуя с Голубой Птицей, украшенная своими драгоценностями, и чудные ее волосы были убраны с такой тщательностью, которая не свойственна удрученным людям. Комната ее и постель были усыпаны цветами, а несколько испанских пастилок, которые она только что сожгла, наполняли комнату чудесным ароматом. Королева стала у двери подслушивать, и показалось ей, что там поют арию на два голоса, а Флорины голос-то был почти небесный. И вот какие нежные слова она услышала:

О, как судьбой огорчены мы,
Как мы страдаем от нее,
За то, что, несмотря на все,
Друг другом нежно мы любимы.
Но что б ни делали враги,

Друг другу будем дороги.

Несколько вздохов заключили их маленький концерт.

— Ах, Пеструшка, нас предали! — вскричала королева и, толкнув со всей силы дверь, бросилась в комнату.

Что было делать Флорине в этот миг. Быстро распахнула она окно, чтобы дать время своей королевской птичке улететь. Она гораздо более была занята его спасением, нежели своим; но у него не хватило решимости оставить ее, ибо зоркие его очи открыли опасность, которой королевна подвергалась. Он видит королеву и Пеструшку — и какой ужас! — не может защитить свою любимицу! А они приближались к ней как фурии, жаждущие ее растерзать.

— Ваши коварные замыслы против королевства известны! — закричала ей королева. — Не думайте, что ваше высокое положение спасет вас от наказания, которое вы заслужили!

— Но с кем же могу я злоумышлять? — возразила принцесса. — Не вы ли моя тюремщица вот уже два года? Кого я видела, кроме тех, кого вы ко мне посылали?

Пока она говорила, королева и ее дочка с несказанным изумлением смотрели на ослепительную красоту ее и на замечательные ее украшения.

— А откуда же у вас, сударыня, — сказала королева, — камни эти, горящие, как солнце? Уж не станете ли вы нас уверять, что у вас в башне копи открылись?

— Я их здесь нашла, — отвечала Флорина, — а больше мне нечего вам сказать.

Королева внимательно на нее посмотрела, стараясь проникнуть в самую глубину ее мыслей.

— Напрасно полагаете вы нас одурачить, — сказала она, — нечего нам рассказывать небылицы. Знайте, принцесса, что нам известно все, что вы делаете с раннего утра и до позднего вечера. А вам все эти драгоценности только за тем поднесли, чтобы вы за них королевство вашего батюшки продали.

— Действительно, я в состоянии его продать! — отвечала принцесса с презрительной улыбкой. — На какие только козни не способна несчастная принцесса, которая столько времени томится в оковах!

— А для кого же это, — продолжала королева, — причесались вы столь кокетливо, для кого ваша комната наполнена ароматом, а одеты вы так, что и при дворе вашего батюшки вы так не наряжались?

— Немало у меня досуга, — отвечала принцесса, — и не удивительно, что я уделяю время на то, чтобы одеться. Я столько часов провожу, оплакивая свои несчастья, что нечего меня в этом упрекать.

— Так, так, посмотрим, — сказала королева, — не завязала ли эта невинная особа каких-нибудь дел с врагами нашими.

И стала она сама все осматривать и обыскивать. Подошла к тюфячку, вытрясла его и нашла там такое количество алмазов, жемчугов, Рубинов и топазов, что и придумать не могла, откуда все это взялось здесь. И решила она в укромное место подложить подметные письма, чтобы тем погубить принцессу. Улучшив время, хотела она сунуть их незаметно в очаг. Но, на счастье, король Голубая Птица сидел как раз над очагом, а глаза у него были такие острые, как у рыси, и разговор он весь слышал.

— Берегись, Флорина, берегись: твой враг собирается предать тебя! — прокричал он.

Этот голос, столь нежданный, так перепугал королеву, что она не посмела исполнить задуманное.

— Видите, сударыня, — сказала принцесса, — воздушные духи мне покровительствуют.

— Я уверена, — отвечала королева, трясясь от ярости, — что это демон помогает вам. Но, как бы они ни старались, отец ваш найдет на вас управу.

— Небу да будет угодно, — воскликнула Флорина, — чтобы я боялась только гнева отца моего! Но ваша ненависть, сударыня, гораздо ужасней.

Королева ушла от нее, ошеломленная всем, что она видела и слышала. Стала она совет держать со своими приближенными, что бы ей предпринять против принцессы. А они на то ей ответили, что ежели какая фея или какой волшебник принцессу взяли под свое покровительство, то сильно можно их прогневать, подвергнув ее новым мучениям, а потому лучше постараться открыть ее козни. Королева с тем согласилась и послала ночевать в башню одну юную девицу, которая, прикинувшись невинной, сказала принцессе, как велено было, что она прислана ей для услуги. Но был ли смысл в таком грубом притворстве? Принцесса сразу увидела, что она приставлена шпионить; горе ее было ужасно.

— Уж не придется больше мне с моим милым королем-птичкой беседовать! — говорила она. — Помогал он мне горе переносить, а я ему горе облегчала, и жили мы нашей нежностью. Что-то он теперь будет делать? Что-то я сама буду делать? И она пролиwała ручьи слез.

Она уж теперь не решалась подходить к окну, хоть и слышала, как он кругом порхает; до смерти хотелось ей окно отворить, но она боялась подвергнуть его жизнь опасности. Так целый месяц не появлялась она у окна. Король Голубая Птица был в полном отчаянии. Каким только жалобам он не предавался! Как ему жить без своей принцессы? Никогда еще он так не чувствовал горя от ее отсутствия и от своего превращения. Тщетно

искал он средств и от того и от другого, сколько он ни ломал себе голову, так ничего придумать не мог.

Принцесса-шпионка, которая целый месяц за ней днем и ночью смотрела, глаз не смыкая, так измучилась наконец бессонницей, что однажды уснула глубоким сном. Флорина, заметив это, отворила окошко и сказала:

Птичка моя, ты — небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

Так она и сказала слово в слово. А король-птица так это внятно услышал, что через миг уже был на окне. Сколько счастья они испытали! Сколько новостей надо было им друг другу рассказать! Уверения в нежности и верности возобновлялись тысячу и тысячу раз. Принцесса не могла удержаться от слез, а возлюбленный ее был растроган и утешал ее как только мог. Наконец пришло время расстаться, и раньше чем тюремщица успела проснуться, распрощались они самым нежным образом. На другой день шпионка снова заснула, а принцесса проворно подошла к окну и сказала, как и в прошлый раз:

Птичка моя, ты — небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

Сейчас же птичка прилетела, и ночь прошла, как и первая, без шума и помехи, чем наши любовники были очень довольны, надеясь, что надзирательница так любила поспать, что ничего другого по ночам делать не будет. Действительно, и третья ночь прошла очень счастливо, но на следующую ночь шпионка сквозь сон услышала шум и стала прислушиваться, не подавая вида. Потом пригляделась она хорошенько и увидела в

лунном луче, как самая красивая птица на белом свете разговаривает с принцессой, ласкает ее своей маленькой лапкой и тихонько клювом поет. Наконец услышала она многое из их разговора и тем была очень удивлена, потому что король Голубая Птица говорил, как влюбленный, а прекрасная Флорина с нежностью ему отвечала.

Настал день, они распростились, и, словно предчувствуя свои будущие невзгоды, расстались они с великой печалью. Вся в слезах бросилась принцесса на постель, а король вернулся к себе в дупло. Тюремщица побежала к королеве и рассказала ей все, что видела и слышала. Королева сейчас же послала за Пеструшкой и своими наперсницами. Долго они рассуждали, и наконец все на том согласились, что Голубая Птица есть не кто иной, как сам король Очарователь.

— Какое оскорбление! — воскликнула королева. — Какой позор, Пеструшка ты моя! Дерзкая эта принцесса, которая, думала я, так скорбит, развлекается себе преспокойно приятными разговорами с нашим неблагодарным изменником! Ну, уж так кроваво я им отомщу, что долго о той казни говорить будут.

Пеструшка умоляла ее ни единого часа не терять, и так как она, по ее мнению, еще более в том деле была заинтересована, нежели королева, то умирала от радости, размышляя обо всем, что могло бы наших любовников разогорчить.

Королева отослала свою шпионку в башню и велела ей не выказывать ни подозрения, ни любопытства, а сделать вид, что она еще крепче спит, чем обычно. Улеглась та спать спозаранку, захрапела как можно громче, а бедняжка принцесса, отворив окошко, прокричала:

Птичка моя, ты — небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

Но целую ночь тщетно она звала, ибо злая королева навесила на кипарис шпаги, ножи, бритвы, кинжалы, и когда он хотел вылететь, смертоносные оружия эти поранили ему ногу, он упал да на другие попал, которыми крылья себе поранил. Наконец весь израненный, кое-как добрался он до своего дерева, оставляя за собой длинный кровавый след.

Где были вы, прекрасная принцесса, что не могли королю, вашей птичке, помочь? Но, наверное, умерла бы принцесса, если бы его увидела в таком плачевном виде. А он не хотел о своей жизни заботиться, уверенный, что это сама Флорина с ним так жестоко обошлась.

— Ах, коварная, — восклицал он горестно, — так-то ты платишь за страсть, самую чистую и самую нежную, какая когда-либо была? Если ты моей смерти хотела, почему ты сама мне про то не сказала? Я с радостью принял бы смерть от твоей руки. А я-то к тебе летел с такой любовью, с таким доверием! страдал я за тебя и страдал, не жалуясь! Как! Ты меня предала самой жестокой из женщин? Она была общим врагом, а ты с ней заключила мир за мое горе. Это ты, Флорина, ты меня изъязвила кинжалами. Руку позаимствовала ты у Пеструшки и направила в мою грудь!

Мрачные эти мысли так его огорчили, что он решил умереть. Но его друг волшебник, который увидел, что крылатые лягушки к нему вернулись, а король и глаз не показывает, так тем огорчился, что восемь раз всю землю кругом облетел, а все найти его не мог. Облетал он теперь землю в девятый раз и как раз пролетал над лесом, где скрывался король. Следуя тем правилам, о которых они с ним уговорились, затрубил он протяжно в свой рог, а потом прокричал подряд что есть силы:

— Король Очарователь, король Очарователь, где вы?

Король узнал голос своего лучшего друга.

— Приблизьтесь, — сказал он, — к этому дереву и посмотрите на несчастного короля, который тонет в своей крови. Вне себя от удивления, волшебник смотрит по всем сторонам и ничего не замечает.

— Я — Голубая Птица, — сказал тогда король слабым, умирающим голосом.

При этих словах волшебник без труда отыскал его в маленьком гнездышке. Другой на его месте очень бы удивился, но ему были ведомы тайны некромании. Стоило ему несколько слов выговорить, и кровь, сочившаяся еще из ран, сразу остановилась. Потом сорвал он некоторые травы, которые нашел тут же в лесу, пошептал над ними свою тарабарщину и тотчас короля так исцелил, как будто тот и ввек ранен не был. Тогда волшебник попросил его рассказать, как это он стал птицей, и кто его так жестоко изранил. Король удовлетворил его любопытство и рассказал ему, что это Флорина выдала тайну любовных его посещений и, чтобы с королевой примириться, согласилась увешать кипарис кинжалами да бритвами, которыми и был он почти что искромсан; тысячу раз кричал он о неверности своей принцессы и говорил, что уж лучше бы пораньше ему умереть, не узнав ее злого сердца. С бешенством стал волшебник говорить о ней да и о всех женщинах и посоветовал королю забыть ее.

— Какое было бы несчастье, — сказал он, — если бы вам пришлось и далее любить эту неблагодарную! После того, что она вам сделала, всего можно от нее опасаться.

Король Голубая Птица не мог с ним согласиться: он все еще слишком любил Флорину; и тогда волшебник, поняв его чувства, как тот ни пытался их скрыть, сказал ему нежно:

Зачем без толку утешать?
Когда страданье нас тревожит,
Другого нам нельзя понять,
Одна печаль нам сердце гложет.
Пусть время тихо пролетит
В своем целительном теченье.
А без него и утешенье
Нас только хуже раздражит.

Король-птица согласился с ним и просил своего друга отнести его к себе и посадить в клетку, где бы ему не грозила лапа кота или иные смертоносные орудия.

— Ну, — сказал ему чародей, — неужели вы еще пять лет будете оставаться в таком плачевном положении, столь не подходящем для ваших дел и вашего достоинства? Потому что ведь, в конце концов, есть у вас и враги, которые утверждают, что вы умерли; они хотят поработить ваше королевство, и боюсь, как бы вам его раньше не потерять, чем вы снова свой образ получите.

— А нельзя ли мне, — спросил тот, — отправиться в свой дворец и управлять, как обычно, своим королевством?

— О, — воскликнул его друг, — трудно это! Тот, кто готов человеку подчиниться, станет ли слушать попугая?

Боялись они вас, когда вы были королем, окруженным величием и блеском, а увидя вас маленькой птичкой, все они у вас перья повыдерут.

— Ах, слабость человеческая! Слабость к пышности внешней! — воскликнул король. — Ничего для тебя не значат ни заслуги, ни добродетель, и такие в тебе есть опасности, от которых и защиты-то нет! Ну что ж, — продолжал он, — будем мудрецами и будем презирать

то, чего не можем получить, — наша участь еще не самая худшая.

— Ну, я так скоро не сдамся, — ответил маг, — надеюсь, я еще найду хороший выход.

А Флорина, бедная Флорина, огорченная тем, что не видит больше своего короля, дни и ночи проводила у окна и все повторяла:

Птичка моя, ты — небес синее,
Милая птичка, лети поскорее.

И даже присутствие шпионки ее не стесняло: так она была удручена, что ни о чем уже не думала.

— Что случилось с вами, король Очарователь? — восклицала она. — Неужели общие враги наши вновь заставили вас почувствовать ужасные последствия их злобы? Неужели пали вы жертвой их ярости? Неужели мне вас больше не увидеть? Или, утомившись моими несчастиями, покинули вы меня на невзгоды моей судьбы?

Сколько слез, сколько рыданий сопровождали ее нежные жалобы! Как долго текли часы в отсутствие любезного и дорогого ее возлюбленного! Принцесса, сраженная, больная, похудевшая, изменившаяся, через силу себя поддерживала; она была уверена, что с ним случилось что-то ужасное.

А королева и Пеструшка ликовали. Так сладка показалась им месть, что даже и обида не была уж так им тяжела. Да и, в конце концов, о какой обиде шла речь? Только и было того, что король Очарователь не захотел на маленьком чудовище жениться, ненавидеть которое он имел тысячи причин. А в это время отец Флорины, который был уже стар, захворал да и умер. И судьба злой королевы и дочери ее сразу переменилась, стали говорить, что они только у короля в чести были

да и той честью немало злоупотребляли. Взбунтовался народ, бросился ко дворцу и стал требовать принцессу Флорину, называя ее единственной государыней. Разъяренная королева думала высокомерием уладить дело, вышла на балкон и стала бунтовщикам грозить. Ну, тут уж все взбунтовались, бросились ко дворцу, выломали двери, разгромили ее покои, а самое королеву побили камнями. Пеструшка спаслась к своей крестной, фее Суссио: пришлось ей бежать от судьбы своей матери.

Вельможи королевства собрались тут и поднялись в башню, где принцесса лежала тяжело больная. Не знала она ни о смерти отца, ни о казне врага своего. Услышав такой великий шум, решила она, что то идут за ней вести ее на смерть. И не испугалась она, потому что ей жизнь ненавистна стала с тех пор, как она потеряла Голубую Птицу. Но подданные бросились к ее ногам, рассказывая ей о переменах в ее судьбе, а она и не тронулась тем. Принесли ее во дворец и короновали.

Так все заботились о ее здоровье, и так ей хотелось идти на поиски Голубой Птицы, что скоро стала она поправляться и уж было у нее довольно сил, чтобы назначить совет, который бы управлял королевством в ее отсутствие. А затем взяла она с собой тысячу миллионов драгоценных камней да и ушла ночью совсем одна, так что никто и не знал, куда она отправилась.

Волшебник, который принимал участие в делах короля Очарователя, не имея достаточно власти разрушить злые чары феи Суссио, решил отправиться к ней и предложить ей некоторые условия, на которых она согласилась бы вернуть королю его прежний образ. Запряг он своих крылатых лягушек и прилетел к фее, которая в эту минуту беседовала с Пеструшкой. От волшебника до феи рукой подать; они знали уже друг друга лет пятьсот, не то шестьсот, и за это время и

ссорились они и мирились. Она его приняла очень любезно.

— Чего угодно куманьку дорогому? — спросила она его (все они друг друга так называют). — Могу ли чем-нибудь быть полезна ему?

— Да, кумушка, — отвечал маг, — чтобы доставить мне удовольствие, все в вашей власти; дело идет о лучшем друге моем, о короле, которого вы сделали несчастным.

— А, а! Понимаю я вас, куманек, — воскликнула Суссио, — очень мне неприятно, но ничего ему на мою милость надеяться, коли не хочет он на моей крестнице жениться. Вот она перед вами, хороша и прекрасна; пусть он подумает.

Волшебник чуть не онемел, так гадка она ему показалась, а все же не хотелось ему уезжать, ни о чем с феей не договорившись, потому что уж очень король подвергался большим опасностям, сидя в клетке. Однажды сломался гвоздь, на котором клетка висела, клетка упала, и его пернатое величество от этого жестоко пострадало; кот Мине, который случился в комнате в это время, подбежал и так его по глазу когтями цапнул, что думал король кривым остаться. Другой раз забыли ему воды налить, и заработал бы он как раз себе типун на язык, коли, наконец, не перепало бы ему нескольких капель воды. Обезьянка, маленький разбойник, однажды, ускользнув на волю, изловила его за перья сквозь прутья клетки, а после того у него столько перьев осталось, что и на сойку или дрозда не хватило бы. Но самое худшее в том заключалось, что должен был он скоро свое королевство потерять, потому что наследники его все новые да новые плутни затевали, чтобы доказать его смерть. Наконец волшебник договорился со своей кумой Суссио о том, что привезет она Пеструшку во дворец короля Очарователя, что она там поживет месяц-другой,

покуда он не примет решения жениться на ней, и тогда вернет она ему человеческий образ, под условием, что ежели он не женится, так опять станет птицей.

Подарила фея Пеструшке одежды, все золотые да серебряные, посадила ее позади себя верхом на дракона, и понеслись они в королевство короля Очарователя, который прибыл со своим верным другом чародеем. Три раза тронула она птицу волшебной палочкой, и в тот же миг король увидал себя, каким и раньше был, красивым, любезным, остроумным и великолепным. Дорого он заплатил за то, чтобы свое испытание сократить, и от одной мысли, что придется ему жениться на Пеструшке, весь он дрожал. Как ни уговаривал его умными речами волшебник, не столько он о делах своего королевства думал, сколько о том, как бы тот срок оттянуть, в какой ему Суссио приказала на Пеструшке жениться.

А тем временем королева Флорина в крестьянской одежде, растрепанными волосами прикрывая лицо, в соломенной шляпе на голове да с холщовой сумкой за спиной, пустилась в путь; то пешком, то на лошади, то морем то сушей, спешила она все вперед. Однако, не зная, куда ей направляться, постоянно боялась она, что выберет не ту сторону, где был любезный ее король. Однажды остановилась она около ручья, где вода серебрилась на мелких камушках, и захотелось ей помыть себе ноги. Уселась она на лужке, подвязала лентой белокурые свои волосы и опустила ноги в воду; и похожа она была на богиню Диану, купающуюся, вернувшись с охоты. В то время проходила мимо маленькая старушка, вся сгорбленная и опирающаяся на толстую клюку; остановилась старушка и говорит ей:

— Что вы делаете, красавица? Да неужели вы совсем одни?

— Ах, бабушка, — ответила ей королева, — в немалой я компании путешествую, потому что со мной

мои огорчения, заботы да неудовольствия.

При этих словах очи ее покрылись слезами.

— Как, — сказала ей добрая старушка, — такая вы молодая, и плачете? Э, дочка, не огорчайтесь. Скажите мне все, как есть, и надеюсь, что смогу вам помочь.

Королева охотно рассказала ей о своих бедах, о соучастии феи Суссио в этом деле и о том, наконец, что она Голубую Птицу ищет.

Тут старушка выпрямилась, прибралась, в один миг лицо ее переменилось, и явилась она красивой, молодой, великолепно одетой и, приветливо улыбнувшись королеве, сказала:

— Несравненная Флорина, узнайте, что король, которого вы ищете, уже больше не птица. Сестра моя Суссио вернула ему прежний образ, и он отныне в своем королевстве; не огорчайтесь, вы туда явитесь, и достигнете цели ваших желаний. Вот вам четыре яйца; разбейте их, когда будете вы в великой нужде, и тогда вы получите помощь.

С этими словами она исчезла. Флорина была очень утешена тем, что услышала, положила яйца в сумку и направила шаги свои в королевство короля Очарователя.

Восемь дней и ночей она шла, не останавливаясь, и пришла к подножью горы, невероятно высокой; вся она была из слоновой кости и до того крута, что ступить нельзя, не упав. Королева без конца пыталась влезть на нее, скользила да уставала, и наконец, отчаявшись преодолела такое препятствие, легла она у подошвы горы и готовилась уже умереть, как вдруг вспомнила про те яйца, которые ей фея дала. Взяла она одно яйцо и сказала:

— А ну-ка, посмотрим, не посмеялась ли она надо мной, добрую помощь мне посулив.

Разбила она яйцо, а в нем, глядь — золотые подковки лежат. Надела она их на ноги да на руки и

пошла по горе из слоновой кости безо всякого труда, потому что шипы от подковок впивались в гору и не давали скользить. Дошла она наконец до самой вершины, взглянула вниз, — новое горе: сойти нельзя.

Весь склон той горы было одно сплошное хрустальное зеркало. А вокруг того зеркала шестьсот тысяч дам в него смотрелись, так как в том зеркале было добрых две мили в ширину да шесть в высоту. И всякая в том зеркале такой себя видела, какой хотела. Рыжая отражалась там белокурой, темно-русская становилась черноволосой, старуха казалась молоденькой, а молодая так вовсе не старела; Словом, так хорошо скрывало то зеркало недостатки, что сходились к нему люди со всех четырех концов света. Было от чего со смеху помереть, как поглядишь на жеманства да гримасы этих кокеток. Это обстоятельство привлекало туда немало и мужчин, зеркало и им нравилось. Одних оно показывало с чудными кудрями, других выше и стройнее станом, и вид придавало воинственный, и лицо озаряло красотой. Они смеялись над женщинами, а те в свою очередь смеялись над ними, а потому ту гору прозвали тысячью разных имен. Никому, однако, не удавалось взойти на ее вершину, и когда увидели они Флорину, то все дамы отчаянно стали кричать:

— Куда эта безумная идет? Ишь, какая ловкая, по зеркалу ходить умеет! Разобьет она нам наше зеркало!

И шум они подняли ужасный.

Смотрит королева и не знает, как ей быть, видит, что опасно по зеркалу спускаться. Разбила она еще одно яйцо и вышли оттуда два голубя, запряженные в маленькую колесницу. И тут же на глазах она настолько увеличилась, что королева удобно уселась в ней, и свезли ее голуби тихонько безо всякого беспокойства. Она им и говорит:

— Друзья мои, доведите уж меня до самого двора короля Очарователя. Будьте уверены в великой моей благодарности. А голуби те, вежливые и послушные, не останавливались ни днем, ни ночью, пока не прибыли к городским воротам. Сошла Флорина с колесницы и сладко поцеловала каждого, а поцелуи ее были дороже короны.

И как же у нее билось сердце, когда она вступала в город! Загрязнила она себе лицо, чтобы никто ее не узнал. И спрашивает у прохожих, как бы ей короля повидать. Засмеялись ей в ответ:

— Короля повидать? — говорят. — Ишь, чего захотела, Милка-Замарашка! Поди-ка, поди-ка умойся, не такие твои глаза, чтоб на великого короля смотреть!

Ничего им королева не ответила, пошла тихо дальше и начала других спрашивать, где бы ей короля увидеть.

— Завтра, — отвечают ей, — приедет он во храм с принцессой Пеструшкой, потому что он наконец согласился на ней жениться.

Небо! Вот какие новости она узнала! Пеструшка, недостойная Пеструшка выйдет замуж за короля! Флорина готова была умереть от горя: силы ее оставили, ни говорить она не могла, ни шагу ступить, и уселась она на камни у чьей-то двери, скрыв лицо волосами и соломенной своей шляпой.

— Ах я, несчастная! — говорила она. — И пришла-то я сюда только увеличить торжество моей соперницы и быть свидетельницей ее радости! Вот почему король Голубая Птица перестал прилетать ко мне! Из-за этого маленького чудовища оказал он мне самую жестокую неверность, когда я в горестях непомерных старалась о спасении его жизни! Бросил меня изменник, забыл обо мне, словно и не видел меня никогда. Предоставил он мне в разлуке с ним печалиться, а самому и заботы мало о разлуке со мной.

Когда нас удручает такое горе, так и аппетита нет; искала королева, где бы ей устроиться, и улеглась, не поужинав. С первыми лучами солнца она поднялась и побежала во храм. Долго ее туда стража и солдаты не пускали, и немало она их окриков наслушалась. Вошла она и видит два трона — короля и Пеструшки, которую уже королевой считали. Каково было смотреть на это нежной Флорине! Подошла она к трону своей разлучницы и стала, прислонясь к мраморной колонне. Первым явился король, красивее и любезнее, чем когда-либо. Вслед за ним появилась Пеструшка, богато разодетая, но до того безобразная, что смотреть было страшно. Поглядела она на королеву, наморщив брови:

— Кто ты такая, — спросила она ее, — что осмеливаешься приближаться к моей великолепной особе и к моему золотому трону?

— А зовут меня Милка-Замарашка, — та ей отвечает, — и пришла я издали всякие редкости продавать.

Пошарила она в своей холщовой суме и вынула оттуда изумрудные браслеты, которые ей король Очарователь подарил.

— Ого-го! — сказала Пеструшка. — Важные стекляшки, хочешь за них пять золотых?

— Покажи их, госпожа моя, знатокам, — отвечала королева, — тогда мы и сторгуемся.

Пеструшка, которая так в короля была влюблена, как только такая жаба влюбиться может, рада была всякому случаю с ним поговорить. Подошла она к его трону и показала ему браслеты, прося высказать свое мнение. Поглядел он на них и вспомнил о тех, что Флорине дарил; побледнел он, вздохнул и долго молчал; наконец, боясь, как бы не заметили его смущения, поборол он себя и ответил:

— Этим браслетам, я полагаю, такая цена, как всему моему королевству. Думал я, что одна такая пара на

свете есть, а вот, оказывается, нашлись и схожие.

Вернулась Пеструшка на свой трон, и так она на нем была хороша, будто устрица из ракушки выглядывает. И спросила она королеву, сколько та хочет за те браслеты.

— Трудно вам будет, госпожа моя, — отвечала ей королева, — заплатить за мои браслеты; лучше другой я вам торг предложу. Коли вы мне позволите одну ночку в Говорящем Кабинете во дворце короля переночевать, отдам я вам мои изумруды.

— Ладно, Милка-Замарашка! — ответила ей Пеструшка, хохоча, как полоумная, и показывая зубы длинные, как кабаньи клыки.

А король ни слова не спросил о том, откуда взялись те браслеты, потому что о том не подумал, кто их принес (да и чем могла бы она его любопытство возбудить?), а потому, что не мог побороть он свое отвращение к Пеструшке. А надо сказать, что король, будучи Голубой Птицей, принцессе рассказывал, что у него под его покоем есть такой кабинет, который называется Говорящим Кабинетом, и так он хитро устроен, что даже если там и шепотом что сказать, то все королю слышно бывает, когда он ляжет спать в своей комнате. А так как Флорина хотела его упрекнуть в неверности, то лучшего способа она и выдумать не могла.

Привели ее по Пеструшкиному приказу в тот кабинет, и начала она жаловаться и горевать.

— Сомневалась я в своем горе, — говорила она, — а вот оправдалось оно, жесток ты, король Голубая Птица! Забыл ты меня и мою разлучницу недостойную любишь! И браслеты, которые я из твоих рук вероломных получила, ничего тебе обо мне не напомнили, так ты от меня отладился!

И тут рыдания прервали ее слова, а когда силы к ней вернулись, снова начала она плакаться и так до

самого утра продолжала.

Лакеи дворцовые слышали, как она всю ночь жаловалась и вздыхала, сказали они о том Пеструшке, а та у королевы спросила, чего она такой гам подняла. Сказала ей королева в ответ, что спала она крепко, только бывает с ней, что она по ночам кричит и громко бредит. А король, так тот и вовсе ничего не слышал по роковой случайности: с тех пор как он Флорину полюбил, пропал у него сон, и чтобы ночью хоть немного отдохнуть, принимал он, ложась в постель, горькие сонные капли.

Весь-то день провела королева в тяжелой заботе.

— Если он меня слышал, — рассуждала она, — неужели он так жестоко ко мне равнодушен? А если не слышал, что ж мне такое придумать, чтобы услышать он мог?

Не было у нее больше никаких необычайных редкостей, и хоть и всегда драгоценные камни дороги, но надо было что-нибудь особое найти, чтобы вкус Пеструшки раззадорить, и опять взялась королева за свои волшебные яйца. Разбила она третье: и выехала из него маленькая карета из полированной стали, вся украшенная золотом. Была она запряжена шестью зелеными мышами, на козлах сидел розовый крысенок, а фореитор, тоже крысиного рода, был серо-льняной масти. Внутри кареты помещалось четверо марионеток, только были они гораздо живей и хитрей тех, что показывают на ярмарках в Сен-Жермене и Сен-Лоране. Замечательные штуки они выделявали! Особенно двое маленьких цыганочек так отплясывали сарабанду да пасспье, что не уступили бы Леансу.

Королева была в восторге от этого нового дивного творенья некромании, но не сказала ни слова до вечернего часа, когда Пеструшка отправлялась на прогулку. Тогда королева вышла в аллею и пустила скакать своих мышей, которые везли карету, крысят и

марионеток. Так эта штука Пеструшку подивила, что она воскликнула:

— Милка-Замарашка, Милка-Замарашка, хочешь ты пять золотых за карету да за запряжку мышиную?

— Спросите-ка вы у ученых да у докторов королевства, — сказала Флорина, — сколько такое чудо может стоить, за такую цену я и уступлю.

А Пеструшка, которая не любила себе ни в чем отказывать, заявила ей:

— Говори прямо цену, да не надоедай мне своей грязной особой!

— Еще разок в Говорящем Кабинете переночевать, — отвечала Флорина, — вот все, что я прошу.

— Иди, — сказала Пеструшка, — уж так и быть, дура ты бедная, не откажу я тебе.

А обернувшись к своим дамам, добавила:

— Вот глупая тварь, такие редкости продает ни за что.

Наступила ночь. Флорина все высказала, что только могла придумать самого нежного, но опять она зря старалась, как и раньше, потому что король никогда не забывал принимать своих сонных капель. А лакеи дворцовые между собой толковали:

— Конечно, сумасшедшая эта крестьянка; чего она всю ночь рассуждает?

— А что ни говори, — отзывались другие, — не так глупо она причитает.

С нетерпением дожидалась она дня, чтобы узнать, слышал ли ее король.

— Глух этот варвар жестокий к моим речам! — говорила она. — Не слышит он больше дорогую свою Флорину! А я по слабости своей все еще люблю его! Да, правда, заслуживаю я его презренье!

Но, сколько она ни рассуждала, не могла она себя от любви излечить. Только одно яичко у нее в сумке и

оставалось, решила она к нему прибегнуть и расколола его. И тут же из скорлупы появился пирог, украшенный шестью птицами, на славу изжаренными, ломтиками сала обложенными, вообще мастерски изготовленными; притом пели они дивными голосами, судьбу предсказывали и умели лечить от всяких болезней лучше самого Эскулапа. Осталась королева довольна таким чудом, и пошла она в переднюю к Пеструшке со своим говорящим пирогом. Ждет она, покуда та выйдет, а один из дворцовых лакеев к ней подошел и говорит:

— А знаете ли, Милка-Замарашка, что коли бы король капель сонных на ночь не принимал, вы бы ему никакого покоя не дали, потому что всю-то ночь болтаете, так что сил нет.

Тут Флорина поняла, почему ее король не слышал. Пошарила она у себя в суме и говорит:

— Не боюсь я королевского покоя нимало нарушить, и коли бы вы ему нынче с вечера тех сонных капель не дали, а я бы в том кабинете спала, так все вот эти жемчуга и алмазы вашими были.

Лакей на то согласился и обещал свое слово сдержать.

Через несколько минут появилась Пеструшка, заметила королеву с ее пирогом, а та притворилась, будто съесть его хочет.

— Что ты делаешь, Милка-Замарашка? — спросила она.

— Госпожа моя, — отвечала Флорина, — кушаю я астрологов, музыкантов да лекарей.

В тот же миг птицы принялись петь благозвучней сирен; а потом все сразу закричали:

— Дайте монетку, а мы судьбу вам предскажем!

А одна из уток, которая в середине сидела, громче других прокричала:

— Кач! Кач! Кач! Я — великий врач! Нет меня полезней ото всех болезней, всякую хворь мигом

излечу, только от любви лечить я не хочу!

Пеструшка рот разинула от удивления, никогда еще такого чуда не видала. И начала она восклицать:

— Ну и пирог! Ну и пирог! С места мне не сойти! Хочу, чтоб он был мой! Эй! Эй! Ну-ка, говори скорей, Милка-Замарашка, что тебе за него дать.

— Переночевать бы еще ночку в Говорящем Кабинете — ответила Флорина, — а больше ничего мне не нужно.

— Ладно уж, — сказала великодушно Пеструшка (развеселилась она, получая свой пирог такой удивительный), — так и быть, получишь сверх того целый пистоль.

Флорина, еще больше довольная, чем раньше, так как она теперь надеялась, что король ее услышит, поблагодарила и вышла.

Как только настала ночь, провели ее в кабинет, и желала она пламенно, чтобы дворцовый лакей сдержал свое слово и вместо сонных капель чего-нибудь другого королю налил и сон его разогнал. Подождала она того, чтобы все заснули, и принялась за свои жалобы.

— Скольким я опасностям подверглась, тебя искавши, — говорила она, — а ты меня избегаешь и на Пеструшке хочешь жениться! Что сделала я тебе, жестокий, что ты все свои клятвы позабыл? Помнишь ли ты о своем превращенье, о моей доброте, о наших нежных беседах?

И почти все разговоры их она повторила слово в слово, и память ее доказывала, как дороги они были ей.

А король вовсе не спал и так ясно слышал и голос Флорины, и каждое слово ее, что понять не мог, откуда идет тот голос. И сердце его, исполнившись нежностью, так живо напомнило ему несравненную его принцессу, что с той же горечью ощутил он разлуку с ней, как в тот миг, когда его ножи на кипарисе изранили. И стал он тоже, вспоминая ее, говорить:

— Ах, принцесса, — говорил он, — как жестоко вы обошлись со своим обожателем! Возможно ли, что вы предали меня нашим общим врагам?

Услыхала Флорина его речь и отвечала ему, что ежели бы он соизволил выслушать Милку-Замарашку, так она бы ему все те тайны открыла, в которые он до сих пор проникнуть не мог. В тот же миг кликнул нетерпеливый король своего слугу и попросил тотчас же отыскать и привести к нему Милку-Замарашку. А слуга на то ему ответил, что это дело нехитрое, потому что она спит в Говорящем Кабинете. Король не знал, что и подумать: можно ли поверить, чтобы такая великая королева, как Флорина, замарашкой переоделась? И можно ли поверить, чтобы у Милки-Замарашки голос был королевы и все бы ее тайны она знала, коли бы не была она самой королевой? В таком недоуменье поднялся король с ложа, оделся поспешно и тайным ходом спустился в Говорящий Кабинет. И хоть королева на ключ его заперла и ключ вынула, но у короля свой был, который все двери во дворце отпирал. Видит он, что она в легоньком тафтяном платье, которое она под своими лохмотьями носила, а чудные ее волосы по плечам рассыпались. Лежала она на постели, а издалека лампа чуть светила. Чуть только вошел король, так узнал ее, загорелась в нем прежняя любовь, забыл он свои обиды, бросился к ее ногам, оросил ее руки слезами и думал, что умрет от радости и от горя и от тысячи мыслей, которые проносились у него в голове.

Королева не меньше его взволновалась, стеснило ей сердце, еле вздохнуть могла. Долго смотрела она безмолвно на короля, а когда набралась сил заговорить, уж не стала его упрекать: так радостно было ей его видеть, что забыла она про все свои жалобы. Наконец они объяснились, оправдались друг перед другом,

пробудилась их нежность, и только одно их смущало — мысль о фее Суссио.

Но в этот миг вдруг перед ними появился королевский доброжелатель-волшебник вместе с той знаменитой феей, которая дала Флорине четыре яйца. Поздоровавшись с ними, они объявили, что, заключив друг с другом союз на пользу короля с королевой, победили они фею Суссио, и теперь уж их свадьбе ничего не помешает. Легко представить себе радость юных влюбленных. Только день занялся, по всему дворцу объявили о том, и все были в восторге видеть Флорину. Узнала о том и Пеструшка, прибежала к королю — и каково-то было ей увидеть там свою соперницу! И только она открыла рот, чтобы ее изругать, как появились волшебник с феей и тут же превратили ее в пеструю свинью, так что она по-прежнему Пеструшкой осталась и могла хрюкать, если и не ругаться по-прежнему. Хрюкая, побежала она со всех ног на скотный двор, где все стали над ней хохотать и тем уж совсем довели ее до отчаяния.

А король Очарователь и королева Флорина, освободившись от столь ненавистной особы, ни о чем больше и не думали, как о своей свадьбе. До чего та свадьба была пышной да веселой, рассказать нельзя. А они неописуемо были счастливы, соединившись после таких долгих испытаний.

Желтый Карлик

Жила когда-то королева. Она родила много детей, но в живых осталась одна только дочь. Правда, эта дочь была прекрасней всех дочерей на свете, и овдовевшая королева не чаяла в ней души; но она так боялась потерять юную принцессу, что не старалась исправить ее недостатки. Восхитительная девушка знала, что красотой больше походит на богиню, чем на смертную женщину, знала, что ей предстоит носить корону; она упивалась своей расцветающей прелестью и возгордилась так, что стала всех презирать.

Ласки и потачки королевы-матери еще больше убеждали дочь, что на свете нет жениха ее достойного. Что ни день принцессу наряжали Палладой или Дианой, а первые дамы королевства сопровождали ее в костюме нимф. Наконец, чтобы совсем уже вскружить голову принцессе, королева нарекла ее Красавицей. Она приказала самым искусным придворным художникам написать портрет дочери, а потом разослать эти портреты королям, с которыми поддерживала дружбу. Увидав портрет принцессы, ни один из них не мог устоять против ее всепобеждающих чар — иные заболели от любви, иные лишились рассудка, а те, кому повезло больше, в добром здравии явились ко двору ее матери. Но, едва бедные государи увидели принцессу, они сделались ее рабами.

На свете не было королевского двора более изысканного и учтивого. Двадцать венценосцев, соперничая друг с другом, пытались заслужить благосклонность принцессы. Если, потратив триста или даже четыреста миллионов золотом на один только бал, они слышали из ее уст небрежное: «Очень мило», они почитали себя счастливыми. Королева была в восторге

от того, что ее дочь окружена таким поклонением. Не проходило дня, чтобы ко двору не прислали семь или восемь тысяч сонетов и столько же элегий, мадригалов и песенок, сочиненных поэтами со всех концов света. И воспевали прозаики и поэты того времени только одну Красавицу. Даже праздничные фейерверки устраивали в ту пору из стихотворений: они сверкали и горели лучше всяких дров.

Принцессе уже исполнилось пятнадцать лет, но никто не смел просить ее руки, хотя каждый мечтал о чести стать ее супругом. Но как тронуть подобное сердце? Хоть пытайся из-за нее удавиться несколько раз на дню, она сочтет это безделицей. Вдыхатели роптали на жестокость принцессы, а королева, которой не терпелось выдать дочь замуж, не знала, как взяться за дело.

«Ну, пожалуйста, — просила иногда королева свою дочь, — смиритесь хоть немного невыносимую гордыню. Это она внушает вам презрение ко всем королям, что съезжаются к нашему двору. Я мечтаю выдать вас за одного из них, а вы не хотите мне угодить».

«Я счастлива и так, — отвечала Красавица. — Позвольте же мне, матушка, сохранить мое душевное спокойствие. По-моему, вам следовало бы огорчаться, если бы я его утратила».

«Нет, — возражала королева, — я огорчилась бы, если бы вы полюбили того, кто вас недостоин, но взгляните на тех, кто просит вашей руки. Поверьте мне: никто на свете не может с ними сравниться».

И это была правда. Но принцесса, уверенная в собственных достоинствах, полагала, что сама она превосходит всех.

Упорно отказываясь выходить замуж, она мало-помалу так раздосадовала мать, что та стала раскаиваться, да поздно в том, что слишком потакала дочери. Не зная, что предпринять, королева в

одиночестве отправилась к прославленной фее, которую звали Фея пустыни. Однако увидеть фею было не так-то легко — ее охраняли львы. Но это не смутило королеву — она с давних пор знала, что львам надо бросить пирожное из просяной муки на сахаре и на крокодильих яйцах; королева сама испекла пирожное и положила его в корзиночку, которую взяла с собой в дорогу. Но долго идти пешком она не привыкла и, устав, прилегла отдохнуть под деревом. Незаметно для себя она заснула, а, проснувшись увидела, что корзинка пуста — пирожное исчезло, и в довершение несчастья королева услышала, что громадные львы близко — они громко рычали, почуяв королеву.

«Увы! Что со мной будет? — горестно воскликнула королева. — Львы меня сожрут». И она заплакала. Не в силах двинуться с места, чтобы спастись бегством, она только прижималась к дереву, под которым спала. И вдруг услышала: «Хруп, хруп!» Она оглянулась по сторонам, потом подняла глаза и увидела на дереве человечка размером не больше локтя — человек ел апельсины.

«Я знаю вас, королева, — сказал он ей, — и знаю, как вы боитесь львов. И боитесь вы не напрасно, львы уже сожрали многих, а у вас, на беду, не осталось пирожного».

«Что ж, придется умереть, — вздохнула королева. — Увы! Я бы меньше горевала об этом, если бы успела выдать замуж мою дорогую дочь!»

«Так, стало быть, у вас есть дочь? — воскликнул Желтый Карлик (его прозвали так за желтизну кожи и за то, что он жил в апельсиновом дереве).

— Право, я очень рад, потому что давно уже ищу жену на суше и на море. Если вы отдадите ее за меня, я спасу вас от львов, тигров и медведей».

Королева посмотрела на ужасного Карлика, и его вид испугал ее не меньше, чем прежде львы.

Задумавшись, она ничего не ответила Карлику.

«Как, сударыня? — вскричал он, — вы еще сомневаетесь? Видно, вы совсем не дорожите жизнью». И тут королева увидела на вершине холма бегущих к ней львов. У каждого льва было по две головы, по восемь ног и четыре ряда зубов, а шкура была жесткой, как чешуя, и цвета красного сафьяна. При этом зрелище бедная королева, трепеща словно голубка, завидевшая коршуна, закричала что есть мочи:

«Господин Карлик! Красавица ваша!»

«Пф! — надменно ответил Карлик. — Красавица слишком хороша собой, мне она не нужна, пусть остается у вас».

«О, монсеньер, — взмолилась в отчаянии королева, — не отвергайте ее. Это прелестнейшая в мире принцесса».

«Ну так и быть, — согласился тот, — возьму ее из милости. Но не забудьте, что вы мне ее отдали».

И тотчас ствол апельсинового дерева, на котором сидел Карлик, раздвинулся, королева стремительно бросилась в него, дерево сомкнулось снова, и львы остались ни с чем. Напуганная королева вначале не заметила, что в дереве есть дверь, но теперь она увидела ее и открыла; дверь выходила в поле, поросшее крапивой и чертополохом. Вокруг тянулся ров, наполненный тинистой водой, а поодаль стояла низенькая, крытая соломой хижина. Оттуда с веселым видом вышел Желтый Карлик; на нем были деревянные башмаки, куртка из грубой шерсти, а сам он был лысый, с огромными ушами, — словом, настоящий маленький злодей.

«Я очень рад, госпожа теща, — сказал он королеве, — что вы смогли увидеть небольшой дворец, в котором будет жить со мной ваша Красавица: вот этим чертополохом и крапивой она сможет кормить осла, на котором будет выезжать на прогулку; от

непогоды ее укроет вот этот сельский кров; пить она будет эту воду, а есть — жиреющих в ней лягушек; а сам я, красивый, бодрый и веселый, буду при ней неотлучно днем и ночью — я не потерплю, чтобы даже ее собственная тень следовала за ней усердней, чем я».

Злосчастная королева сразу представила себе горестную жизнь, какую сулил ее любимой дочери Карлик, и, не снеся такой ужасной мысли и ни слова не ответив Карлику, без чувств упала наземь. Но пока королева лежала замертво, ее преспокойно перенесли на ее собственную постель, и притом на голове у нее оказался нарядный ночной чепец, отделанный кружевом такой красоты, какое ей никогда не приходилось носить. Проснувшись, королева вспомнила, что с ней случилось, но не поверила этому — ведь она находилась в своем дворце, среди своих придворных дам и рядом была ее дочь, как же она могла поверить, что побывала в пустыне, что ей грозила смертельная опасность, и Карлик, избавивший ее от этой опасности, поставил ей жестокое условие — выдать за него Красавицу? Однако чепец, отделанный диковинным кружевом и лентами, удивил королеву не меньше, чем то, что она считала сном. Охваченная страшной тревогой, она впала в такую тоску, что почти перестала говорить, есть и спать.

Принцесса, которая всем сердцем любила мать, стала очень беспокоиться; много раз просила она королеву рассказать, что с ней такое, но та придумывала всякие отговорки — то ссылалась на слабое здоровье, то говорила, что один из соседей угрожает ей войной. Красавица чувствовала, что, хотя все эти ответы правдоподобны, на самом деле тут кроется что-то другое и подлинную правду королева старается от нее скрыть. Не в силах совладать со своей тревогой, принцесса решилась пойти к знаменитой Фее пустыни, о мудрости которой повсюду шла громкая

молва. Заодно она хотела просить совета у феи, выходить ли ей замуж или остаться в девушках, потому что все вокруг уговаривали ее выбрать себе мужа. Принцесса не поленилась сама испечь пирожное, чтобы умилостивить злобных львов, сделала вид, что рано легла спать, спустилась по маленькой потайной лестнице и, закутавшись в длинное белое покрывало, которое спускалось до самых пят, одна пошла к пещере, где обитала искусная фея.

Но когда принцесса подошла к роковому дереву, о котором я уже говорила, она увидела на нем столько цветов и плодов, что ей захотелось их сорвать. Она поставила корзинку на землю, сорвала несколько апельсинов и стала их есть, но, когда она вознамерилась взять корзинку, ни корзинки, ни пирожного на месте не оказалось. Принцесса удивилась, огорчилась и вдруг видит ужасного маленького Карлика, о котором я уже говорила.

«Что с вами, прекрасная девица? — спросил Карлик. — О чем вы плачете?»

«Увы! Как же мне не плакать, — отвечала принцесса. — Я потеряла корзинку с пирожным, а без него мне не попасть к Фее пустыни».

«Вон что, а зачем это вы к ней собрались, прекрасная девица? — спросил уродец. — Я ее родственник и друг и нисколько не уступаю ей в мудрости».

«Моя мать королева, — отвечала принцесса, — с некоторых пор впала в ужасную тоску, я даже боюсь за ее жизнь. Вот мне и пришло в голову, что, может быть, я виновата в ее болезни: матушка ведь хочет выдать меня замуж, но признаюсь вам, я еще не нашла достойного избранника, вот почему я и хочу просить совета у феи».

«Не трудитесь, принцесса, — сказал Карлик, — я лучше феи сумею объяснить вам, как обстоят дела».

Ваша мать горюет оттого, что уже обещала вас жениху».

«Королева обещала меня жениху? — перебила его принцесса. — Не может быть, вы ошибаетесь, она бы рассказала мне об этом, для меня это дело слишком важное — матушка не могла решить его без моего согласия».

«Прекрасная принцесса, — заявил Карлик и вдруг упал перед ней на колени, — надеюсь, вы одобрите выбор вашей матушки. Дело в том, что счастье быть вашим супругом уготовано мне».

«Моя матушка выбрала вас в зятя! — воскликнула Красавица, отпрянув.

— Да вы попросту сошли с ума».

«По мне, быть вашим мужем — невелика честь, — в гневе сказал Карлик.

— Вот идут львы, они мигом вас сожрут, и я буду отмщен за пренебрежение, которого не заслужил».

И тут принцесса услышала, как, протяжно рыча, приближаются львы.

«Что со мной будет? — воскликнула она. — Неужели настал конец моей молодой жизни?»

А злой Карлик смотрел на нее, презрительно смеясь.

«По крайней мере, вы умрете девицей, — сказал он, — и не унижите ваши блистательные добродетели союзом с жалким карликом, вроде меня».

«Ради бога не сердитесь, — умоляла принцесса, стиснув свои прекрасные руки, — я согласна выйти за всех карликов в мире, лишь бы не погибнуть такой ужасной смертью».

«Хорошенько посмотрите на меня, принцесса, — сказал Карлик, — я вовсе не хочу, чтобы вы решали сгоряча».

«Я вас и так слишком хорошо рассмотрела, — отвечала она. — Но львы совсем рядом, мне все

страшнее и страшнее, спасите меня, спасите, не то я умру от страха».

И в самом деле, едва выговорив эти слова, принцесса упала без чувств и, сама не зная как, очутилась в своей постели: на ней была рубашка из тончайшего полотна, отделанная красивыми лентами, а на руке — кольцо, сплетенное из одного-единственного рыжего волоска, но сидевшее на пальце так плотно, что легче было содрать кожу, чем его снять. Когда королева все это увидела и вспомнила, что случилось ночью, она впала в такую тоску, что весь двор удивился и стал беспокоиться. Больше всех волновалась королева: снова и снова расспрашивала она дочь, что с ней такое, — но та упорно скрывала от своей матери свое приключение. Наконец королевские подданные, желавшие, чтобы принцесса поскорее вышла замуж, съехались на совет, а потом явились к королеве просить, чтобы она без промедления выбрала супруга для своей дочери.

Королева ответила, что это заветное ее желание, но дочь ее выказывает такое отвращение к замужеству, что пусть лучше они сами пойдут к принцессе и ее уговорят. Так они и поступили, не откладывая дела в долгий ящик. После приключения с Желтым Карликом гордыни у Красавицы поубавилось: она решила, что самый простой способ выпутаться из беды, в какую она попала, это выйти замуж за могущественного короля, у которого уродец не посмеет оспорить такую славную победу. Поэтому она отвечала посланцам куда более благосклонно, чем они надеялись, что, хотя она, мол, предпочла бы навеки остаться девушкой, она согласна выйти за Короля золотых россыпей. Это был могущественный государь, прекрасный собой, который уже несколько лет был без памяти влюблен в принцессу, но до сих пор не видел и намека на взаимность.

Нетрудно представить себе, как обрадовался король, узнав столь приятную для себя новость, и как неистовствовали его соперники, навсегда потеряв надежду, подогревавшую их любовный пыл. Но не могла же Красавица выйти замуж за двадцать королей сразу, она и одного-то выбрала с трудом, потому что отнюдь не излечилась от своего тщеславия и по-прежнему была уверена, что никто на свете ее не стоит.

И вот в королевстве стали готовить празднество, равного которому еще не видел свет. Король золотых россыпей прислал для этой цели кучу денег, что за кораблями, доставившими их, не стало видно моря. К самым блестящим и изысканным дворам, и в первую очередь ко дворцу французского короля, разослали гонцов, чтобы закупить редчайшие драгоценности для убранства принцессы. Впрочем, она меньше других нуждалась в нарядах, подчеркивающих красоту — красота ее была так совершенна, что наряды ничего ей не прибавляли, и счастливый Король золотых россыпей ни на шаг не отходил от своей очаровательной невесты.

Понимая, что ей надо получше узнать жениха, принцесса стала внимательней к нему приглядываться и обнаружила в нем столько доблести, ума, живых и тонких чувств, словом, такую прекрасную душу в совершенном теле, что сама начала питать к нему малую толику любви, какую питал к ней он. Какие счастливые минуты проводили они оба в прекраснейшем на свете саду, без помех изливая друг другу свою нежную страсть! Зачастую блаженству их еще содействовала музыка. Король, влюбленный и галантный, сочинял в честь своей невесты стихи и песни. Вот одна из них, очень понравившаяся принцессе:

Леса при виде вас украсились листвою,
Пестреющим ковром раскинулся лужок;

Зефир велит цветам расцвести у ваших ног;
Влюбленный птичий хор поет звучнее вдвое;
И дол, и небосвод —
Все дочь самой любви, ликуя, узнает.

Счастье их было полным. Соперники короля, видя их торжество, в отчаянии покинули двор и разъехались по домам. Не имея сил присутствовать на свадьбе Красавицы, они так трогательно простились с ней, что она невольно их пожалела.

«Ах, принцесса, — укорил ее Король золотых россыпей. — Вы сегодня меня обездолили! Вы подарили жалость тем, кто одним вашим взглядом и так уже слишком щедро вознагражден за свои мучения».

«Я, конечно, огорчилась бы, — отвечала ему Красавица, — если бы вы остались нечувствительны к состраданию, какое я питаю к принцам, теряющим меня навсегда: ваше недовольство свидетельствует о тонкости ваших чувств, и я отдаю им должное! Но, государь, их судьба так несходна с вашей, у вас есть причины быть вполне довольным мной, им же похвалиться нечем, вот почему вы более не должны давать волю вашей ревности».

Король золотых россыпей, смущенный любезностью, с какой принцесса отнеслась к тому, что могло бы ее разгневать, бросился к ее ногам и, целуя ей руки, снова и снова просил у нее прощения.

Наконец наступил долгожданный и желанный день — все было готово к свадьбе Красавицы. Музыканты и трубачи оповестили весь город о предстоящем празднестве, улицы были устланы коврами и разубраны цветами. Народ толпами стекался на большую площадь у дворца. Королева от радости в эту ночь почти не спала и встала еще до рассвета, чтобы всем

распорядиться и выбрать драгоценности для украшения невесты.

Принцесса была усыпана алмазами до самых туфель, которые и сами были алмазными, платье из серебряной парчи было отделано дюжиной солнечных лучей, купленных по очень дорогой цене, но зато ничто не могло помериться с ними блеском, разве что красота самой принцессы: голову ее венчала богатая корона, волосы ниспадали до самых пят, а величию осанки она выделялась среди всех дам, составлявших ее свиту. Король золотых россыпей не уступал ей ни красотой, ни великолепием наряда. По его лицу и по всем его поступкам видно было, как он счастлив: Всякого, кто приближался к нему, он дарил своими милостями, вокруг праздничного зала король приказал расставить тысячу бочек с золотом и огромные бархатные мешки, расшитые жемчугом и наполненные золотыми монетами — каждый мог получить сто тысяч пистолей, стоило только протянуть руку, так что эта маленькая церемония, которая была, пожалуй, одной из самых приятных и полезных на королевской свадьбе, привлекла множество людей, равнодушных к удовольствиям другого рода.

Королева с принцессой уже собрались было выйти из дворца вместе с королем, как вдруг увидели, что в длинную галерею, где все они находились, вступили два огромных индюка, тащившие за собой неказистую коробку, а за ними плелась высокая старуха, поражающая не только своей старостью и дряхлостью, но и необычайным уродством. Она опиралась на клюку. На старухе был высокий воротник из черной тафты, красный бархатный колпак и юбка с фижмами, вся в лохмотьях. Ни слова не говоря, она вместе со своими индюками трижды обошла галерею вокруг, а потом остановилась посередине и, угрожающе размахивая клюкой, воскликнула:

«Эге-ге, королева! Эге-ге, принцесса! Вы, кажется, вообразили, что можете безнаказанно нарушить слово, данное вами обеими моему другу Желтому Карлику? Я — Фея пустыни! Разве вам не известно, что, не будь Желтого Карлика, не будь его апельсинового дерева, вас бы сожрали мои львы? В волшебном царстве не прощают подобных оскорблений. Живо одумайтесь, ибо, клянусь моим колпаком, или вы выйдете замуж за Желтого Карлика, или я сожгу свою клюку».

«Ах, принцесса, — с плачем сказала королева. — Что я слышу? Какое обещание вы дали?»

«Ах, матушка, — печально отозвалась Красавица, — какое обещание дали вы сами?»

Король золотых россыпей, возмущенный всем происходящим и тем, что злобная старуха хочет помешать его счастью, подошел к ней, обнажил шпагу и приставил ее к старухиной груди:

«Злодейка, — воскликнул он, — убирайся навсегда из этих мест, или ты заплатишь мне жизнью за свои козни».

Не успел он произнести эти слова, как от коробки отскочила крышка, она с грохотом упала на пол, и глазам присутствующих верхом на громадном коте предстал Желтый Карлик, который бросился между феей и Королем золотых россыпей.

«Дерзкий юнец! — завопил он. — Не смей оскорблять эту прославленную фею. Тебе придется иметь дело со мной, это я твой соперник и враг! Вероломная принцесса, которая решила выйти за тебя, уже дала слово мне и получила мое. Погляди — она носит кольцо, сплетенное из моего волоса, попробуй его снять — и ты убедишься, что моя власть сильнее твоей».

«Жалкий урод, — воскликнул король, — ты осмеливаешься называть себя обожателем этой восхитительной принцессы, ты осмеливаешься

притязать на честь быть ее супругом! Знай, что ты урод, на твою безобразную внешность тошно смотреть и я давно убил бы тебя, будь ты достоин такой славной смерти».

Желтый Карлик, оскорбленный до глубины души, пришпорил своего кота, и тот со зловещим мяуканьем стал прыгать в разные стороны, нагнав страху на всех, кроме храброго короля: король бросился на Карлика, а тот извлек из ножен свое оружие — длинный кухонный нож, и, вызывая короля на поединок, с диковинным шумом въехал на площадь перед дворцом.

Разгневанный король бегом бросился за ним. Не успели они оказаться лицом к лицу, а все придворные высыпать на балконы, как солнце сначала сделалось кроваво-красным, а потом вдруг затмилось и в двух шагах ничего не стало видно.

Гром и молния, казалось, сулят погибель миру, а возле гнусного Карлика очутились два индюка, похожие на двух великанов, ростом выше гор, — из их клювов и глаз, словно из раскаленной печи, извергалось пламя. Но все это не могло утратить благородное сердце молодого монарха. Он так отважно смотрел на своего врага и действовал с таким мужеством, что те, кто боялись за его жизнь, успокоились, а Желтый Карлик, должно быть, смутился. Но король дрогнул, увидев, что стало с его принцессой. — Фея пустыни, на голове у которой, как у Тисифоны, развевались не волосы, а змеи, верхом на крылатом грифоне и с копьем в руке, с такой силой вонзила копье в принцессу, что та, заливаясь кровью, упала на руки королевы. Любящая мать, которую удар, нанесенный дочери, поразил сильнее, чем самое принцессу, стала кричать и плакать так горестно, что невозможно описать. И тут король потерял и мужество и рассудок: забыв о поединке, он бросился к принцессе, чтобы оказать ей помощь или погибнуть вместе с ней. Но Желтый Карлик не дал ему

времени приблизиться к невесте: верхом на коте он прыгнул на балкон, где находились все трое, вырвал принцессу из рук ее матери и придворных дам, потом вскочил на крышу дворца и исчез.

Король застыл в совершенной растерянности: наблюдая невероятное происшествие, он с отчаянием понимал, что не в силах ничем помочь своей невесте, и тут в довершение всех несчастий глаза короля вдруг померкли и какая-то неведомая сила подняла его в воздух. О, горе! Любовь, жестокосердная любовь, ужели ты так безжалостно обходишься с теми, кто признает твою победу?

Злая Фея пустыни явилась помочь Желтому Карлику похитить принцессу, но, едва она увидела Короля золотых россыпей, ее жестокое сердце пленилось красотой молодого государя и она решила сделать его своей добычей; она перенесла короля в страшное подземелье и цепями приковала там к скале, надеясь, что угроза близкой смерти заставит его позабыть Красавицу и подчиниться ее воле. Едва они прибыли на место, фея вернула королю зрение, не вернув, однако, свободы, и, с помощью колдовства обретя красоту и очарование, в которых ей отказала природа, явилась перед королем в образе прелестной нимфы, которая якобы случайно забрела в эти края.

«Как! — воскликнула она, — это вы, прекрасный принц! Что за беда с вами приключилась и что держит вас в этом зловещем месте?»

«Увы! прекрасная нимфа, — отвечал король, введенный в заблуждение обманчивой наружностью феи, — я не знаю, чего хочет от меня адская фурия, доставившая меня сюда. И хотя, похищая меня, она даже лишила меня зрения и с тех пор не появлялась здесь, я узнал ее по голосу — это Фея пустыни».

«О государь, — вскричала лже-нимфа, — если вы в руках этой женщины, вам придется на ней жениться,

иначе вам от нее не вырваться. Она уже проделывала такие штуки со многими героями. Если она забрала что-нибудь себе в голову, ее не переупрямить».

И пока фея притворялась, будто всей душой сочувствует горю короля, он вдруг бросил взгляд на ноги нимфы, а они были похожи на когтистые лапы грифона, — по этим когтям и можно было узнать фею, когда она меняла свой облик, потому что их она преобразить не могла. Но король и виду не подал, что обо всем догадался, он продолжал говорить с лже-нимфой доверительным тоном.

«Я ничего не имею против Феи пустыни, — сказал он, — но не могу перенести, что она поддерживает моего врага — Желтого Карлика, а меня как преступника держит в цепях. В чем я перед ней провинился? Я любил прекрасную принцессу, но, если фея вернет мне свободу, я чувствую, что из благодарности буду любить ее одну».

«Это правда?» — спросила введенная в обман фея.

«Конечно, — отвечал король, — я не умею притворяться, и к тому же, признаюсь вам, любовь феи льстит моему тщеславию больше, нежели любовь простой принцессы. Но если бы я даже умирал от любви к Фее пустыни, я все равно выказывал бы ей одну только ненависть, пока она не вернула мне свободу».

Обманутая этими речами, Фея пустыни решила перенести короля в другое место, настолько же прекрасное, насколько ужасным было подземелье, где он томился. Поэтому она усадила его в карету, в которую запрягла лебедей, хотя обычно ее возили летучие мыши, и перенеслась с одного края света на другой.

Но каково пришлось бедному королю, когда, пролетая по воздуху, он увидел свою дорогую принцессу, заточенную в замке из стали — стены этого замка, освещенные солнечными лучами, представляли

собой раскаленные зеркала, испепеляющие всякого, кто осмелится к ним приблизиться. Принцесса в этот час находилась в роще, она отдыхала на берегу ручья, положив одну руку под голову, а другой, казалось, вытирала слезы; подняв глаза к небу, чтобы молить о помощи, она увидела, как ее король пронесся по небу с Феей пустыни, и, поскольку та, чтобы казаться красивой молодому монарху, прибегла к волшебству, в котором была так искусна, она и в самом деле показалась принцессе прекраснейшей из женщин.

«Как, — вскричала принцесса, — мало того что я томлюсь в этом неприступном замке, куда меня перенес безобразный Желтый Карлик, неужто, к довершению моих горестей, меня еще будет преследовать демон ревности? Неужто необыкновенный случай оповестил меня о неверности Короля золотых россыпей? Потеряв меня из виду, король счел, что свободен от клятв, какие мне дал. Но кто же эта грозная соперница, чья роковая красота превосходит мою?»

Так говорила принцесса, а тем временем влюбленный король мучительно страдал оттого, что вихрем уносится прочь от предмета своей страсти. Если бы он не знал, сколь велика власть феи, он убил бы ее или попытался избавиться от нее другим способом, какой подсказали бы ему его любовь и доблесть. Но как одолеть столь могущественную особу? Только время и хитрость могли помочь ему вырваться из ее рук. Фея заметила Красавицу и по глазам короля пыталась угадать, какое впечатление оставила в его сердце эта встреча.

«Никто лучше меня не сможет ответить вам на вопрос, на который вы ищете ответа, — сказал ей король. — Меня немного взволновала неожиданная встреча с несчастной принцессой, которую я любил, прежде чем полюбить вас, но вы настолько вытеснили

ее из моего сердца, что я предпочел бы умереть, чем вам изменить».

«Ах, принц, — сказала фея, — неужто я могу льстить себя надеждой, что внушила вам такие пылкие чувства?»

«Время докажет вам это, сударыня, — отвечал он. — Но если вы хотите, чтобы я поверил, что вы хоть немного меня любите, пожалуйста, придите на помощь Красавице».

«Понимаете ли вы, о чем меня просите? — спросила фея, хмуря брови и гневно глядя на короля. — Вы хотите, чтобы я употребила свое искусство против лучшего друга, Желтого Карлика, и освободила из его рук гордую принцессу, в которой вижу только свою соперницу?»

Король вздохнул и ничего не ответил. Что он мог ответить такой принципиальной особе?

Они оказались над широким лугом, усеянным всевозможными цветами; окружала луг глубокая река, под густыми деревьями тихо струились бесчисленные родники, даровавшие вечную прохладу; вдали возвышался великолепный замок со стенами из прозрачных изумрудов. Едва только лебеди, впряженные в карету феи, опустились под портиком, пол которого был выложен алмазами, а своды сделаны из рубинов, откуда ни возьмись, появилась тысяча красавиц, которые встретили фею радостными возгласами. Они пели:

Когда приходит страсть,
Чтоб сердце взять в неволю,
С ней борются сверх сил, пытаюсь устоять;
С того ей славы только боле,
И первый побежден привыкший побеждать.

Фея пустыни была в восторге, что прославляют ее любовь; она отвела короля в такие роскошные покои, какие не упомнит вся история фей, и на несколько минут оставила его там одного, чтобы он не чувствовал себя пленником. Король, конечно, заподозрил, что фея вовсе не удалилась, а наблюдает за ним из какого-нибудь тайника, вот почему он подошел к большому зеркалу и, обращаясь к нему, сказал:

«Верный мой советчик, укажи, что я должен делать, чтобы угодить прелестной Фее пустыни, ведь я неотступно думаю о том, как ей понравиться».

С этими словами король причесался, напудрился, украсил себя мушкой и, увидев на столе костюм его собственный, поспешно в него облачился. Тут в комнату вошла фея, до того обрадованная, что даже не смогла этого скрыть.

«Я ценю ваши старания мне понравиться, монсеньер, — сказала она. — Но вы сумели одержать победу даже тогда, когда к ней не стремились. Судите же сами, трудно ли вам будет ее упрочить, если у вас появится такое желание».

Король, у которого были причины расточать любезности старой фее, не поскупился на них и мало-помалу вырвал у нее позволение свободно прогуливаться по берегу моря. Море, заколдованное феей, было таким бурным и грозным, что ни один мореход не отважился бы пуститься по нему в плаванье, поэтому фея могла без боязни оказать эту милость своему пленнику; но все же король утешался тем, что может наедине предаваться своим мечтам и ему не мешает его злобная тюремщица.

Он долго бродил по берегу моря, а потом наклонился и тростью начертал на песке такие стихи:

Теперь я волен наконец
В рыданьях дать исход моей душевной муке.

Увы! Зачем со мной в разлуке
Чарующей красы желанный образец?
О море, что легко преградой предо мною,
Бушующее, грозное,
Чьи волны буре в лад
Вздымаются в зенит и рушатся во ад,
Мне тоже, море, нет покоя,
Тебя напрасно ищет взгляд,
Красавица! О злая доля!
Ее отняли у меня!
О небо грозное, доколе
Мне смерти ждать, судьбу кляня!
Вы, божества пучины, Возможно ль,
Что любви вам пламень не знаком?
Покиньте влажные глубины,
Придите мне помочь в отчаянье моем!

И вдруг король услышал голос, привлечший его внимание, несмотря на то, что он был занят стихами. Король увидел, что волны стали круче, и, оглянувшись во все стороны, заметил женщину необыкновенной красоты: тело ее было окутано только ее волосами, колеблемые ветерком, они колыхались на волнах. В одной руке женщина держала зеркало, в другой гребень. Тело ее заканчивалось рыбьим хвостом. Король очень удивился этой необыкновенной встрече, а женщина, подплыв к нему так близко, чтобы он мог ее услышать, сказала:

«Мне известны печаль и скорбь, в какие вас повергла разлука с вашей принцессой, и какой нелепой страстью воспылала к вам Фея пустыни; если хотите, я вызволю вас из рокового плена, где вам суждено томиться, быть может, еще тридцать с лишним лет».

Король не знал, что и ответить на такое предложение, и не потому, что не мечтал вырваться из

своей тюрьмы, — он просто боялся, вдруг это Фея пустыни, желая его обмануть, приняла облик морской девы. Видя его колебания, сирена, угадавшая его мысли, сказала:

«Не думайте, что я заманиваю вас в ловушку. У меня слишком благородное сердце, чтобы я стала помогать вашим врагам. Фея пустыни и Желтый Карлик разгневали меня своими злодеяниями. Я каждый день вижу вашу несчастную принцессу, ее красота и добродетели равно внушают мне жалость. Еще раз повторяю вам, если вы мне не верите, я вас спасу».

«Я верю вам настолько, — вскричал король, — что исполню все, что вы мне прикажете. Но раз вы видели мою принцессу, расскажите мне, что с ней».

«Не будем терять время на разговоры, — сказала сирена. — Идемте, я доставлю вас в замок из стали, а на этом берегу оставлю фигуру, настолько похожую на вас, что Фея пустыни не заподозрит обмана».

Тут она срезала несколько тростинок, связала их в один большой пучок и, три раза дунув на них, сказала: «Друзья мои, тростинки, приказываю вам лежать на песке, куда вас не заберет отсюда Фея пустыни». И пучок тростинок покрылся кожей и стал так похож на Короля золотых россыпей, что король диву дался, впервые увидев такое чудо. На тростинках была одежда точь-в-точь такая, как у короля, и этот лже-король был бледен и растерзан, как утопленник. Добрая сирена тем временем усадила настоящего короля на свой длинный рыбий хвост, и оба, в равной мере довольные, поплыли в открытое море.

«А теперь я хочу, — сказала королю сирена, — рассказать вам, что злобный Желтый Карлик, похитив Красавицу, бросил ее позади себя на спину своего ужасного кота, невзирая на рану, которую ей нанесла Фея пустыни. Принцесса потеряла так много крови и была так напугана всем случившимся, что лишилась

чувств и не пришла в себя, пока они были в пути. Но Желтый Карлик и не подумал сделать остановку, чтобы привести ее в чувство, пока не оказался в своем грозном замке из стали. Там его встретили прекраснейшие девушки, которых он похитил из разных стран. Все они наперебой старались угодить ему, прислуживая принцессе; ее уложили в постель, на шитые золотом простыни, под полог, украшенный жемчугами величиной с орех».

«Ах! — воскликнул Король золотых россыпей, перебив сирену. — Карлик на ней женился, я умираю, я погиб».

«Нет, — сказала королю сирена, — успокойтесь, государь, твердость Красавицы оградила ее от посягательств ужасного Карлика».

«Кончайте же свой рассказ», — попросил сирену король.

«Что еще я могу вам сказать? — продолжала сирена. — Когда вы пронеслись мимо, принцесса была в лесу, она увидела вас с Феей пустыни, та настолько изменила свою внешность, что принцесса вообразила, будто фея превосходит ее красотой. Отчаяние ее нельзя описать: она думает, что вы любите фею».

«Милостивые боги! Она думает, что я люблю фею! — вскричал король. — Какое роковое заблуждение! Что же мне делать, чтобы ее разуверить?»

«Вопросите свое сердце, — с ласковой улыбкой отвечала сирена. — Тот, кто сильно любит, не нуждается в советах».

Не успела она вымолвить эти слова, как они пристали к замку из стали: только со стороны моря Желтый Карлик не возвел вокруг замка грозных стен, которые испепеляли все живое.

«Мне известно, — сказала сирена королю, — что Красавица сидит сейчас у того самого источника, где вы видели ее на своем пути. Но чтобы к ней проникнуть,

вам придется сразиться со множеством врагов. Вот вам шпага — с этой шпагой вы можете дерзнуть на любой подвиг и смело смотреть в лицо опасности — только не роняйте ее из рук. Прощайте, я укроюсь под этой вот скалой. Если я понадоблюсь вам, чтобы увезти вас отсюда с вашей милой принцессой, я тотчас явлюсь: ее мать-королева — мой лучший друг, для того, чтобы ей услужить, я и явилась за вами».

С этими словами сирена протянула королю шпагу, сделанную из цельного алмаза, блеск солнечных лучей мерк перед ее блеском, король понял, как пригодится ему этот подарок, и, не в силах найти слова, могущие выразить его благодарность, попросил сирену, чтобы она сама вообразила, какими чувствами отзывается благородное сердце на подобное великодушие.

Но пора сказать несколько слов о Фее пустыни. Видя, что ее любезный возлюбленный долго не возвращается, она сама поспешила к нему; она явилась на берег с сотней девушек, составлявших ее свиту, и все они несли королю богатые подарки. У одних были большие корзины, полные алмазов, у других в руках — золотые вазы искусной работы, а у некоторых — амбра, кораллы или жемчуга; были и такие, что несли на голове свитки тканей неопикуемой красоты, а иные — фрукты, цветы и даже птиц. Но что сделалось с феей, которая замыкала это многолюдное и изысканное шествие, когда она увидела пучок тростника, как две капли воды похожий на Короля золотых россыпей. Пораженная ужасом и горем, она испустила такой страшный крик, что содрогнулись небеса, сотряслись горы и эхо донеслось до самой преисподней. Ни у одной из разгневанных фурий — Мегеры, Алекты или Тисифоны — никогда еще не было такого устрашающего вида. Фея бросилась на тело короля, она плакала, она рычала, она растерзала в клочья половину прекраснейших девушек своей свиты, принеся их в

жертву тени любезного покойника. Потом она призвала к себе одиннадцать своих сестер, таких же фей, как она сама, и попросила их помочь ей воздвигнуть пышную усыпальницу молодому герою. И всех их обманул вид тростника. Конечно, это может показаться странным — ведь феям известно все, но мудрой сирене было известно еще больше, чем феям.

И вот пока феи доставляли порфир, яшму, агат и мрамор, статуи, барельефы, золото и бронзу, чтобы увековечить память короля, которого они считали мертвым, король благодарил любезную сирену, умоляя ее не оставлять его своим покровительством. Сирена самым ласковым голосом дала ему такое обещание и скрылась из глаз короля. А ему ничего не оставалось, как пуститься в путь к замку из стали.

Влекомый своей любовью, король шел быстрыми шагами, оглядываясь по сторонам в поисках своей обожаемой принцессы. Но вскоре ему пришлось заняться делом — его окружили четыре страшных сфинкса, они выпустили свои острые когти и растерзали бы короля на части, если бы ему, как и предсказала сирена, не сослужила службу шпага. Завидев ее блеск, чудовища бессильно повалились к ногам короля, а он каждому нанес смертельный удар. Но едва он двинулся дальше, как увидел шесть драконов, покрытых чешуей тверже железа. Как ни ужасно было это зрелище, король не утратил своей храбрости и, орудуя шпагой, рассек каждого дракона надвое.

Он надеялся, что уже преодолел самые трудные препятствия, как вдруг его смутило еще одно. Навстречу королю вышли двадцать четыре прекрасные и грациозные нимфы и преградили ему путь цветочными гирляндами.

«Куда вы идете, государь? — спросили они у короля. — Мы поставлены сторожить эти места, и если мы вас пропустим, и вас и нас постигнет страшная кара.

Окажите нам милость, не упорствуйте. Неужто вы захотите обагрить вашу победоносную руку кровью двадцати четырех невинных девушек, не причинивших вам никакого зла?»

Король растерялся: он не знал, как поступить, — он всегда гордился своей преданностью прекрасному полу и готов был служить ему сверх всякой меры; а тут ему предстояло убивать женщин. Но вдруг он услышал голос, укрепивший его решимость:

«Рази, рази, — произнес этот голос, — не щади никого, иначе ты навеки лишишься своей принцессы».

И тотчас, не отвечая нимфам ни словом, король бросился в их ряды, разорвал гирлянды и стал без пощады орудовать шпагой, в одно мгновение разогнав их всех. Это было одно из последних препятствий на его пути — он вступил в небольшую рощу, пролетая над которой заметил Красавицу. Бледная и тоскующая, она и сейчас сидела на том же месте у ручья. король с трепетом подходит к ней, но она бежит от него с таким негодованием и так поспешно, как если бы он был Желтым Карликом.

«Не осуждайте меня, не выслушав, принцесса, — сказал ей король. — Я не изменил вам, я невиновен, но я, несчастный, сам того не желая, заслужил вашу немилость».

«Ах, злодей, я видела, как вы летели по воздуху с особой неслыханной красоты, неужели вы совершили этот полет против своей воли?»

«Да, принцесса, — ответил король, — против воли. Злая Фея пустыни, не довольствуясь тем, что приковала меня к скале, увлекла меня в своей карете на край земли, где я бы томился и поныне, если бы не помощь благодетельницы-сирены, которая доставила меня сюда. Я пришел, дорогая моя принцесса, чтобы вырвать вас из недостойных рук, которые держат вас в

заточении. Не отвергайте же помощь преданнейшего из возлюбленных».

Король бросился к ее ногам, но, пытаясь удержать принцессу за край ее платья, он, на беду, уронил свою грозную шпагу. А Желтый Карлик, который прятался под листом салата, едва увидев, что шпага, волшебная сила которой была ему известна, выпала из рук короля, тотчас ее схватил.

Принцесса, заметив Карлика, испустила страшный крик, но ее стоны только еще больше разозлили злобного коротышку. Произнеся несколько слов на своем тарбарском языке, он вызвал двух великанов; они заковали короля в железные цепи.

«Теперь, — сказал Карлик, — мой соперник в моей власти, но я готов подарить ему жизнь и свободу, если вы немедленно станете моей женой».

«Ах, лучше мне тысячу раз умереть!» — вскричал возлюбленный король.

«Увы, государь, — возразила принцесса. — Для меня нет ничего страшнее вашей смерти».

«А для меня, — продолжал король, — нет ничего ужаснее, чем принести вас в жертву этому чудовищу».

«Тогда умрем вместе», — предложила принцесса.

«Дорогая моя принцесса, доставьте мне утешение — дайте умереть ради вас, и умереть одному».

«Никогда, — сказала принцесса. — Лучше уж я соглашусь, исполнить ваше желание», — продолжала она, обращаясь к Желтому Карлику.

«Как, жестокая принцесса! Ужели я должен стать свидетелем того, как вы назовете его своим супругом? Но тогда жизнь мне опостылеет».

«Нет, — заявил Желтый Карлик. — Принцесса назовет меня своим супругом, но ты не станешь свидетелем этого, — слишком опасен мне соперник, которого любят».

И с этими словами, невзирая на горестные слезы Красавицы, Карлик нанес королю удар в самое сердце, и тот упал к ногам принцессы. Принцесса не могла пережить своего возлюбленного — она рухнула на его тело, и вскоре ее душа соединилась с его душой. Так погибли эти славные и несчастные возлюбленные, и сирена ничем не могла им помочь — ведь вся волшебная сила была заключена в алмазной шпаге.

Злой Карлик предпочел, чтобы принцесса умерла, чем видеть ее в объятиях другого, а Фея пустыни, прослышав обо всем, разрушила усыпальницу, которую сама возвела, потому что теперь она возненавидела память Короля золотых россыпей с такой же страстью, какую питала к нему при его жизни. А помогавшая влюбленным сирена, как ни горевала о случившемся великом несчастье, смогла вымолить у судьбы только одно — превратить умерших в деревья. Прекрасные тела влюбленных стали двумя стройными пальмами. Храня вечную любовь друг к другу, они ласкают друг друга переплетенными ветвями и этим нежным союзом обессмертили свою страсть.

Кто в шторм клянется безрассудно
Все жертвы принести богам,
Бывает, даже не зайдет во храм,
Когда земли достигнет судно.
Судьба Красавицы — урок
Для всех, кто щедры на обеты:
Нельзя в беде давать зарок,
Который соблюсти в душе стремленья нету.

Лесная лань

Жили-были однажды король с королевой. Жили они счастливо, и подданные их обожали, одного только не хватало и тем и другим — не было у них наследника. Королева, уверенная, что король любил бы ее еще больше, если бы у них был сын, каждой весной отправлялась пить целебные воды, которые славились на всю округу. Туда съезжалось очень много народу и столько чужеземцев, что там встречались люди со всего света.

В большом лесу, куда ходили пить воды, было много источников; они были выложены мрамором и порфиром, так как все старались наперебой их украсить. Однажды королева, сидя на берегу источника, попросила всех своих дам удалиться и оставить ее одну. И начала она свои вечные жалобы.

— Ах, как я несчастна, говорила она, — что у меня нет детей! У самых бедных женщин они есть; вот уже пять лет, как я только того и прошу у неба. Неужели я никогда не приласкаю своего ребенка? Неужели так мне и умереть без этой радости?

Говоря так, она заметила, что вода в источнике забурлила, потом из воды появился громадный рак и сказал ей:

— Великая королева, вы получите наконец то, чего желаете. Скажу вам, что здесь неподалеку есть дивный дворец, построенный феями. Но его невозможно найти, потому что он окружен густыми тучами, через которые взгляд смертного не может проникнуть. Однако я хочу вам услужить, и если вы согласитесь довериться бедному раку, я вас туда отведу.

Королева молча слушала, так как она очень была удивлена тем, что рак говорит по-человечьи. Потом она

ответила ему, что очень рада воспользоваться предложением, но что она только не умеет пятиться, как это делают раки. Рак усмехнулся и тут же превратился в хорошенькую маленькую старушку.

— Ну вот, госпожа моя, — сказала она, — как видите, нам незачем пятиться, и прошу вас считать меня своим другом, потому что я думаю только о том, чтобы вам быть полезной.

И она вышла из источника совсем сухой. Она была одета в белое с красным, а ее седые волосы были повязаны зелеными лентами. Никогда еще королева не видала такой любезной старушки. Она поклонилась королеве, поцеловала у нее руку и, не откладывая дела в долгий ящик, повела ее лесной дорожкой, которая королеву очень удивила, потому что сколько раз она не проходила здесь, а этой дорожки никогда не замечала. Как же это она на нее попала? А дело все в том, что по этой дорожке феи ходили к источнику. Обычно она была совершенно закрыта колючим кустарником да терновником, но как только королева и ее спутница появились, сейчас же там вместо колючек выросли розы, жасмины, и апельсиновые деревья сплелись ветвями, образовав навес из листьев и цветов; земля покрылась фиалками, и тысячи различных птиц защебетали на деревьях.

Не успела королева опомниться от удивления, как глазам ее представилось уже ни с чем не сравнимое зрелище дворца, который весь был выстроен из алмазов; и стены, и крыши, и потолки, и полы, и лестницы, и балконы, и даже террасы — все было сделано из алмазов. Совершенно восхищенная, она спросила любезную старушку, во сне ли это или наяву.

— Госпожа моя, — отвечала та, — это вовсе не сон.

В ту же минуту двери замка открылись, и оттуда вышли шесть фей. Но что это были за феи! Самые красивые и самые великолепные, какие когда-либо

появлялись в их царстве. Они почтительно поклонились перед королевой, и каждая поднесла ей цветок из драгоценных камней, чтобы у нее был целый букет; тут были роза, тюльпан, анемон, колокольчик, гвоздика и белый цветок граната.

— Королева, — сказали они ей, — мы не можем вам лучше высказать наше благоволие, как тем, что позволили вам посетить нас здесь; мы рады сообщить вам, что скоро у вас родится прелестная принцесса, которую вы назовете Желанье, потому что вы ведь очень долго ее желали. Но не забудьте, как только она родиться, позвать нас, потому что мы хотим одарить ее всякими добрыми качествами. Для этого вы должны только взять ваш букет и назвать каждый цветок по имени, думая о нас; будьте уверены, что мы сейчас же появимся в ваших покоях.

Королева, не помня себя от радости, бросилась их обнимать, и целовались они добрых полчаса. После этого они позвали королеву к себе во дворец, который был так прекрасен, что и описать нельзя. Дело в том, что строил его тот самый архитектор, который создал солнце, и он там все так и сделал, как на солнце, только поменьше. Глаза королевы едва могли выдержать его ослепительный блеск, и поминутно ей приходилось жмуриться. Они повели ее в свой сад. Никогда еще королева не видала таких прекрасных плодов: абрикосы там были величиной с голову, а вишни, кушая, приходилось резать на четыре части, и такого там были прекрасного вкуса плоды, что, попробовав их, королева во всю жизнь не хотела есть никаких других. Был там фруктовый сад, весь состоящий из искусственных деревьев, и они росли и цвели, как и живые деревья.

Не буду рассказывать, как восторгалась наша королева, сколько она говорила о своей маленькой принцессе Желанье, как она благодарила милых фей, которые ей сообщили такую приятную новость; одним

словом, она выразила им всю свою нежность и признательность. Фея источника тоже не была забыта ею. До самого вечера королева пробыла во дворце. Она любила музыку, а у фей были такие чудесные голоса, что они показались ей прямо небесными. Надавали ей всяких подарков, и она, еще раз поблагодарив фей, вернулась домой вместе с феей Источника.

Все были ужасно взволнованы ее отсутствием, ее искали повсюду с большим беспокойством и представить себе не могли, куда она могла деваться. Боялись даже, не похитил ли ее какой-нибудь дерзкий чужеземец, потому что она была молода и красива. Одним словом, все чрезвычайно радовались ее возвращению, а так как сама она была бесконечно довольна теми надеждами, которые внушили ей феи, то своей приятной и изящной беседой очаровала всех.

Фея Источника покинула ее у самого ее дома; новые ласковые приветы сопровождали их расставание. Королева пробыла еще восемь дней на целебных водах и не преминула снова пойти в замок фей вместе со своей кокетливой старушкой, которая появлялась всегда в виде рака, а потом уже принимала свой естественный облик.

Королева уехала; она понесла и родила принцессу, которую называли Желанье. Тотчас же взяла она в руки полученный ею букет, назвала каждый цветок по имени, и в тот же миг явились феи на колесницах. У каждой была особая: у одной — колесница из черного дерева и запряжена белыми голубями, у другой — из слоновой кости, а везли ее маленькие вороны; были еще колесницы из кедра и бамбука. Это были все запряжки союза и мира, так как, когда феи гневались, они являлись на летающих драконах, на змеях, у которых пламя вырывалось из пасти и очей, на львах, на леопардах, на пантерах, и на этих зверях они переносились из одного края земли в другой так

быстро, что не успеешь сказать «здравствуйте» или «прощайте». Но на этот раз они были в самом лучшем настроении.

Королева радостно и величественно пригласила их войти к себе, а за ними потянулись карлики и карлицы, сгибавшиеся под тяжестью всяких подарков. После того как они обняли королеву и поцеловали маленькую принцессу, они развернули привезенные ей пеленки, сделанные из такого тонкого и добротного полотна, что можно было сто лет ими пользоваться, и они бы не изнасились. Феи ткали это полотно в часы досуга. Что касается кружев, то они были еще лучше полотна, и вся история мира была на них представлена иголкой да веретенном.

После этого они показали еще простыни и одеяла, вышитые нарочно для этого случая, и на них были изображены тысячи различных игр, которые любят дети. С тех пор как на белом свете есть вышивальщицы да вышивальщицы, еще не видно было таких чудесных вышивок. Но когда появилась колыбелька, королева вскрикнула от восхищения, потому что колыбель превосходила все, что она до сих пор видела. Она была сделана из такого рода редкого дерева, что оно стоило сто тысяч экю за фунт. Четыре маленьких амура поддерживали ее; это были четыре мастерских произведения, где искусство настолько превышало свой материал, хотя сам-то он состоял из алмазов и рубинов, что прямо не расскажешь. Маленькие амуры были оживлены феями, и, если дитя кричало, они потихоньку укачивали и убаюкивали его. Это было чудо как удобно для кормилиц.

Феи взяли девочку к себе на руки, сами запеленали и без конца целовали ее, потому что она уж и теперь была так хороша, что нельзя было на нее взглянуть и не полюбить. Тут они заметили, что она хочет кушать, — сейчас же ударили они по полу своей волшебной

палочкой, и мгновенно появилась кормилица, такая, какую и нужно было для этой милой куколки.

Теперь оставалось только наделить дитя дарами фей, и они не замедлили это сделать. Одна одарила ее добродетелью, другая — умом, третья — дивной красотой, следующая — счастливой судьбой, пятая — пожелала ей здоровья, а шестая сказала, что все, что бы она ни начинала делать, у нее будет выходить очень хорошо.

Довольная королева тысячу раз их поблагодарила за все те милости, которые они оказали маленькой принцессе, — но в эту минуту все увидели, что в комнату ползет такой громадный рак, что еле-еле пролезает в двери.

— А, неблагодарная королева, — сказал рак, — вы не изволили вспомнить обо мне? Как же вы так скоро забыли фею Источника и ту услугу, что я вам оказала, проводив вас к моим сестрам? Как! Все их вы позвали и только одной мной пренебрегли! По правде сказать, я это предчувствовала, почему и обернулась раком, когда говорила с вами впервые, чтобы намекнуть вам, что ваша дружба ко мне, вместо того, чтобы идти вперед, будет пятиться назад. Королева, огорченная своим промахом, прервала ее и попросила у нее прощенья; она говорила, что, вызывая фей, хотела назвать и ее цветок, но что этот драгоценный букет сбил ее, что для нее было бы немислимо забыть о тех одолжениях, которые та ей сделала, что она умоляет не лишать ее своей дружбы, а, главное дело, быть подбрее с маленькой принцессой. Все феи, которые боялись, как бы фея Источника не посулила ребенку несчастий и неудач, присоединили свои голоса, чтобы смягчить ее.

— Милая сестрица, — говорили они, — пусть ваша светлость не изволит сердиться на королеву, которая никак не хотела вас огорчить! Покиньте, будьте милостивы, ваше обличье рака и сделайте так, чтобы

мы увидели вас во всей вашей красе. Как сказано, фея Источника была весьма кокетлива, и похвалы, которые ей расточали сестры, ее немного смягчили.

— Ну, хорошо, — сказала она, — я уж не причиню маленькой принцессе всего того зла, которое было решила ей сделать, потому что я, правда, хотела ее погубить, и ничто не могло бы мне в этом помешать. Однако предупреждаю вас, что, если принцесса увидит дневной свет раньше, чем ей исполнится пятнадцать лет, ей придется в этом горько раскаяться, и, может быть, это ей даже будет стоить жизни.

Слезы королевы и мольбы славных фей не смогли ничего изменить в приговоре, который был произнесен. И она ушла, пятась, ибо не захотела покинуть свой панцирь рака. Как только она удалилась из покоев, королева спросила фей, нет ли какого средства предохранить ее дочку от грозящих ей бедствий. Они сейчас же стали держать совет и наконец, после того как обсудили целый ряд различных соображений, остановились на следующем: должно построить дворец без окон и дверей, с подземным входом и воспитать принцессу в этом убежище, пока не минет роковой срок, в продолжение которого ей угрожает несчастье.

Трех ударов волшебной палочки достаточно было, чтобы воздвигнуть громадное здание. Снаружи оно было из белого и зеленого мрамора, на потолках и полах из алмазов и изумрудов изображены были цветы, птицы и тысячи разных приятных вещей. Все стены были обиты бархатом различной окраски, вышитым руками фей. А так как наши феи были учеными историками, то они доставили себе удовольствие вышить самые замечательные истории; будущее было также там представлено, как и прошедшее, и геройские дела величайшего короля в мире были изображены на многих коврах.

Здесь духу Фракии подобен,
Победоносен, величав,
И страшный взор его среди военных слав
Молниеносен, дик и грозен.
А там — спокоен и велик,
В глубоком мире Францией он правит,
И целый мир его, ревнуя, славит,
И пред его законами поник.
И живопись изображает
Черты различные его великих лет:
Он, грозный, грады покоряет,
Великодушен, мир лиет.

Мудрые феи придумали все это для того, чтобы юная принцесса могла без труда изучить различные события жизни героев и других людей.

В ее дворце было светло только от блеска свеч, но их было такое множество, что казалось, в залах вечный день. Лучшие учителя были приглашены к ней. Ее ум, живость и догадливость почти всегда предупреждали то, что ей хотели сообщить. И все учителя восхищались без конца ее удивительным речам, уже в том возрасте, когда другие дети едва умеют назвать по имени свою кормилицу. Ну, да ведь кого феи одарят, та не останется невеждой и дурочкой.

Но если ее разум пленял всех, кто ее видел, то ее красота оказывала не меньшее действие; она восхищала самых бесчувственных людей, а королева, ее мать, так та никогда бы с ней и на минуту не расставалась, если бы долг не заставлял ее быть около короля. Добрые феи приходили время от времени взглянуть на принцессу; они ей приносили разные невиданные редкости, платья как раз точно по мерке, да такие богатые и красивые, что можно было подумать, что они сшиты на свадьбу одной юной

принцессы, которая не менее мила, чем та, о которой я рассказываю. Все феи очень ее любили, но фея Тюльпанов любила ее больше всех и особенно заботливо напоминала королеве, что принцесса не должна видеть дневного света раньше, чем ей исполнится пятнадцать лет.

— Наша сестра, фея Источника, — говорила она королеве, — мстительна, и как бы мы ни лелеяли вашу дочку, она принесет ей немало зла, если сможет. Поэтому, госпожа моя, вы должны быть как можно бдительнее.

Королева обещала ей непрестанно думать об этом, но так как ее дочка уже приближалась к тому возрасту, когда должна была выйти из своего замка, она заказала ее портрет. Этот портрет был послан ко дворам самых великих королей мира. Не было принца, который бы не залюбовался им, а один принц так им пленился, что не мог расстаться с ним. Он повесил его у себя в комнате, запирался с ним один на один, разговаривал с ним, точно тот мог его слушать и понимать, и произносил перед ним самые нежные речи в мире.

Король, который теперь почти не видал своего сына, захотел узнать, чем тот занят и почему он не так весел, как обычно. Иные из придворных, что стараются ответить королю раньше других (а таких ведь немало), сказали ему, что следует опасаться, как бы принц не помешался, потому что он по целым дням запирается у себя в комнате, и слышно, как он там один-одинешенек разговаривает, точно там кто-то с ним есть.

Король выслушал это с беспокойством.

— Может ли это быть, — спрашивал он у своих приближенных, — чтобы мой сын помешался? Ведь он всегда был так умен. Вы знаете, что до сих пор все им восхищались, да и сейчас я не вижу, чтобы у него был блуждающий взор; просто он, мне кажется, какой-то

грустный. Надо мне самому с ним поговорить, может быть, я разужнаю, что за безумие им владеет.

В конце концов король послал за ним, велел всем выйти вон, и после нескольких слов, которые сын выслушал невнимательно и на которые ответил невпопад, король его спросил, что с ним такое случилось, что сам он и его настроение так изменились. Принц, полагая, что минута благоприятная, бросился к его ногам и сказал:

— Вы решили меня женить на Черной Принцессе. Вы находите очень важным этот брачный союз, и я не могу вам обещать того же, говоря о принцессе Желанье, но, отец мой и повелитель, в ней я вижу такую красу, которой нет у другой.

— А где вы их видели? — спросил король.

— Портреты той и другой прислали мне, — ответил принц Воитель (его звали так после того, как он выиграл три больших сражения). — Уверяю вас, что я так сильно люблю принцессу Желанье, что, если вы не расторгнете нашу помолвку с Черной Принцессой, я должен буду умереть — и я рад, что не буду жить, потеряв надежду соединиться с той, которую люблю.

— Это, значит, с ее портретом, — продолжал строго король, — извольте вы вести разговоры, которые делают вас посмешищем всех придворных? Вас уже считают сумасшедшим, и если бы вы только знали, что мне об этом передают, то устыдились бы своей слабости.

— Я не могу упрекать себя за столь дивный пламень любви, — отвечал он, — и если бы вы увидели портрет этой прелестной принцессы, вы бы одобрили и чувства мои к ней.

— Ну так принесите его сейчас же, — сказал король с нетерпением, выдававшим его горе. Наверно, принц был бы тем весьма озабочен, если бы только он не был уверен, что никто в мире не сможет сравниться по

красоте с принцессой Желанье. Он бросился к себе в комнату и вернулся к королю, который почти так же восхитился портретом, как и его сын.

— Ах, — сказал он, — дорогой мой Воитель, теперь я понимаю, что вас так страстно волнует. Да я прямо помолодею, если при моем дворе будет такая очаровательная принцесса. Я сейчас же снаряжу послов к Черной Принцессе, чтобы расторгнуть вашу помолвку; пусть даже у нас с ней возгорится жестокая война, я все же решаюсь на это!

Принц почтительно поцеловал руки отца и несколько раз обнял его колени. Он был так доволен, что его еле узнавали. Он торопил отца послать поскорее гонцов не только к Черной Принцессе, но и к принцессе Желанье. При этом он требовал, чтобы к ней был послан самый богатый и самый хитроумный человек, потому что ему придется выступать в самом блистательном посольстве и добиться того, чего принцу так хочется. Король остановился на Бекафиге; это был молодой, очень красноречивый вельможа, и доходу у него было сто миллионов в год. Он очень любил принца Воителя и, чтобы угодить ему, снарядил такой богатый и пышный посольский поезд, что и вообразить нельзя. Его усердие не знало пределов, ибо любовь принца увеличивалась с каждым днем, и он без конца умолял его ехать как можно скорее.

— Подумайте, — говорил ему принц, — ведь дело идет о моей жизни, ведь я теряю рассудок, как подумаю, что отец принцессы может принять чье-нибудь другое предложение и не захочет его расторгнуть ради меня, — и тогда я ее потеряю навек.

Бекафиг успокаивал его, чтобы немного оттянуть свой отъезд, так как ему очень хотелось, чтобы все его траты принесли ему честь и почет. Он снарядил восемьдесят карет, которые все блестели золотом и алмазами, и самые красивые миниатюры не могли

сравниться с теми, которые украшали эти кареты. Было еще пятьдесят других карет, двадцать четыре тысячи конных пажей, одетых роскошнее принцев, да и все остальные в этом великолепном поезде были им под стать.

Когда посланник был на прощальном приеме у принца, тот сказал ему:

— Не забудьте, мой дорогой Бекафиг, что жизнь моя зависит от супружества, которое вы едете устраивать; не упустите ничего, чтобы уговорить и привести к нам принцессу, которую я обожаю.

Он снабдил его тысячей разных подарков, изящество и роскошь которых соперничали друг с другом: тут были и различные любовные изречения, вырезанные на алмазных печатках, карбункуловые часы с буквами имени принцессы Желанье, и браслеты с рубинами, вырезанными сердечком. Словом, чего он только не выдумал, чтобы ей понравиться.

Посланник вез с собой портрет юного принца, написанный человеком столь ученым и искусным, что портрет этот умел разговаривать и говорить очень хитроумные любезности. По правде сказать, он не на все отвечал, что ему говорили, но это было уж не так важно. Бекафиг обещал принцу сделать все возможное, чтобы исполнить его желание и прибавил при этом, что везет с собой такую кучу денег, что если ему откажут в руке принцессы, он столкнется с кем-нибудь из ее приближенных дам и сумеет ее похитить.

— Ах, — воскликнул принц, — на это я не могу согласиться: Мы можем ее обидеть такой непочтительностью.

Бекафиг ничего на это не ответил и пустился в путь. Шумные слухи о посольстве предупредили его прибытие. Король и королева были в восторге; они очень уважали его государя и знали о великих подвигах принца Воителя. Однако они еще лучше были

осведомлены о личных достоинствах принца, и потому, когда они думали о том, что пора приискать жениха дочери, то во всем мире не могли найти никого, кто был бы более достоин такой невесты. Для Бекафига приготовили целый дворец и сделали все надлежащие распоряжения, чтобы он увидел королевский двор в полном великолепии.

Король и королева решили, что посол должен увидеть принцессу Желанье, но тут к королеве явилась фея Тюльпанов и сказала ей:

— Берегитесь, госпожа моя, не приводите Бекафига к нашей малютке (так она всегда называла принцессу); ни в коем случае не должен он видеть ее, ибо еще не пришло время для этого, и не соглашайтесь отсылать ее к королю, который зовет ее, пока ей не минет пятнадцать лет, ибо я уверена, что если она поедет раньше, с ней случится какое-нибудь несчастье.

Королева обняла добрую фею Тюльпанов и обещала ей послушаться ее совета, после чего они направились к принцессе.

Приехал Бекафиг. Его посольский поезд въезжал в столицу целых двадцать три часа, ибо в этом поезде было шестьсот тысяч мулов; их колокольчики и подковы были из чистого золота, черпаки из бархата и из парчи, расшитой жемчугами. Какая толкотня была на улицах, рассказать невозможно: все до одного сбежались, чтобы поглазеть на поезд. Король и королева вышли навстречу послу, так они были довольны его приездом. Нечего и говорить, как он их приветствовал и с какими церемониями они встречались, но когда он попросил разрешения представиться принцессе, то получил отказ, чем был весьма удивлен.

— Если мы отказываем вам, сеньор Бекафиг, — сказал ему король, — в том, что вы имеете полное право просить, то вовсе не из-за какой-то особой прихоти. Чтобы вы поняли это, надобно вам рассказать

диковинную историю нашей дочери. При ее рождении одна фея невзлюбила ее и пригрозила ей страшными несчастьями в том случае, если она увидит дневной свет до достижения пятнадцатилетнего возраста. Она живет у нас во дворце, лучшие покои которого находятся под землей. Мы хотели провести вас к ней, но фея Тюльпанов воспретила нам это.

— Как же так, государь? — спросил посланник. — Неужели мне выпадет несчастье возвратиться без не? Вы благоволите выдать ее замуж за сына моего повелителя, и ее ожидают с величайшим нетерпением; возможно ли, чтобы вас останавливали какие-то пустяки вроде предсказаний фей? Вот портрет принца Воителя, который я должен ей преподнести, он до того здесь похож, что мне кажется, что я вижу его самого, когда смотрю на этот портрет. — Тут же он достал и показал им портрет принца, а так как этот портрет умел говорить только о принцессе Желанье, то все услышали вот что:

— Прекрасная принцесса Желанье, вы себе представить не можете, с каким жаром ожидаю я вас. Явитесь скорее и украсьте наш двор вашими несравненными прелестями. Портрет больше ничего не сказал, но король и королева были так удивлены, что стали просить Бекафига отдать им этот портрет, чтобы снести его принцессе; Бекафиг был очень доволен и вручил им портрет.

Королева до сих пор ничего не рассказывала своей дочке о том, что происходит в столице, она даже запретила дамам, которые служили принцессе, рассказывать ей о приезде посла; но они ее, конечно, не послушались, и принцессе было известно, что затевается великое сватовство. Однако она была очень осторожна и ничего не сказала матери. Когда королева показала ей говорящий портрет принца, который сказал ей несколько вежливых и нежных слов, она была очень

удивлена этой неожиданностью. Ведь она никогда не видала ничего подобного, а доброе лицо принца, его умный взгляд и правильность черт удивили ее не менее того, что портрет умел говорить.

— Были бы вы недовольны, — сказала ей, смеясь, королева, — супругом, похожим на этого принца?

— Госпожа моя, — отвечала принцесса, — мне не принадлежит выбор, и я всегда останусь довольна тем, кого вы мне предназначите.

— Ну, хорошо, — сказала королева, — а если выбор наш упал бы на него, разве вы не почувствовали бы себя счастливой?

Принцесса покраснела, опустила очи и ничего не ответила. Королева обняла ее и долго целовала. Она не могла удержаться от слез, когда вспомнила, что скоро расстанется со своей дочкой, потому что оставалось только три месяца до того дня, когда принцессе должно было исполниться пятнадцать лет. Но она скрыла свое огорчение и рассказала ей все, что до нее касалось, про посольство знаменитого Бекафига. Она даже отдала ей редкостные подарки, которые ей привез посол. Принцесса полюбовалась ими, похвалила, проявив большой вкус, самые любопытные подарки, но время от времени ее взгляд ненароком отрывался от них и останавливался на портрете принца с какой-то особой радостью, ей до сих пор неизвестной.

Посол, видя, что он безо всякого успеха добивается отъезда с ним принцессы, и что хозяева довольствуются тем, что обещают ему ее, но обещают так торжественно, что в этом не приходится сомневаться, недолго пожил у короля и поехал обратно к своим повелителям, чтобы доложить о своем посольстве.

Как только принц узнал, что не может надеяться увидеть свою милую принцессу раньше трех месяцев, он принялся так жаловаться на судьбу, что встревожил весь двор. Он больше не мог спать, ничего не ел, стал

печальным и задумчивым, свежесть его лица сменилась цветом заботы. Целыми днями он лежал на диване в своей комнате и смотрел на портрет принцессы, все время писал ей письма и подносил их к портрету, как будто бы тот мог их прочесть. Наконец силы оставили его, и он опасно заболел. А чтобы открыть причину этой болезни, не нужно было ни медиков, ни врачей.

Король был в ужасном отчаянии. Он так нежно любил сына, как никогда еще не один отец не любил своих детей. А теперь он начал бояться, что его потеряет. Какое горе для отца! И он не мог и придумать, как помочь принцу. Принц думал о принцессе Желанье, и без нее он должен был погибнуть. В такой великой крайности король решил сам отправиться к королю и королеве, которые обещали ему принцессу, и упросить их, чтобы они сжалились над несчастьем принца и не затягивали их свадьбу. Потому что если еще дожидаться, пока принцессе минет пятнадцать лет, то случится так, что эта свадьба никогда не состоится.

Итак, король решился на чрезвычайный шаг, но что делать, если иначе пришлось бы видеть гибель своего любезного и дорогого сына? Однако тут оказалась еще одна трудность, которую никак нельзя было одолеть. Король был уже стар и не мог отправиться иначе, как на носилках, а этот способ плохо согласовался с нетерпением сына. Потому король опять отправил верного Бекафига с письмами к королю и королеве, где в самых трогательных словах просил их уступить ему.

В это время принцесса Желанье любовалась портретом принца с таким же удовольствием, с каким он сам любовался ее портретом. Она все время в мечтах переносилась туда, где был он, и, хотя она и старалась скрыть свои чувства, все же их не трудно было обнаружить. Две ее фрейлины, из которых одну звали Левкой, а другую Колючая Роза, заметили, что она

немножко скучает. Левкой очень любила принцессу и была ей верна, а Колючая Роза втайне завидовала ее достоинствам и ее высокому положению. Мать Колючей Розы воспитала принцессу и после этого стала ее приближенной дамой; она бесконечно любила принцессу, но свою дочь обожала до безумия, и видя теперь, что дочь ее ненавидит прекрасную принцессу, и сама она стала гораздо меньше любить свою воспитанницу.

Посол, которого отправили ко двору Черной Принцессы, был не очень-то хорошо там принят, когда узнали, с каким приятным известием он к ним явился. А надо сказать, что эта эфиопская принцесса была самым мстительным существом в мире. Она нашла, что с ней поступили не очень-то по-рыцарски — только что посватались к ней и получили ее согласие, и вдруг является посол с вежливым отказом. Она видела портрет принца, а ведь эти эфиопки если полюбят, так уж так безумно, как никто другой.

— Как же так, государь мой посланник, — сказала она, — верно, ваш повелитель полагает, что я не столь богата или не так уж красива? Прогуляйтесь по моим владениям, и вы увидите, что нет на свете другого такого обширного государства. Пойдемте со мной в мою королевскую сокровищницу, и вы увидите там столько чистого золота, что из всех россыпей Перу не добыть столько. Наконец, взгляните на черную мою кожу, на мой расплуснутый носик, на толстые мои губы — ну, разве не такие бывают красавицы?

— Госпожа моя, — отвечал посол, который до смерти боялся, как бы ему не пришлось попробовать палок, как это другой раз бывает с послами в восточных странах, — я проклиная повелителя моего так, как только дозволено его подданному, и если бы небо даровало мне самый блистательный трон во вселенной, уж поверьте, я бы недолго думал, с кем его разделить.

— Эти мудрые слова спасли вам жизнь, — отвечала она ему; — я было собиралась с вас начать свою месть, но это было бы несправедливо, так как теперь я вижу, что вы не виноваты в отвратительном поступке вашего государя. Идите к нему и скажите, что я очень счастлива разорвать нашу помолвку, потому что не люблю обманщиков! — Посол, который только о том и думал, как бы с ней распротиться, не замедлил воспользоваться ее приказанием и уехал.

Но эфиопка была слишком уязвлена принцем Воителем, чтобы его простить. И вот села она на колесницу из слоновой кости, запряженную страусами, которые быстро побежали, делая до десяти миль в час. И направилась она во дворец феи Источника, которая была ее крестной и лучшим другом. Она рассказала ей все свои приключения и умоляла помочь ей в ее злой обиде. Фея тронулась горем своей крестницы, посмотрела в волшебную книгу и там тотчас же прочла, что принц Воитель покинул Черную Принцессу только ради принцессы Желанье, в которую влюблен без ума, и даже занемог единственно от нетерпения ее видеть. Хотя фея почти было простила принцессу Желанье к этому времени, но тут она снова распалилась ужасным гневом против не. Она не видела принцессы со дня ее рождения и, наверно, уже не причинила бы ей никакого зла, если бы мстительная Чернавка не стала заклинать ее помочь ей.

— Как! — воскликнула в ярости фея. — Так, значит, опять эта несчастная Желанье будет раздражать меня? Нет, прелестная моя Принцесса, нет, крошечка моя, я не потерплю, чтобы тебя обижали, — небо и все стихии замешаны в этом деле. Возвращайся спокойно к себе домой и надейся на свою крестную.

Черная Принцесса поблагодарила ее и поднесла ей цветов и фруктов, чем та осталась очень довольна.

Посол Бекафиг спешил со всей быстротой в столицу отца принцессы Желанье. Он бросился к ногам короля и королевы, немало пролил слез и сказал самыми трогательными словами, что принц Воитель умрет, если дольше они будут откладывать радостное свидание его с принцессой, их дочерью; ведь в конце концов, осталось только три месяца до того срока, когда ей исполнится пятнадцать лет; что ничего дурного с ней за такой короткий срок случиться не может; что он берет на себя смелость заметить, что такое слепое доверие к феям может повредить их королевскому достоинству. Одним словом, он убеждал их со всем искусством, каким славился. Они поплакали вместе с ним, когда представили себе печальное состояние молодого принца, и наконец сказали ему, что через несколько дней все обдумают и дадут ему решительный ответ. Посол ответил, что ответ можно задержать только на несколько часов, так как повелитель его тяжело болен и воображает, что принцесса сама откладывает свой отъезд, потому что его ненавидит. Тогда ему сказали, что в этот же вечер все решат. Королева побежала во дворец к своей дорогой дочке и рассказала ей все, что произошло. И тогда принцесса Желанье опечалилась беспримерно; сердце у нее сжалось, и она упала без памяти. Тут королева поняла, что она любит принца, и сказала ей:

— Не удручайтесь этим, дорогое дитя мое, ведь вы сможете в один миг исцелить его от болезни, меня беспокоят только страшные угрозы феи Источника, которые она произнесла в день вашего рождения.

— Я уверена, — возразила принцесса, — что если бы мы приняли некоторые предосторожности, то провели бы злую фею. Ну, если бы, например, я поехала в большой карете, со всех сторон закрытой, куда не проходил бы ни один солнечный луч? Ее бы открывали

только ночью, чтобы дать нам поесть, и, таким образом, я бы счастливо доехала до принца Воителя.

Королеве очень понравилось это предложение, она рассказала о нем королю, который тоже его одобрил. Он сейчас же послал за Бекафигом, и они пообещали ему уж наверно, что принцесса поедет в самом скором времени, так что посол может вернуться и сообщить эту добрую новость своему повелителю. А сверх того, они добавили, что для того, чтобы ни на одну лишнюю минуту не задержаться, они даже и поезда ей и богатых платьев, как оно подобало быть, делать не будут. Посол в полном восторге бросился к ногам короля и королевы, благодаря их. И немедленно затем он уехал, так и не увидав принцессы.

Горько было бы принцессе расставаться с королем и королевой, если б не привязалась она уже сердечно к принцу, а ведь это такое чувство, которое заглушает почти все другие. Построили ей карету, снаружи — всю из зеленого бархата, с большими золотыми украшениями, а внутри все было обито серебряной парчой, расшитой розами. В этой карете не было ни единого стекла, и была она очень большая. Закрывалась она наглухо, крепче, чем ларчик, и один из самых важных вельмож королевства хранил ключ, которым запирались замки в дверцах.

Красотою Грации сияли,
Утехи, игры, легкий смех!
И, улетаю дальше всех,
За ней амуры поспешали.
Взор сочетала величавый
С небесной нежностью она,
Мечта была поражена
Ее улыбкою и славой.
Она могла нас подивить
Красою царственного вида;

Как нежная Аделаида,
Сюда пришла она, чтоб мир нам подарить.

Только немногие кавалеры должны были сопровождать принцессу, дабы не обременять проезда большой свитой. Подарили ей драгоценные ожерелья, которым цены не было, и несколько богатейших платьев, и вот после прощанья, когда король с королевой и весь двор заливались слезами, посадили принцессу в темную карету, а вместе с ней поехали Левкой и Колючая Роза со своей матерью.

Может быть, вы уже позабыли, что Колючая Роза совсем не любила принцессу Желанье, но зато она очень любила принца Воителя, потому что она видела его говорящий портрет. До того ее поразил он, что, уже собравшись ехать с принцессой, она сказала матери, что не жить ей на белом свете, если эту свадьбу сыграют, и что если мать хочет видеть ее живой, так пусть она эту свадьбу расстроит. Мать просила ее не огорчаться и сказала, что постарается все устроить, чтобы сделать дочку счастливой.

А когда королева посылала свое дорогое дитя в путешествие, она ни на кого так не понадеялась, как на эту злую женщину.

— Сокровище мое я доверяю вам! — говорила она ей. — Оно дороже мне соей жизни. Смотрите, чтобы она была здорова, а главное, чтобы не увидела дневного света, — тогда все пропало. Вы ведь знаете, какими бедствиями ей это грозит, и я уговорилась с послом принца Воителя, что, пока ей не исполнится пятнадцати лет, она будет жить в особом замке, где никакого света, кроме свеч, не будет.

Королева подарила этой женщине подарков, чтобы она получше выполнила ее поручение. А та обещала

королеве глаз не спускать с принцессы и, как только приедут на место, обо всем ей написать.

Вот так-то король и королева, надеясь на плоды своих забот, не очень-то за нее боялись, и поэтому легче им было сносить разлуку с ней. Каждый вечер кавалеры, сопровождавшие принцессу, открывали карету, чтобы приготовить ей ужин, и от них Колючая Роза узнала, что скоро приедут они в город, где их ожидали. Тогда Колючая Роза стала торопить свою мать, чтобы та сделала поскорей то, что ей обещала, потому что она боялась, как бы король с принцем не выехали им навстречу, а тогда уже не будет случая расстроить свадьбу. И вот однажды около полудня, когда солнце ярко светит, взяла мать Колючей Розы большой острый нож, который она заранее припасла на это дело, да и прорезала одним ударом верх у кареты. И тогда принцесса Желанье впервые увидела солнечные лучи. Не успела она и взглянуть на белый свет, как испустила глубокий вздох и выскочила из кареты, обернувшись белою ланью. И пустилась она бежать в лес все дальше и дальше, покуда не забралась в самую глушь, где и стала горевать одна-одинешенька о том, чем она была да чем стала.

А фея Источника, которая и затеяла все это необычайное дело, видя, что все, кто были с принцессой, бросились ей на помощь — кто за ней в лес, а кто к принцу Воителю, чтобы известить его о том, какое приключилось горе, — готова была перевернуть всю природу: гром загремел, молния засверкала так, что самые храбрые перепугались, а, кроме того, своим волшебством всех этих людей она унесла далеко-далеко от этого места, где их присутствие ей не нравилось.

Только и остались там Левкой да Колючая Роза со своей матерью. Левкой бросилась за своей госпожой, оглашая леса и горы своими жалобами и именем

принцессы. А другие две, очень довольные тем, что освободились от тяжелой обязанности, не теряя ни минуты, принялись за то, что задумали. Колючая Роза надела самые богатые платья принцессы Желанье. Королевская мантия, которую сшили к свадьбе, была бесподобной роскоши, а в корону были вправлены алмазы в два или в три раза больше кулака, скипетр был из цельного рубина, а держава, которую она взяла в другую руку, была из жемчужины побольше головы. Уж такие это были редкости, и тяжело же их было нести! Но Колючая Роза хотела разыграть из себя принцессу и решила ничего не упустить в королевском наряде.

В этом наряде Колючая Роза с матерью, которая несла шлейф ее мантии, пошла по дороге к столице принца Воителя. Поддельная принцесса важно шагала вперед, ничуть не сомневаясь в том, что им окажут торжественный прием; и действительно, недалеко они еще отошли, как заметили, что навстречу им движется конница, а посреди ее два великолепных паланкина, сверкающие золотом и драгоценными камнями, и несут их мулы, украшенные султанами из зеленых перьев (это был любимый цвет принцессы). Король, находившийся в одних носилках, и больной принц, бывший в других, не знали, что и подумать об этой странной паре, которая к ним приближалась. Самые нетерпеливые из всадников поскакали им навстречу и, увидав их роскошные одежды, решили, что это, должно быть, важные особы. Они соскочили с коней и почтительно им поклонились.

— Скажите мне, — спросила у них Колючая Роза, — кто находится в этих носилках?

— Госпожа моя, — отвечали ей, — это король наш и принц, его сын, которые выехали навстречу принцессе Желанье.

— В таком случае, — отвечала она, — поезжайте к ним и скажите, что принцесса идет им навстречу; одна

фея, которая завидовала моему счастью, рассеяла всех моих провожатых страшными ударами грома, сверкающими молниями и всякими чудесными явлениями; со мной только и осталась моя приближенная дама, у которой письма моего отца и мои драгоценности.

В тот же миг рыцари поцеловали край ее мантии и поскакали обратно, чтобы доложить королю, что перед ними принцесса.

— Как! — вскричал он. — Она идет пешком и при дневном свете?

Они передали то, что она им рассказала. Принц, горевший нетерпением, подозвал их к себе и, не дав им слова выговорить, спросил:

— Поклянитесь мне, что она — диво красоты, истинное чудо, настоящая принцесса!

Они ничего ему не ответили и весьма удивили тем принца.

— Чтобы не перехвалить, вы предпочитаете молчать, — заметил он.

— Государь, вы ее сейчас увидите, — отвечал самый смелый из них; — она, наверно, очень изменилась, потому что устала с дороги.

Принц был очень удивлен и, конечно, если бы он не был так слаб, сейчас же соскочил с носилок из нетерпения и любопытства. Король спустился на землю и вместе со всем своим двором подошел к поддельной принцессе. Но взглянув на нее, громко вскрикнул, и, отступив на несколько шагов, сказал:

— Что я вижу! Какое вероломство!

— Государь, — сказала ему приближенная дама принцессы, отважно выступая вперед, — перед вами принцесса Желанье, и вот письма короля и королевы; вручаю вам также и ларчик с драгоценностями, которые они мне передали, когда мы отъезжали.

Король угрюмо промолчал, а в это время принц, опираясь на Бекафига, подошел к Колючей Розе. О боги! Что только с ним сделалось, когда он рассмотрел эту странную фигуру, при взгляде на которую прямо страшно делалось. Она была так высока, что одежды принцессы едва достигали ей до колен, худа она была, как щепка, нос — крючком, словно у попугая, красноватый, лоснящийся, и зубы у нее были такие черные да кривые, каких ни у кого другого не было. Словом, насколько принцесса была хороша, настолько эта была страшна.

Принц, который ни о чем не думал, как только о своей милой принцессе, стоял как вкопанный, глядя на нее с великим удивлением; долгое время он не мог рта раскрыть и наконец сказал королю:

— Я жертва предательства; чудеснейший портрет, которому я отдал свою свободу и любовь, не имеет ничего общего с дамой, которую к нам прислали. Нас захотели обмануть и обманули — и это будет стоить мне жизни.

— Как, государь, — воскликнула Колючая Роза, — вас хотели обмануть, говорите вы? Знайте же, что вы никогда не будете обмануты, если станете моим супругом.

Ее бесстыдство и самомнение были беспримерны. Ее мать добавила еще с своей стороны:

— Ах, красавица моя принцесса! — вскричала она. — Куда мы попали? Разве так принимают дочь короля? Каково непостоянство людей! На что они только способны! Но король, ваш отец, сумеет дать им достойный ответ.

— И мы заставим его это сделать, — ответил король. Он обещал нам красавицу принцессу, а вместо нее посылает нам скелет, мумию, на которую страшно смотреть. Теперь мне уже не удивительно, что он держал это чудное сокровище пятнадцать лет под

спудом: он хотел поймать на этом какого-нибудь простачка. Жребий пал на нас, но мы еще постоим за себя!

— Какие оскорбления! — вскричала поддельная принцесса. — Несчастливая я, что мне пришлось ехать, доверять словам таких людей! Подумаешь, какое преступление заставить нарисовать себя на портрете чуточку красивее, чем ты есть, — да ведь это же все делают каждый день. Если бы это могло препятствовать бракам, так вряд ли многим принцам удалось бы жениться.

Король и принц, вне себя от ярости, не соблаговолив ей ответить. Каждый из них снова взошел в свои носилки, и без дальних церемоний один из гвардейцев посадил принцессу на лошадь позади себя, и так же пышно усадили и ее приближенную даму. Их повезли в город и там по приказу короля они были заключены в замок Трех Башен. Принц Воитель до того был удручен этим неожиданным ударом, что всю свою скорбь затаил в своем сердце. Когда наконец он собрался с силами заговорить, как только ни плакался он на свою злую судьбу!

Он по-прежнему был влюблен, но ему не о ком было теперь вздыхать, кроме как о портрете. Его надежды более уже не существовали, все его прекрасные мечты о принцессе Желанье рушились. Он готов был скорее умереть, чем жениться на той, кого он принимал за принцессу. Трудно даже себе представить, как велико было его отчаяние; он не мог больше выносить шум королевского двора и решил, как только здоровье ему позволит, удалиться тайно в какое-нибудь уединенное место и там провести остаток своей грустной жизни.

Он никому не рассказывал о этом своем решении, кроме верного Бекафига; он был уверен, что тот последует за ним повсюду. С ним говорил он чаще, чем с кем-нибудь другим, об ужасном обмане, жертвою

которого он стал. Как только начал он поправляться, он немедленно уехал, оставив на столе в кабинете короля длинное письмо. В нем он уверял отца, что, когда он немного успокоится, то вернется к нему, но просит, поджидая его, обдумать их общую месть и по-прежнему держать в плену отвратительную принцессу.

Легко представить себе горе короля, когда он прочел это письмо. Разлука со столь дорогим сыном едва не довела его до смерти. А покуда все приближенные старались его успокоить, принц и Бекафиг были уже далеко. Спустя три дня, они очутились в большом лесу, который был очень темен, благодаря своей густой листве и очень приятен свежестью травы и ручейков, что журчали повсюду. Принц, еще не вполне здоровый и утомленный долгой дорогой, соскочил с коня и грустный бросился на траву, подложив руку под голову. Он был еще так слаб, что почти не мог говорить.

— Государь, — сказал ему Бекафиг, — пока вы будете отдыхать, я пойду поискать, нет ли здесь каких-нибудь плодов, чтобы вы могли освежиться, а кстати посмотреть, куда мы с вами попали. — Принц ничего ему не ответил, а только знаком показал ему, что он может идти.

Давно уж мы с вами оставили нашу лесную лань, — я говорю о несравненной принцессе. Она была дивной ланью и безутешно расплакалась, когда неожиданно увидела свое отражение в воде источника, который послужил ей зеркалом.

— Как! — сказала она. — Это я Сегодня действительно со мной произошло самое странное приключение, какое феи могут только послать невинной принцессе вроде меня! Сколько же времени останусь я в этом образе? Куда деваться мне, чтобы львы, медведи и волки не загрызли меня? Как же я буду есть траву?

Так она задавала самой себе тысячу вопросов, чувствуя самую горькую печаль. Одно только могло ее утешить: это то, что она была такой же прелестной ланью, какой была красавицей принцессой.

Голод начал мучить принцессу, она принялась с аппетитом жевать траву, чрезвычайно удивляясь в то же время, как это так может быть. Потом она прилегла на мох. Спустилась ночь, и она провела ее в непостижимом страхе. Она слушала, как хищные звери бродят неподалеку, и не раз, забывая, что она лань, пыталась влезть на дерево. Дневной свет ее несколько успокоил, она любовалась его красотой, и солнце ей казалось столь чудесным, что она не переставала глядеть на него; все, что она до сих пор о нем слышала, казалось ей ничего не значащим по сравнению с тем, что она видела. Это было единственным утешением, которое нашла она в этом пустынном месте. Она была совершенно одна в продолжение нескольких дней.

Фея Тюльпанов, которая всегда любила принцессу, живо ощущала ее горе, но она очень досадовала, что ни королева, ни принцесса не воспользовались ее советами, потому что она много раз им говорила, что если принцесса уедет раньше, чем ей минет пятнадцать лет, то это добром не кончится. Однако она не хотела обречь принцессу в жертву ярости феи Источника и направила шаги Левкой к лесу, чтобы новая эта наперсница могла утешать принцессу в ее несчастьи.

Красивая лань шла потихоньку по берегу ручья, когда Левкой, которая так устала, что уже не могла идти дальше, прилегла отдохнуть. Она печально размышляла о том, в какую бы сторону ей направиться, чтобы найти свою дорогую принцессу. Когда лань ее заметила, она одним прыжком перенеслась через широкий и глубокий ручей, бросилась к Левкой и начала нежно к ней ласкаться. Левкой бала очень этим удивлена, она недоумевала, то ли здешние звери так

любят людей, то ли эта лань ее знает. В конце концов, ведь было очень странно, что дикая лань оказывала человеку такие любезности.

Она внимательно на нее посмотрела и с крайним удивлением заметила, что две крупные слезы катятся из ее глаз; тут уж она больше не сомневалась, что перед ней ее любимая принцесса. Она взяла в руки ее ножки и стала целовать их с такой же нежностью и уважением, как, бывало, целовала она принцессины ручки. Она заговорила с ней и поняла, что лань ожидала ее, но что она не может ей ответить; тут слезы и вздохи с обеих сторон возобновились с новой силой. Левкой обещала своей повелительнице, что она ни за что ее не покинет, лань отвечала ей глазами и кивками головы, что она этому очень рада и что теперь многие ее горести не так ей будут страшны.

Почти весь день они были вместе. Лань, боясь, что Левкою захочется покушать, повела ее в дальний край лесов, где она заметила дикие деревья, на которых росли очень вкусные дикие плоды. Левкой ела их без конца, так как она умирала от голода, но когда насытилась, то впала в страшное беспокойство, потому что представить себе не могла, где и как они будут спать. Ей казалось невыносимым остаться спать в лесу, среди тысячи опасностей, которые могли приключиться.

— Разве вам не страшно, милая лань, — говорила она, — провести здесь ночь — Лань подняла очи вверх и горько вздохнула.

— Но ведь вы, — продолжала Левкой, — бегали по всему этому громадному лесу, ужели же здесь нет какого-нибудь домика, жилища какого-нибудь угольщика, дровосека, кельи монаха?

Лань ответила ей кивком головы, что ничего она такого не видела.

— О боги! — воскликнула тогда Левкой. — Завтра меня уже не будет в живых! Если удастся мне избежать

тигров и медведей, я уверена, что умру просто от страха. И не подумайте, дорогая принцесса, что я говорю о своей судьбе; я думаю только о вас. Увы, каково-то остаться в этих глухих местах одной! И никто не утешит вас! Может ли быть что-нибудь ужаснее?

Бедная лань принялась плакать, она рыдала прямо, как человек.

Ее слезы тронули фею Тюльпанов, которая ее нежно любила. Несмотря на то, что принцесса ее не послушалась, все-таки она продолжала все время заботиться о ней, и тут она внезапно появилась.

— Я не буду вас корить, — произнесла она, — мне слишком тяжело видеть вас в таком состоянии. — Лань и Левкой бросились перед ней на колени. Одна поцеловала руки феи и нежно к ней ласкалась, а другая умоляла фею пожалеть принцессу и вернуть ей образ человеческий.

— Это не в моей власти, — отвечала фея Тюльпанов, — та, кто причинила ей это — могущественная волшебница. Но я могу сократить срок этого испытания, а чтобы облегчить его, скажу вам, что, как только день сменится ночью, она перестанет быть ланью, однако только займется утренняя заря, она опять обратится в лань и будет бегать по лесам и долам, как дикий зверь.

Это уже было немало — хоть на ночь не быть ланью, и принцесса в восхищении начала прыгать и скакать, что очень развеселило фею Тюльпанов.

— Идите же, — сказала она им, вот по этой тропинке, и вы найдете хижину, довольно опрятную для этих мест.

И, произнеся эти слова, она исчезла. Левкой послушалась ее, она пошла с ланью по указанной феей дороге, и они вышли к хижине у дверей которой сидела старуха и вязала корзинку из тонкого ивняка. Левкой поклонилась ей.

— Приютите меня, бабушка, — сказала она, — с моей ланью! Может быть, у вас найдется комнатка для нас?

— Хорошо, доченька, — отвечала та, — вам найдется местечко; входите сюда с вашей ланью. — И она повела их в прелестную комнатку, со стенами из дерева дикой вишни; там стояли две кровати с чистым бельем и покрывалами — и все это было так чистенько и просто, что принцесса говорила потом, что никогда не видела она более приятного жилья.

Как только совсем смеркалось, принцесса Желанье обернулась человеком. Сто раз, а то и больше, поцеловала она Левкою, благодаря ее от всей души за ее добрые чувства, за то, что она не оставила ее, и обещала ей, что, как только кончится ее испытание, она устроит ее счастье.

Старушка постучала к ним тихонько и, не входя к ним, протянула Левкою прекрасные плоды, которые принцесса покушала с аппетитом, и затем они улеглись спать. Как только занялся день, принцесса Желанье снова стала ланью и принялась скрести копытцем дверь, чтобы Левкой отворила ей.

Грустно было расставаться, хоть и ненадолго, но лань быстро побежала в самую гущу леса и стала там бегать да прыгать, как она делала это и раньше. Мы уже сказали, что принц Воитель остался один в лесу, а Бекафиг пошел искать ему диких плодов. Совсем уже было поздно, когда он наткнулся на избушку доброй старушки, о которой только что шла речь. Вежливо потолковал он с ней и попросил еды для своего повелителя. Старушка наложила ему полную корзину всякой снеди и подала.

— Боюсь я, — сказала она ему, — чтобы не случилось чего с вами в темном лесу; есть у меня для вас комнатка, хоть и бедная, да вас в ней дикие львы не тронут. — Он ее отблагодарил и сказал, что он здесь не

один, а с одним своим другом, и пойдет ему об этом сказать. Действительно, ему удалось уговорить своего принца, и тот согласился идти к доброй старушке. Она встретила их по дороге и бесшумно провела в комнату, точь-в-точь такую же, как и комната принцессы; они помещались рядом и разделялись только перегородкой.

Принца всю ночь беспокоили его грустные мысли. Как только блеснули первые лучи солнца в окошках, он поднялся и, чтобы разогнать тоску, пошел в лес, сказав Бекафигу, чтобы он не сопровождал его. Долго он шел куда глаза глядят и наконец вышел на широкую поляну, поросшую деревьями да мхом. Только что он показался, как лань пустилась бежать оттуда.

Посмотрел он на нее да и погнался за ней. Охота была его любимой забавой, но после болезни он уже не мог очень скоро бегать. Несмотря на это, он все-таки гнался за ланью и время от времени пускал в нее стрелу. Бедная лань умирала от страха, хоть ни одна стрела не ранила ее, ибо фея Тюльпанов охраняла ее; и поистине, принц так метко стрелял, что только рука феи могла защитить от его стрел. Никогда еще принцесса-лань так не уставала, никогда еще ей не приходилось так бегать. Наконец ей удалось ускользнуть какой-то тропинкой так ловко, что опасный охотник потерял ее из виду, и так как он и сам очень устал, то прекратил преследование.

День клонился к вечеру, и лань с радостью увидела, что пора уж ей возвращаться, и подбежав к домику, где с нетерпением ждала ее Левкой. Вбежав в комнату, бросилась она, еле дыша, на кровать, вся мокрая, так она измучилась. Левкой ее ласкала и жалела, умирая от любопытства узнать, что с ней такое приключилось. Пришел час, когда ей пора было снова стать девушкой; тогда она бросилась на шею своей любимице и сказала:

— Увы, я боялась только феи Источника и злых хозяев леса, а сегодня за мной гонялся молодой

охотник, и так мне пришлось от него бежать, что я почти даже его не разглядела. Стрела за стрелой летели за мною, угрожая мне неминуемой смертью, и уж не знаю, каким я чудом спаслась.

— Не надо вам больше отсюда выходить, принцесса, — сказала Левкой, — оставайтесь здесь, в этой комнате, пока не минет роковое время вашего испытания. А я схожу в ближний город, куплю разных книжек, чтобы не было нам здесь скучно; почитаем мы с вами новые сказки про фей да будем сочинять стихи да песенки.

— Молчи, молчи, моя дорогая, — отвечала ей принцесса, — не нужно мне никаких развлечений, потому что я все время думаю о милом моем принце Воителе. Но та ужасная сила, которая обращает меня днем в лань, та же сила заставляет меня, вопреки моим желаниям, делать то, что делают все лани: я и бегаю и ем траву, как и они. Днем нет моих сил оставаться в комнате.

До того она устала после погони, что сейчас же попросила поесть, а потом ее красивые глазки закрылись, и она заснула до зари. И как только занялась заря, опять она обернулась ланью и убежала в лес.

Принц к вечеру тоже вернулся к своему другу.

— Я провел весь день, — сказал он, — гоняясь за самой красивой ланью, которую я только видел, но она меня провела с удивительной ловкостью. Стрелял я уж так метко, что не понимаю, как она могла увернуться от моих стрел. Чуть рассвет, я пойду опять в лес, и уж на этот раз ей от меня не уйти.

И вот наш юный принц, который хотел позабыть о своей мечте, что казалась ему несбыточной, был очень доволен, опять пристрастившись к охоте. С раннего утра отправился он опять туда же, где спугнул лань, но та на этот раз поостереглась там показываться, боясь

чтобы опять не пришлось ей туго. Смотрел он, смотрел по всем сторонам, долго ходил по лесу, устал и разгорячился. Увидел он на дереве очень красивые яблоки и обрадовался, сорвал их, попробовал, и тут же одолела его дремота. Упал он на свежую траву под деревьями, где кругом щебетали птицы, и сладко заснул.

Пока он спал, боязливая лань, которой нравились уединенные места, приближалась как раз туда, где он лежал. Если бы она его раньше заметила, то, конечно, сейчас же убежала бы, но она увидела его, совсем уже близко к нему подобравшись, и не могла удержаться, чтобы не посмотреть на него. Так крепко он спал, что она перестала бояться и решила на досуге хорошенько его разглядеть. Боги! Что с ней только сделалось, когда она его узнала! Ведь она так о нем мечтала, что не могла забыть его за столь короткое время! Ах, любовь, любовь! Что ты только делаешь! Ужели же бедной лани погибнуть от руки ее возлюбленного? Так, верно, оно и будет, потому что она уже не думает о своей безопасности. Она прилегла в нескольких шагах от него и от радости глаз с него не сводила; она вздыхала, она тихонько стонала. Наконец, осмелев, подошла к нему еще ближе, коснулась его — и он проснулся.

Принц был ужасно удивлен. Он узнал лань, которая так его помучила, и которую он так долго искал, — но странно, что она решилась так близко к нему подойти! Она не стала дожидаться и бросилась со всех ног бежать, а он — за ней. Время от времени они останавливались, чтобы передохнуть, потому что красавица лань еще не отдохнула от вчерашней погони, да и принц тоже. Но что больше всего замедляло бег, — увы! сказать ли — было то, что ей страх как не хотелось удаляться от того, кто ранил ее не стрелами, а любовью. Он не раз видел, как она оборачивалась к нему, словно спрашивая, неужели он хочет, чтобы она

погибла от его руки; но как только он совсем уж ее настигал, она делала новое усилие и убегала.

— Ах, малютка-ланы, — вскричал он наконец, — если бы ты только могла понимать меня! Тогда бы ты не стала убегать от меня; ведь я люблю тебя, я хочу кормить тебя да ухаживать за тобой — такая ты красавица! — Но ветер унес его слова, и она не слыхала их.

Наконец обежали они кругом весь лес, наша ланы, совсем обессилев, замедлила шаг. А принц в это время удвоил силы и нагнал ее с такой радостью, что сам себе не верил. Он увидел, что она совсем выбилась из сил; она упала, бедняжка, полумертвая от усталости и ждала только смерти от рук своего победителя. Но вместо того, чтобы причинить ей зло, он начал ласкать ее.

— Красавица моя ланы, — сказал он ей, — не бойся меня, я хочу тебя взять с собой и никогда с тобой не разлучаться.

Он нарезал ветвей, послал их ровненько, покрыл мхом, набросал на них роз, которые кругом цвели на кустах, потом взял ланы на руки, положил ее головку себе на плечо и уложил ее потихоньку на это ложе. Потом сел около нее, время от времени срывал травы и давал ей, а она ела их из его рук. Принц продолжал с ней говорить, хоть и был уверен, что она его не понимает. Но как ей не приятно было его видеть, все-таки она беспокоилась, потому что надвигалась ночь.

«Что-то будет, — думала она, — когда он увидит, как я вдруг обращусь в девушку. Наверно, он испугается и убежит от меня, а если он не убежит, как я буду с ним одна в темном лесу?» Она только и думала о том, как бы ей убежать от него, когда он сам ей в этом помог: боясь, что ей захочется пить, он пошел посмотреть, нет ли где-нибудь поблизости источника, куда бы он мог ее отвести. Как только он ушел, она

тотчас же вскочила и помчалась к своему домику, где ее ждала Левкой. Она бросилась на постель. Стемнело; снова она стала принцессой и рассказала подруге свое приключение.

— Поверишь ли, моя дорогая, мой принц Воитель два дня охотился за мной в лесу, и когда наконец поймал меня, то стал меня нежно ласкать. Ах! До чего же этот портрет, который мне тогда подарили, мало на него похож: он во сто раз красивее. Другой на охоте замарается да обдерется, а он все так же хорош, а до чего мил и красив, и рассказать тебе не сумею. Ну, не несчастная ли я, что мне приходится бежать от принца, который мне сужен да ряжен всеми моими родными, — бежать от него, который меня любит и которого я люблю! Надо же было, чтобы злая фея возненавидела меня со дня моего рождения и погубила всю мою жизнь. — Она принялась плакать, а Левкой ее утешала.

Как только принц отыскал ручей, он пошел назад к своей милой лани; но ее уже не было на том месте, где он ее оставил. Тщетно искал он ее повсюду и чувствовал такую обиду на нее, словно она обладала разумом. «Как! — воскликнул он. — Неужели же мне придется иметь вечно повод жаловаться на этот лживый и вероломный женский пол?» В тоске возвратился он к доброй старушке. Он рассказал своему наперснику все приключения с ланью, обвиняя ее в неблагодарности. Бекафиг не мог не улыбнуться гневу принца и посоветовал ему наказать лань, когда он встретится с ней.

— Только ради этого я здесь и останусь, — ответил принц, — и затем мы сейчас же отправимся дальше.

Настало утро, и вместе с ним принцесса обернулась белой ланью. Не знала она, на что решиться: то ли побежать ей в те места, где обычно гуляет принц, то ли пойти другой дорогой, чтобы не попасться ему на глаза. Наконец она выбрала последнее и ушла далеко, но

юный принц был тоже не прост и тоже пошел другой дорогой, подозревая, что она пустится на хитрости. И он нашел ее в самой глуши леса. Она чувствовала себя в безопасности. И тут-то вдруг его заметила. В тот же миг она вскочила, одним прыжком перенеслась через кусты и помчалась быстрее ветра, словно ее вчерашняя проделка с ним заставила ее еще больше его бояться. Но в ту минуту, когда она перебежала одну тропку, он схватил лук, да так ловко нацелился, что стрела вонзилась ей в ногу. Она почувствовала ужасную боль, силы оставили ее, и она упала.

Ах! Амур, жестокий и дикий Амур, где же ты был? Как! Ты позволил, чтобы несравненную девушку ранил ее нежный возлюбленный? Но печальный конец был неизбежен, ибо фея Источника так подстроила. Принц подошел к лани. Когда он увидел, что кровь бежит из раны, ему стало очень жаль ее. Он сорвал длинные стебли трав и перевязал ими раненую ногу, потом, как и в прошлый раз, сделал ложе из ветвей. Он положил голову лани себе на колени и сказал ей:

— Не сама ли ты виновата, ветреница моя, в том, что с тобой случилось? Зачем ты вчера меня покинула? Но сегодня уж этого не случится, потому что я понесу тебя сам.

Лань ничего не ответила да и что бы она сказала! Она и виновата была и говорить не могла, а ведь вовсе не всегда те, кто виноват, молчат. Принц нежно ее ласкал.

— Как мне больно, — говорил он, — что пришлось тебя ранить! Ты будешь, верно, теперь меня ненавидеть, а ведь я хочу, чтобы ты любила меня.

Казалось, коли его послушать, то какой-то тайный гений нашептывал ему, что он говорил лани. И вот уже приближался час, когда пора было возвращаться к старушке-хозяйке; он поднял свою добычу и нелегко

ему пришлось; он то нес ее, то вел, то волочил за собой. Она вовсе не хотела с ним идти.

«Что со мной будет? — думала она. — Ну как же мне очутиться с ним с глазу на глаз! Ах лучше уж умереть».

Она нарочно двигалась самым неуклюжим образом и очень обременяла его. Он так устал, что весь был мокрый, и, хотя уж недалеко было до их маленького домика, почувствовал, что ему одному не справиться. Он пошел позвать своего верного Бекафига, но прежде, чем покинуть свою добычу, привязал ее несколькими узлами к дереву, чтобы она опять не убежала. Увы! Кто мог бы подумать, что красивейшая принцесса в мире подвергнется такому обращению со стороны принца, который ее обожал! Она тщетно пыталась разорвать путы, но только еще сильнее их затягивала, а кроме того, на беду, образовалась мертвая петля, грозившая ее задушить. В это время Левкой, которой надоело сидеть все время взаперти в своей комнате, вышла подышать свежим воздухом и направилась как раз туда, где белая лань билась в путах. Что с ней только сделалось, когда она увидела свою дорогую повелительницу! Она бросилась развязывать ее, — а узлов было много, да все в разных местах; наконец дело было сделано, но в эту минуту появились принц с Бекафигом.

— Несмотря на все мое уважение к вам, госпожа моя, — сказал принц Левкою, — позвольте мне сказать вам, что вы хотите присвоить чужое добро: я ранил эту лань, она моя, я люблю ее, и я вас умоляю оставить ее мне.

— Сеньор, — вежливо отвечала Левкой (а ведь она была и стройна и прелестна); — эта лань была моей еще до того, как вы ею завладели, и я готова скорей от жизни своей отказаться, чем от нее. А если вы хотите видеть, знает ли она меня или нет, отпустите ее на минуту... Ну-ка, моя Белочка, обнимите меня — Лань

бросилась ей на шею. — Поцелуй меня в правую щеку. — Лань поцеловала. — Коснитесь моего сердца. — Она тронула ее грудь ножкой. — Вздохните, — и она вздохнула. Принц не мог уже больше сомневаться в том, что Левкой говорит правду.

— Возвращаю ее вам, — благородно заявил он, — но поверьте, с немалым сожалением. — И Левкой тотчас же ушла со своей ланью.

Они не знали, что принц живет в том же домике; он издали следил за ними и был очень удивлен, когда увидал, что они входят в хижину доброй старушки. Очень скоро за ними вернулся и он, и так как ему было очень любопытно узнать о белой лани, он спросил у старушки, кто девушка с ланью. Та ответила, что не знает ее, что пустила ее к себе вместе с ланью, что она ей хорошо платит и живет одиноко. Бекафиг осведомился, где их комната, и узнал, что она соседняя с их комнатой и что их отделяет друг от друга только перегородка. Когда они пришли к себе, Бекафиг сказал принцу, что либо он ошибается так, как еще никто никогда не ошибался, либо девушка, которую они только что видели, жила с принцессой Желанье, и он ее видел во дворце, когда приезжал туда с посольством.

— Какие мрачные воспоминания оживляете вы! — сказал ему принц. — И каким образом могла бы она очутиться здесь?

— Этого я не знаю, сеньор, — добавил Бекафиг, — но мне очень хочется посмотреть на нее еще раз, а так как нас разделяет всего лишь дощатая перегородка, я проделаю в ней отверстие.

— Вот бесплодное любопытство, — грустно сказал принц, потому что этот разговор снова пробудил все его горести. Он отворил окно, Выходившее в лес и стал мечтать.

Тем временем Бекафиг трудился и скоро просверлил довольно большое отверстие, Посмотрел он и увидел

прелестную принцессу, одетую в платье из серебряной парчи с кармазинными цветами, шитое золотом и изумрудами. Ее волосы падали тяжелыми волнами на самую красивую шею в мире, лицо пленяло живыми красками, а очи приводили в восхищение.

Левкой стояла перед ней на коленях и перевязывала ей руку, откуда обильно текла кровь. Казалось, что они очень озабочены этой раной.

— Дай мне умереть! — говорила принцесса. — Легче смерть, чем это плачевное существование, которое мне приходится влечить. Как! Целый день быть ланью, видеть своего суженого и не быть в состоянии говорить с ним, рассказать ему мое роковое несчастье! Ах! Если бы ты знала, как трогательно он говорил со мной, когда я была ланью, какой у него голос, какие движения у него благородные и располагающие, — ты бы еще больше меня пожалела, зная, что не можешь поведать ему мою горькую судьбу.

Можно себе представить, как был удивлен Бекафиг всем, что он увидел и услышал. Он подбежал к принцу и отвел его от окошка с невыразимой радостью.

— Ах, сеньор, — сказал он, — не медлите, подойдите же к перегородке, и вы воочию увидите ту, чей портрет вас очаровал.

Принц посмотрел и тотчас узнал принцессу. Он бы умер от счастья, если бы не боялся, что его морочат какие-то чары. Ибо, что же тогда значила удивительная встреча с Колючей Розой и ее матерью, которые были заключены в замок Трех Башен и называли себя — одна принцессой Желанье, другая ее приближенной дамой?

Однако любовь обнадежила его. Всякому хочется убедиться в том, на что направлены его желанья, а случай был таков, что приходилось или умереть от нетерпения или дознаться. И принц, не откладывая дела в долгий ящик, подошел к двери принцессиной комнаты да и постучал тихонько. Левкой, не

сомневаясь, что это стучится старушка-хозяйка, которая, кстати, была ей нужна, чтобы помочь перевязать руку ее повелительницы, поспешила отворить дверь и оцепенела от удивления, увидав перед собой принца, который сразу же бросился к ногам принцессы Желанье. Восторг его был так велик, что он не мог ничего толком сказать, и как мы ни старались узнать, что он ей говорил в эти первые минуты, так никого и не нашли, кто бы мог нам в этом помочь. Принцесса была в замешательстве, но Амур, который частенько служит посредником для онемевших, вмешался тут и убедил их обоих, что никогда еще не говорили они так умно или, по крайней мере, так трогательно и так нежно. Слезы, вздохи, клятвы и даже лукавые улыбки — все здесь было.

Так прошла ночь, занялся день, а принцесса Желанье даже не подумала о том — и она уже не обернулась ланью. Вдруг она это заметила; ничто не сравнится с ее радостью, и она так любила принца, что не могла и минуты выдержать, чтобы не поделиться с ним ею. И тут же она начала ему рассказывать свою историю с такою прелестью, с таким естественным красноречием, что самых записных умников за пояс заткнула.

— Как, — воскликнул он, — прелестная моя принцесса, так это вас я ранил в образе белой лани! Как же мне искупить ужасное мое преступление? Я готов умереть от горя на ваших глазах. — Он так был удручен, что его огорчение было написано на его лице. Принцесса Желанье страдала от этого более, чем от своей раны; она уверяла его, что все это пустяк и что ей дорого это несчастье, принесшее ей столько радости.

Она так убедительно говорила, что он не мог больше сомневаться в ее доброте. Чтобы все ей было понятно, он, в свою очередь, рассказал ей о том обмане, который затеяли Колючая Роза со своей матерью, и

добавил, что надо поторопиться известить отца о его счастье, о том, что он ее нашел, ибо иначе возгорится ужасная война, так как отец его не преминет отомстить за оскорбление, которое ему будто бы нанесено. Принцесса Желанье упросила его послать письмо с Бекафигом; тот уже готов был исполнить его приказание, как вдруг по лесу разнесся страшный гул и звон военных труб, рогов, литавр и барабанов; им показалось даже, словно большое войско проходит мимо их домика. Принц глянул в окошко и узнал многих рыцарей, знамена и значки; он скомандовал им остановиться и ожидать его.

Никогда еще не ликовало так войско, как на этот раз; все были убеждены, что сам принц Воитель поведет их, чтобы отомстить отцу принцессы Желанье. Войском предводительствовал сам отец принца, несмотря на свой преклонный возраст. Его несли в бархатном паланкине, изукрашенном золотой вышивкой, а за ним ехала открытая повозка, где везли Колючую Розу с матерью. Принц Воитель, увидев паланкин, бросился к нему, а король, простирая к сыну руки с отеческой любовью, вскричал:

— Откуда вы, сын мой? Как могли вы причинить мне такое горе, уехав от нас?

— Государь, — отвечал принц, — благоволите меня выслушать.

Король тотчас сошел с носилок, и, отойдя с ним в уединенное место, сын рассказал ему о своей счастливой встрече и о подлоге Колючей Розы.

Обрадованный король воздел руки и благодарил небо за его милость. В эту минуту он увидел принцессу Желанье, которая была красивее и изящнее всех звезд небесных. Она сидела на великолепной лошади, игравшей под ней, масса перьев различной окраски окружали ее головку, и самые большие алмазы мира украшали ее одежду. Она была одета охотницей.

Левкой, которая сопровождала ее, также была в замечательном наряде. Все это было дело рук феи Тюльпанов, это она обо всем позаботилась, и ее старания увенчались успехом. Маленький домик в лесу был создан для принцессы, и там много дней под видом доброй старушки потчевала и ютила свою любимицу.

Когда принц узнал свои войска и выбежал навстречу отцу, фея вошла в комнату принцессы Желанье; она подула на ее руку, и рана мгновенно зажила, и тут же она обрядила принцессу в такой пышный наряд, что, когда появилась она перед глазами короля, он так был очарован, что с трудом мог поверить, что перед ним не бессмертная богиня. Он приветствовал ее самыми ласковыми словами, которые только можно было придумать для такого случая, и просил ее не медлить и поскорее стать королевой его государства.

— Да, — сказал он, — я решил передать королевство принцу Воителю, чтобы он еще более был достоин такой невесты!

Принцесса Желанье ответила ему со всей вежливостью, какую можно было ожидать от хорошо воспитанной особы, а потом, глянув на двух пленниц в повозке, закрывавших себе лица руками, она великодушно попросила короля простить их и разрешить им уехать в той же повозке, куда им заблагорассудится. Король согласился, и тут он еще раз восхитился ее сердечной добротой и похвалил ее за это. Тут же отдали приказ всей армии повернуть налево кругом и маршировать с музыкой домой. Принц вскочил на коня и поехал рядом с принцессой. В столице их встретили громогласные крики восторга; приготовили все, что нужно, ко дню свадьбы, который прошел весьма торжественно, благодаря присутствию шести благосклонных фей, любивших принцессу. Они поднесли принцессе такие богатые подарки, что и вообразить себе нельзя, — и, между прочим,

великолепный дворец, тот самый, в котором впервые увидела их мать-королева. Он мгновенно возник в воздухе: пятьдесят тысяч крылатых амуров принесли его и потом установили на широкой поляне по берегу речки. Ну, прекраснее такого подарка, конечно, уж ничего и быть не могло.

Верный Бекафиг просил своего повелителя поговорить с Левкоем, чтобы она стала его женой после того, как справят свадьбу принца. Принц согласился. Прелестная девушка была очень рада, что нашла себе такого хорошего мужа в чужом королевстве. Фея Тюльпанов, которая была еще щедрее своих сестер подарила ей на свадьбу четыре золотых копи в далекой Индии, чтобы она была такой же богатой, как и ее будущий муж. Целый месяц праздновали свадьбу принца, каждый день устраивали новое празднество и приключения белой лани распевали повсюду.

Белая кошка

Жил однажды король, и было у него три сына, красивых и храбрых, но король боялся, как бы принцам не захотелось сесть на трон, не дожидаясь его смерти. Уже ходили даже слухи, будто они покровительствуют тем, кто может им помочь отнять у короля его королевство. Король чувствовал приближение старости, но ум и силы его несколько не ослабли, поэтому он вовсе не желал уступать сыновьям сан, который носил с таким достоинством. Вот он и решил, что лучший способ оградить свой покой — это оттянуть время, поманив сыновей обещаниями, от исполнения которых он всегда сумеет уклониться.

Король призвал сыновей в свои комнаты и, милостиво поговорив с ними, добавил:

«Согласитесь, дорогие дети, что мой преклонный возраст уже не позволяет мне вершить дела государства столь же усердно, сколь в былые годы. Я боюсь, как бы это не причинило вреда моим подданным, и решил уступить корону одному из вас. Но чтобы получить от меня такой дар, вы по справедливости должны постараться мне угодить и раздобыть что-нибудь такое, что порадует меня, когда я удалюсь в деревню. Думаю, что маленькаямышленная собачка меня могла бы развлечь, и потому, не отдавая предпочтения старшему сыну перед младшими, объявляю вам, что тот из вас, кто принесет мне самую красивую собачку, станет моим наследником».

Принцы удивились, что их отцу захотелось вдруг иметь собачку, но обоим младшим братьям такое предложение сулило выгоду, и они охотно согласились отправиться на поиски собачки, а старший был слишком скромн, а может быть, слишком почтителен, чтобы

отстаивать свои права. Принцы простились с королем, он оделил их деньгами и драгоценностями и добавил, что ровно через год, в тот же самый день и час, они должны явиться к нему с собачками.

Прежде чем отправиться в путь, братья встретились в замке, неподалеку от города. Они привели туда с собой ближайших своих наперсников и устроили там пиршество. Три брата поклялись друг другу в вечной дружбе и в том, что, выполняя просьбу отца, будут действовать без злобы и зависти и тот, кому выпадет удача, не забудет в своем счастье остальных. Наконец они пустились в путь, уговорившись по возвращении встретиться в этом же самом дворце, чтобы отсюда втроем отправиться к королю. Они не пожелали взять с собой провожатых и назвали вымышленными именами, чтобы не быть узванными.

Каждый поехал своей дорогой, двое старших пережили множество приключений, но меня занимает только младший из братьев. Он был учтив, весел и находчив, отличался замечательным умом, благородным сложением, правильными чертами лица, ослепительной улыбкой и был на редкость искусен во всех подобающих принцу занятиях. Он приятно пел, он брал за душу своей проникновенной игрой на лютне и теорбе, он умел рисовать — словом, был во всех отношениях совершенством, а отвага его граничила с дерзостью.

Не проходило дня, чтобы принц не покупал собак, больших и маленьких, борзых, догов, ищеек, гончих, спаниелей, болонок. Если ему попадалась красивая собака, а потом другая, более красивая, он отпускал первую и оставлял вторую: не мог же он вести за собой свору из тридцати, а то и сорока тысяч собак, у него ведь не было ни свиты, ни лакеев, ни пажей. Принц шел все вперед и вперед, так и не решив, до каких пор

будет идти, как вдруг заблудился в лесу, где его застигли дождь и гроза.

Он выбрал наугад одну из тропинок, долго шел по ней и наконец увидел, что впереди брезжит слабый огонек. «Верно, поблизости есть какое-нибудь жильё, где можно переждать непогоду до утра», — решил принц. Идя на огонек, он пришел к воротам дворца. Ворота были из чистого золота и украшены карбункулами, которые освещали все вокруг своим ярким и чистым светом. Этот-то свет и увидел издали принц. Стены были из прозрачного фарфора, и на них разноцветными красками изображена история фей от сотворения мира до новейших времен. Не были тут забыты и знаменитые сказки об Ослиной Шкуре, о Вострушке, о Померанцевом дереве, Миляне, о Спящей красавице, о Зеленом Уже и бесчисленное множество других. Принц очень обрадовался, увидев изображение принца Непоседы, потому что то приходился ему дальним родственником. Впрочем, дождь и непогода помешали принцу дальше рассматривать картины, и не только потому, что он вымок до костей, но и потому, что в тех местах, куда не достигал свет карбункулов, попросту ничего не было видно.

Принц возвратился к золотым воротам и на алмазной цепочке увидел лапу косули. Его удивила вся эта роскошь и то, как спокойно и беззаботно живут обитатели замка. «Ведь в конце концов, — подумал он, — кто может помешать вору срезать эту цепочку, выковырять карбункулы и стать богачом до конца своих дней?»

Принц потянул лапку косули, и тут же зазвенел колокольчик, который, судя по звуку, был сделан из золота и серебра. Мгновение спустя дверь отворилась, но принц никого не увидел, только в воздухе показалось несколько рук и каждая держала факел. Принц так удивился, что не отважился переступить

порог, но тут другие руки довольно решительно подтолкнули его вперед. Он повинился им в сильном смущении и на всякий случай взялся за эфес шпаги, но едва он вошел в прихожую, сверху донизу выложенную порфиром и лазоревым камнем, два восхитительных голоса запели такую песенку:

Пугаться этих рук вы стали бы напрасно:
Ничто здесь не враждебно вам,
Лишь дивное лицо опасно
Боящимся любви сердцам.

Принц решил, что его не могут так любезно приглашать во дворец, чтобы потом причинить ему зло, поэтому, когда его подтолкнули к двери из коралла, которая распахнулась при его приближении, он, не сопротивляясь, вошел в гостиную, выложенную перламутром, а потом и в другие покои, украшенные каждый по-своему таким множеством картин и драгоценностей, что принц был просто ослеплен. Тысячи огней, горевших в гостиной от пола до потолка, заливали своим светом и часть других комнат, хотя в тех тоже не было недостатка в люстрах, жирандолях и полочках, на которых стояли свечи, — словом, великолепие было такое, что трудно было поверить собственным глазам.

Принц миновал шестьдесят комнат, и тогда наконец руки, указывавшие ему путь, остановили его, и он увидел большое удобное кресло, само подкатившееся к камину. В камине тут же запылал огонь, и руки, которые показались принцу на редкость красивыми — белыми, маленькими, пухлыми и точеными, раздели его: он ведь, как я уже сказал, промок до нитки, и надо было позаботиться о том, чтобы он не простудился. Руки невидимок принесли ему рубашку, такую красивую, что

впору было надеть ее в день свадьбы, и затканый золотом халат, на котором мелким изумрудом был вышит его вензель. Потом руки пододвинули к принцу туалетный столик. Все туалетные принадлежности также были необыкновенной красоты. Руки ловко причесали принца, почти не прикасаясь к нему, так что он остался очень доволен их услугами. Потом его снова одели, но не в его собственный костюм — ему принесли куда более роскошный наряд. Принц молча дивился всему происходящему, хотя иногда слегка вздрагивал от испуга, который все-таки не мог подавить.

Напудрив, завив, надушив и нарядив принца так, что он стал прекрасней Адониса, руки отвели его в великолепную залу, украшенную позолотой и богато обставленную. Висевшие кругом картины рассказывали историю знаменитейших котов и кошек: вот Салоед, повешенный за ноги на совете крыс, вот Кот в сапогах, маркиз де Карабас, вот Ученый Кот, вот Кошка, превращенная в женщину, и Колдуны, превращенные в котов, а вот и шабаш со всеми его церемониями — словом, самые что ни на есть замечательные картины.

Стол был накрыт на два прибора, и возле каждого стоял золотой погребец; столик рядом был уставлен чашами из горного хрусталя и всевозможный редких камней — обилие их поражало глаз.

Пока принц гадал, для кого накрыли стол, он увидел вдруг, как в ограждении, предназначенном для маленького оркестра, рассаживаются коты; один из них держал в руках партитуру, исписанную диковинными нотами, другой — свернутый трубочкой лист бумаги, которым он отбивал такт; в руках у остальных были крошечные гитары. И вдруг все коты принялись мяукать на разные голоса и коготками перебирать струны гитар: это была в высшей степени диковинная музыка. Принц, пожалуй, вообразил бы, что попал в преисподнюю, но дворец показался ему слишком прекрасным, чтобы

допустить подобную мысль. Однако он все же зажал себе уши и расхохотался от души, видя, какие позы принимают и как гримасничают новоявленные музыканты.

Принц размышлял о чудесах, которые уже приключились с ним в этом замке, как вдруг увидел, что в зал входит крохотное существо, размером не больше локтя. Малютка была окутана покрывалом из черного крепа. Вели ее два кота, они были одеты в траур, в плащах и при шпагах, а за ними следовал длинный кошачий кортеж — некоторые коты несли крысоловки, набитые крысами, другие — клетки с мышами.

Принц не мог в себя прийти от изумления — он не знал, что и думать. Черная фигурка приблизилась к нему, и, когда она откинула покрывало, он увидел Белую Кошку, красивейшую из всех, какие когда-либо были и будут на свете. Кошечка казалась совсем молодой и очень грустной, она замурлыкала так нежно и очаровательно, что мурлыканье ее проникло в самое сердце принца.

«Добро пожаловать, сын короля, — сказала она принцу. — Мое Мурлычество очень радо тебя видеть».

«Госпожа Кошка, — ответил принц, — вы великодушно оказали мне самый любезный прием. Но мне кажется, вы — не обычный зверек: дар речи, которым вы наделены, и роскошный замок, которым вы владеете, красноречиво свидетельствуют об этом».

«Сын короля, — сказала Белая Кошка, — прошу тебя, не говори мне учтивостей. Мои речи безыскусны и обычаи просты, но сердце у меня доброе. Вот что, — продолжала она, — пусть нам подадут ужин, а музыканты пусть умолкнут, ведь принц не понимает смысла их слов».

«А разве они что-то говорят, государыня?» — удивился принц.

«Конечно, — ответила кошка. — У нас здесь есть поэты, наделенные замечательным талантом. Если ты поживешь у нас, быть может, ты их оценишь».

«Мне довольно услышать вас, чтобы в это поверить, — любезно сказал принц. — Но все же, государыня, я вижу в вас кошку редкостной породы».

Принесли ужин, руки, принадлежавшие невидимкам, прислуживали Белой Кошке и ее гостю. сначала на стол поставили два бульона — один из голубей, другой из жирных мышей. Когда принц увидел второй из них, он поперхнулся первым, потому что сразу представил себе, что готовил их один и тот же повар. Но Кошечка, догадавшись по его выражению, что у него на уме, заверила его, что ему готовят пищу отдельно, и он может есть все, чем его угощают, не боясь, что в еде окажутся мыши или крысы.

Принц не заставил себя просить дважды, уверенный в том, что Кошечка не станет его обманывать. Он обратил внимание, что на ее лапке висит портрет в драгоценной оправе, — его это очень удивило. Полагая, что это портрет мэтра Котауса, он попросил Кошечку показать ему портрет. Каково же было его изумление, когда он увидел, что на нем изображен юноша такой красоты, что трудно было поверить в подобное чудо природы, и при этом он так похож на принца, будто портрет писан с него самого. Кошечка вздохнула и, еще больше загрустив, умолкла. Принц понял, что за этим скрывается какая-то необыкновенная тайна. Но расспрашивать он не осмелился, боясь разгневать или огорчить Белую Кошку. Он завел с ней разговор о тех новостях, которые ему были известны, и убедился, что она наслышана о делах, касающихся царствующих особ, и вообще обо всем, происходящем в мире.

После ужина Белая Кошка пригласила своего гостя в гостиную, где были устроены подмости, на которых двенадцать котов и столько же обезьян исполнили

балет. Коты были одеты маврами, обезьяны китайцами. Легко вообразить, как они скакали и прыгали, иногда впиваясь друг в друга когтями. Так закончился этот вечер. Белая Кошка пожелала гостю спокойной ночи, и руки, которые привели к ней принца, снова подхватили его и проводили в покои другого рода, нежели те, что он уже видел. Эти были не столь роскошны, сколько изысканны: стены их были сплошь покрыты крыльями бабочек, образующими узор в виде тысячи разнообразных цветов. Были здесь также и перья редкостных птиц, быть может, даже не виданных нигде, кроме этих мест. Ложе было застелено бельем из газа, украшенного множеством бантов. А зеркала тянулись от пола до потолка, и их резные золоченные рамы изображали множество маленьких амуров. Принц лег спать, не говоря ни слова, ведь невозможно было поддерживать разговор с руками, которые ему прислуживали; спал он мало, и разбудил его какой-то смутный шум. Тотчас руки подняли его с постели и нарядили в охотничий костюм. Он выглянул во двор замка и увидел более пятисот котов — одни из них вели на поводке борзых, другие трубили в рог; затевался большой праздник — Белая Кошка выезжала на охоту и хотела, чтобы принц ее сопровождал. Услужливые руки подвели ему деревянного коня, который мог нестись во весь опор и идти медленным шагом. Принц сначала заупрямился, не желая на него садиться. «Я ведь все-таки не странствующий рыцарь ДонКихот», — говорил он. Но возражения ни к чему не привели, его усадили на деревянного коня. Чепрак и седло на нем были расшиты золотом и алмазами. Белая Кошка села верхом на обезьяну невиданной красоты и великолепия. Вместо черного покрывала она надела лихо заломленную кавалерийскую шапку, которая придавала ей столь решительный вид, что все окрестные мыши перепугались. В мире не было еще такой удивительной

охоты; коты бегали куда быстрее зайцев и кроликов, и, когда они хватали добычу, Белая Кошка тут же отдавала им их долю на съедение. Забавно было при этом наблюдать за их ловкими ухватками. Птицы тоже не чувствовали себя в безопасности, потому что котята вскарабкивались на деревья, а красавица обезьяна возносила Белую Кошку даже до орлиных гнезд, отдавая в ее власть Их высочеств орлят.

По окончании охоты Белая Кошка взяла рог длиной не больше пальца, но издавший такой громкий и чистый звук, что он слышен был за десять лье. Она протрубила два или три раза, и к ней в мгновенья ока явились все коты ее царства. Одни прилетели по воздуху, другие приплыли в лодках по воде — словом, никто никогда не видал такого огромного кошачьего сборища. Одеты все они были по-разному, и Кошка в сопровождении этой торжественной свиты отправилась в замок, пригласив принца следовать за ней. Он ничего не имел против, хотя ему казалось, что такое засилье кошек отдает нечистой силой и колдовством, но больше всего его удивляла сама Белая Кошка, говорящая человеческим языком.

Когда они вернулись во дворец, Кошечка снова надела свое длинное черное покрывало, потом они с принцем поужинали, он очень проголодался и ел с большим аппетитом. Подали напитки, принц с удовольствием выпил вина и тотчас забыл о маленькой собачке, которую должен был привести королю. Теперь он хотел только одного — мурлыкать с Белой Кошкой, иными словами — не отходить от нее ни на шаг. Они проводили дни в приятных увеселениях, иногда занимались рыбной ловлей, иногда охотились, потом представляли балеты, устраивали состязания наездников и придумывали еще множество других забав. Белая Кошка к тому же часто сочиняла стихи и песенки, такие пылкие, что видно было: у нее

чувствительное сердце; подобным языком говорит только тот, кто любит. Но у секретаря Белой Кошки, престарелого кота, был такой плохой почерк, что хотя произведения ее сохранились, прочитать их невозможно.

Принц позабыл все — и даже свою родину. Руки, о которых я уже упоминал, продолжали ему прислуживать. Иногда Принц жалел, что не родился котом, тогда он мог бы всю жизнь проводить в этом приятном обществе. «Увы, — говорил он Белой Кошке, — мне будет так грустно с вами расстаться. Я вас так люблю. Станьте же девушкой или превратите меня в кота». Она благосклонно выслушивала его пожелания, но отвечала в туманных выражениях, так что он почти ничего не понимал.

Время летит быстро для того, кто не ведает ни забот, ни печалей, для того, кто весел и здоров. Но Белая Кошка знала, когда принцу надлежит вернуться, и, так как принц о возвращении больше не думал, сама ему об этом напомнила.

«Знаешь ли ты, — спросила она его, — что тебе осталось всего три дня, чтобы найти собачку, которую хочет получить твой отец-король, и что твои братья уже нашли собачек, и притом очень красивых?»

Принц опомнился и удивился собственной беспечности.

«Какое тайное чародейство, — воскликнул он, — заставило меня забыть о том, что для меня важнее всего на свете? Речь идет о моей чести и славе. Где найти собачку, которая поможет мне получить корону, и где найти такого быстрого коня, который одолеет дальнюю дорогу?»

Принца охватило беспокойство, и он заметно приуныл.

«Сын короля, — сказала ему Белая Кошка нежным голосом, — не горюй, я твой друг, ты можешь остаться у

меня еще на один день, отсюда до твоего королевства всего пятьсот лье, и славный деревянный конь доставит тебя туда меньше чем за полсутки».

«Спасибо, прекрасная Кошка, — отвечал ей принц. — Но мне мало вернуться к отцу, я должен привести ему собачку».

«Возьми вот этот желудь, — сказала Белая Кошка, — в нем собачка, которая прекрасней Большого Пса Сириуса».

«Ох, госпожа Кошка, Ваше величество изволит надо мной смеяться».

«Приложи желудь к уху, — посоветовала принцу Кошка, — и ты услышишь лай».

Принц повиновался, и тотчас собачка залаяла: «Гав! гав!» Принц страшно обрадовался, ведь собачка, которая может уместиться в желуде, должна быть совсем крохотной. Он хотел было расколоть желудь, так ему не терпелось увидеть собачку, но Белая Кошка сказала, что собачка может простудиться в дороге и лучше ее не тревожить, пока принц не предстанет перед своим отцом-королем. Принц рассыпался в благодарностях и нежно простился с Кошкой.

«Поверьте мне, — сказал он, — дни, что я провел рядом с вами, пролетели для меня так незаметно, что грустно вас покидать. И хотя вы — королева и ваши придворные коты куда остроумнее и учтивее наших, я все-таки прошу вас: поедemте со мной».

В ответ на это предложение Белая Кошка только глубоко вздохнула. Они расстались. Принц первым прибыл в замок, где уговорились встретиться с братьями. Вскоре приехали и они и очень удивились, увидев во дворце деревянного коня, более резвого, чем все лошади, которых держали в школе верховой езды.

Принц вышел навстречу братьям. Они обнялись и расцеловались и стали рассказывать друг другу о своих путешествиях. Но наш принц не рассказал братьям о

том, что с ним приключилось: показав им жалкую собачонку, которая прежде вращала колесо вертела, он уверил их, будто она показалась ему такой хорошенькой, что он решил привести ее королю. Как ни дружили между собой братья, двое старших втайне обрадовались, что младший сделал такой плохой выбор. Они сидели в это время за столом, и один толкнул другого ногой, как бы говоря, что с этой стороны им нечего бояться соперничества.

На другой день братья выехали все вместе в одной карете. Два старших принца везли в корзиночках двух собачек, таких красивых и хрупких, что страшно было до них дотронуться. А младший вез несчастную собачонку, вращавшую вертел, такую грязную, что все от нее шарахались. Принцы вошли в покои короля. Король не знал, какую из собачек выбрать, потому что обе собачки, привезенные старшими братьями, были почти одинаково хороши. Братья уже оспаривали друг у друга право наследовать королю, когда младший решил их спор, вынув из кармана желудь, подаренный Белой Кошкой. Он быстро его расколол и каждый увидел крошечную собачку, которая лежала в нем на пушистой подстилке. Собачка могла бы прыгнуть сквозь обручальное кольцо, не задев его. Принц поставил ее на землю, и она тотчас стала танцевать сарабанду с кастаньетками так легко, как самая прославленная из испанских танцовщиц. Собачка переливалась всеми цветами радуги, а ее мягкая шерстка и уши свисали до самого пола.

Король был весьма смущен: песик был так хорош, что придаться было просто не к чему.

Однако королю вовсе не хотелось расставаться со своей короной. Самые мелкие ее украшения были ему дороже всех собак в мире. Поэтому он сказал сыновьям, что очень доволен их стараниями, но они так успешно исполнили его первое желание, что, прежде чем

сдержать слово, какое он им дал, он хочет еще раз испытать их усердие. Он дает им год на поиски полотна, такого тонкого, чтобы его можно было пропустить сквозь ушко самой тонкой вышивальной иглы. Все трое очень огорчились, что им снова придется отправиться на поиски. Но два принца, собаки которых уступали в красоте той, что привез младший, согласились. И каждый поехал своей дорогой, простившись уже не так дружелюбно, как в первый раз, потому что грязная собачонка, вращавшая вертел, несколько охладила их братские чувства.

Наш принц сел верхом на деревянного коня и, не желая помощи ни от кого, кроме Белой Кошки, на дружбу которой он надеялся, поспешно пустился в путь и вернулся в замок, где его однажды уже так хорошо приняли. Все ворота были распахнуты настежь, и замок, окна, крыша, башни и стены которого были освещены тысячами ламп, являл собой дивное зрелище. Руки, которые так хорошо прислуживали принцу раньше, снова встретили гостя и, взяв под уздцы великолепного деревянного коня, отвели его в конюшню, а принц тем временем отправился в покои Белой Кошки.

Она лежала в маленькой корзинке, на белой атласной подушечке, очень нарядной. Правда, ее ночной чепец был в беспорядке и сама она казалась грустной, но стоило ей увидеть принца, как она стала прыгать и резвиться, выказывая ему свою радость.

«Хотя у меня и были причины ждать, что ты вернешься, сын короля, — сказала она, — признаюсь тебе, я все-таки не решалась надеяться на твое возвращение. Обыкновенно мне не везет и мои желания не исполняются, вот почему я так приятно удивлена».

Благородный принц осыпал Кошечку ласками. Он рассказал ей, чем увенчалось его путешествие, хотя, судя по всему, ей все было известно даже лучше, чем ему самому. Рассказал он и о том, что король пожелал,

чтобы ему доставили полотно, которое могло бы пройти в игольное ушко. По правде говоря, признался принц, он не верит, что эту прихоть короля можно исполнить, но все-таки решил попытаться счастья, во всем положившись на ее дружбу и содействие. Белая Кошка задумалась и сказала, что это дело не из легких, но, к счастью, в ее замке среди кошек есть искусные пряжи, да она и сама приложит лапку к работе и поторопит пряжу, так что пусть принц не беспокоится и не ищет далеко то, что скорее найдет у нее, нежели в каком-нибудь другом месте.

Появились руки, они внесли факелы, и принц, следуя за ними вместе с Белой Кошкой, вошел в величественную галерею, которая тянулась вдоль громадной реки, над которой зажигали удивительный фейерверк. В его огне должны были сгореть несколько кошек, которых сначала судили по всей форме. Их обвиняли в том, что они слопали жаркое, приготовленное на ужин Белой Кошке, сожрали ее сыр, выпили молоко и даже умышляли на ее особу в сговоре с Рубакой и Отшельником — крысами, весьма известными в округе — таковыми их считает Лафонтен, а этот автор всегда говорит только правду. Однако выяснилось, что дело не обошлось без интриг и многие свидетели подкуплены. Как бы то ни было, принц упросил, чтобы виновных помиловали. Фейерверк никому не причинил вреда, а таких прекрасных потешных огней не выдывал еще никто в мире.

Потом подали изысканный праздничный ужин, который доставил принцу больше удовольствия, чем фейерверк, потому что он сильно проголодался, хотя деревянный конь примчал его очень быстро — с такой скоростью принцу еще никогда не приходилось скакать. Последующие дни прошли так же, как они проходили в прошлый раз, — во всевозможных празднествах, которыми изобретательная Белая Кошка развлекала

своего гостя. Наверное, впервые смертный так весело проводил время с кошками, не имея вокруг никакого другого общества.

Правда, Белая Кошка была наделена живым, отзывчивым и на редкость разносторонним умом. И была такой ученой, какой кошки не бывают. Принц иногда просто диву давался.

«Нет, — твердил он ей, — тут что-то не так. У вас слишком много необыкновенных талантов. Если вы любите меня, прелестная Киска, откройте мне, каким чудом вы рассуждаете и мыслите так мудро, что вам впору заседать в академии среди самых великих умов?»

«Перестаньте задавать мне вопросы, сын короля, — говорила она. — Я не имею права отвечать на них, можешь строить какие угодно предположения, я не стану тебя оспаривать. Будь доволен тем, что, когда я с тобой, я не выпускаю коготков и принимаю близко к сердцу все, что тебя касается».

Второй год пролетел так же незаметно, как первый. Стоило принцу что-нибудь пожелать, и услужливые руки тотчас доставляли ему это — будь то книги, драгоценные камни, картины или античные медали. Ему довольно было сказать: «Я мечтаю заполучить такую-то драгоценность из собрания Великого Могола или персидского шаха, такую-то коринфскую или греческую статую», — как предмет его желаний, откуда ни возьмись, появлялся перед ним, неизвестно кем доставленный. В этом была своя прелесть — ведь для разнообразия приятно оказаться владельцем прекраснейших в мире сокровищ. Белая Кошка, ни на минуту не забывавшая об интересах принца, объявила ему, что день его отъезда приближается, но чтобы он не беспокоился о полотне, в котором у него нужда, — она приготовила ему чудеснейшую ткань.

«Но на этот раз, — добавила Кошка, — я хочу снарядить тебя в дорогу так, как подобает принцу

твоего высокого рождения», — и, не дожидаясь ответа принца, она заставила его выглянуть во двор замка. Там стояла открытая коляска из золота, расписанная алой краской и вся украшенная галантными изречениями, которые тешили и глаз и ум. В коляску четверками была впряжена дюжина белоснежных коней в сбруе из алого бархата, расшитого алмазами и отделанного золотыми пластинами. Таким же бархатом была изнутри обита коляска, а за ней следовала сотня карет: каждая запряжена восьмеркой лошадей и в каждой сидели знатные вельможи в роскошных одеждах. Кроме них за коляской следовала еще тысяча гвардейцев-телохранителей, мундиры которых были покрыты такой богатой вышивкой, что даже не видно было, из какой материи они сшиты. И самое удивительное — повсюду были портреты Белой Кошки: и среди надписей на первой коляске, и в вышивке на мундирах гвардейцев; ее портреты висели также на лентах поверх камзолов, в которые были одеты вельможи, составлявшие свиту, — словно Белая Кошка наградила их этим новым орденом.

«Поезжай, — сказала принцу Кошка, — и явись ко двору твоего отца-короля так торжественно, чтобы, увидев все это великолепие, он не отказал тебе в короне, которую ты заслужил. Вот тебе орех, но смотри разбей его не раньше, чем предстанешь перед королем, — в нем ты увидишь полотно, о котором меня просил».

«Милая Беляночка, — сказал ей принц, — я так тронут вашей добротой, что признаюсь вам, если бы вы согласились, я предпочел бы провести жизнь рядом с вами, чем гнаться за почестями, на которые я, может быть, вправе рассчитывать в другом месте».

«Сын короля, — отвечала Белая Кошка, — я уверена в том, что у тебя доброе сердце, а это товар редкий среди венценосцев. Они хотят, чтобы все их любили, а сами не любят никого. Но ты доказываешь, что нет

правил без исключений. Я ценю твою преданность Белой Кошке, которая, правду сказать, годна только ловить мышей».

Принц поцеловал ей лапку и пустился в путь. Если бы не знать, что деревянному коню понадобилось меньше двух дней, чтобы доставить принца за пятьсот лье от замка Белой Кошки, трудно было бы представить скорость, с какой мчался он на этот раз: та самая сила, которая воодушевляла деревянного коня, так подгоняла теперешнюю упряжку принца, что он и его провожатые провели в дороге не более суток, — ни разу не сделав привала, они прибыли к королю, куда уже явились два его старших сына. Видя, что их младший брат не показывается, принцы порадовались его нерасторопности и шепнули друг другу: «Вот тебе и счастливец, наверно, он заболел или умер, не бывать ему нашим соперником в важном деле, которое предстоит решить». И они развернули привезенные ими ткани, которые и впрямь были такие тонкие, что проходили в ушко толстой иглы, — а вот в ушко тонкой они не прошли, и король, очень обрадованный тем, что нашелся предлог оспорить их права, показал им ту иглу, какую он имел в виду: По его приказу городские советники доставили ее из городской сокровищницы, где она хранилась под крепкими замками.

Этот спор вызвал большой ропот. Друзья принцев, в особенности старшего, чье полотно было более красивым, говорили, что это пустая придирка, и тут пахнет крючкотворством и плутнями. А приверженцы короля утверждали, что, поскольку условия не выполнены, король вовсе не обязан отказываться от трона. Конец препирательствам положили дивные звуки труб, литавр и гобоев — это со своей пышной свитой прибыл наш принц. И король и оба его сына были поражены таким великолепием.

Почтительно поклонившись отцу и обняв братьев, принц извлек из шкатулки осыпанный рубинами орех и расколол его. Он надеялся увидеть там хваленое полотно, но там оказался лесной орешек поменьше. Принц разбил и этот орех и очень удивился, когда обнаружил в нем вишневую косточку.

Окружающие переглянулись, король тихонько посмеивался: он потешался над сыном, который оказался таким простаком, что поверил, будто можно привезти кусок полотна в ореховой скорлупке. А почему бы ему, собственно говоря, было не поверить, если принцу уже случилось раздобыть собачку, которая умещалась в желуде? Итак, принц расколол вишневую косточку, в ней оказалось ядрышко вишни, тут в зале поднялся гул, все хором говорили одно — принца, мол, одурачили. Принц не ответил ни слова на насмешки придворных — он расщепил ядрышко, в нем оказалось зерно пшеницы, а в нем просяное зернышко. Ну и ну! Тут уж принц и сам начал сомневаться и сквозь зубы пробормотал:

«Ах, Белая Кошка, Белая Кошка! Ты посмеялась надо мной!»

Но только он пробормотал эти слова, как почувствовал, что в руку ему впились кошачьи коготки и оцарапали его до крови. Он не мог понять, для чего его царапнули — чтобы подбодрить или, наоборот, чтобы лишить его мужества. И все-таки он расщепил зернышко проса, и каково же было удивление собравшихся, когда принц извлек из него четыреста локтей полотна удивительной красоты — на нем были изображены все, какие только есть на земле, птицы, звери и рыбы, деревья, фрукты и растения; все морские редкости, ракушки и скалы, все небесные светила — солнце, луна, звезды и планеты. Были на нем также изображены короли и другие государи, правившие в ту пору в разных странах, а также их жены,

возлюбленные, дети и все до одного подданные, так что не забыт был даже самый убогий оборвыш. И каждый был одет соответственно своему положению и по моде своей страны. Увидев это полотно, король побледнел так сильно, как прежде покраснел принц, смущенный тем, что так долго ищет полотно. Принесли иглу и шесть раз протянули полотно сквозь ушко в одну и в другую сторону. Король и два старших сына угрюмо молчали, хотя полотно было такой редкостной красоты, что время от времени они все-таки вынуждены были признать, что свет не видывал ничего подобного.

Наконец король глубоко вздохнул и, обратившись к своим сыновьям, сказал:

«Нет у меня в старости большего утешения, нежели видеть вашу ко мне почтительность, и потому я хочу подвергнуть вас еще одному испытанию. Отправляйтесь странствовать еще один год, и тот, кто по истечении этого срока привезет самую прекрасную девушку, пусть женится на ней и при вступлении в брак получит мою корону: ведь моему приемнику обязательно надо жениться. А я обещаю, я клянусь, что больше не стану медлить и вручу ему обещанную награду».

Конечно, это было несправедливо по отношению к нашему принцу. И собачка, и полотно, им привезенные, стоили не одного, а десяти королевств. Но у принца было такое благородное сердце, что он не стал перечить отцу и без дальних слов сел в свою карету. Вся его свита последовала за ним, и он возвратился к своей дорогой Белой Кошке. Она заранее знала, в какой день и час он прибудет, — весь его путь был усыпан цветами, и повсюду, а в особенности во дворце, курили благовония. Белая Кошка сидела на персидском ковре под шитым золотом балдахинном в галерее, откуда она могла видеть, как принц подъехал ко дворцу. Встретили принца руки, которые прислуживали ему и

прежде. А все кошки повскакивали на водосточные трубы и оттуда приветствовали его громогласным мяуканьем.

«Что ж, сын короля, — сказала Белая Кошка, — ты опять возвратился, и не получив короны?»

«Государыня, — ответил он, — ваши милости помогли мне ее заслужить, но мне кажется, королю так жалко с ней расстаться, что, если бы я ее получил, его горе было бы куда сильнее моей радости».

«Все равно, — возразила она, надо сделать все, чтобы ее добиться. Я тебе в этом помогу, и, раз тебе нужно привезти ко двору твоего отца прекрасную девушку, я найду тебе ту, что поможет тебе заслужить награду. А пока давай веселиться, я приказала устроить морское сражение между кошками и злыми окрестными крысами. Мои кошки, быть может, будут смущены, они ведь боятся воды, но в противном случае на их стороне были бы слишком большие преимущества, а надо по мере возможности соблюдать справедливость».

Принц был восхищен мудростью госпожи Киски. Он долго расточал ей похвалы, а потом они вместе вышли на террасу, обращенную к морю. Кошачьи корабли представляли собой большие куски пробковой коры, на которых кошки плавали довольно ловко. А крысы соединили вместе множество яичных скорлупок — это был их флот. Битва разыгралась жестокая, крысы не раз бросались вплавь, а плавали они гораздо лучше кошек, так что победа раз двадцать переходила то на одну, то на другую сторону. Но адмирал кошачьего флота Котаус поверг крысиную рать в отчаяние. Он сожрал их предводителя — старую опытную крысу, которая трижды совершила кругосветное путешествие на настоящих больших кораблях, но не в качестве капитана или матроса, а как обыкновенная любительница сала.

Но Белая Кошка не хотела, чтобы несчастные крысы были полностью разгромлены. Она была мудрым политиком и полагала, что, если в стране совсем не останется ни мышей, ни крыс, ее подданные предадутся праздности, которая может нанести ей урон. Принц провел этот год так же, как два предыдущие, то есть охотился, ездил на рыбную ловлю или сидел за шахматной доской, потому что Белая Кошка прекрасно играла в шахматы.

Принц не мог удержаться время от времени снова начинать ее расспрашивать, каким чудом она умеет говорить. Он хотел знать, уж не фея ли она, а может быть, ее колдовством превратили в кошку. Белая Кошка говорила всегда только то, что хотела сказать, она и отвечала лишь на то, на что хотела ответить; в этом случае она отделялась ничего не значащими словами, и принц скоро понял, что она не хочет посвящать его в свою тайну.

Ничто не течет так быстро, как безоблачные и безмятежные дни, и если бы Белая Кошка не помнила о сроке, когда принцу пора было возвращаться ко двору, сам он без сомнения забыл бы о нем. И вот накануне того дня, когда ему надо было возвращаться, Кошка сказала принцу, что от него одного зависит, привезет ли он ко двору отца одну из самых прекрасных на свете принцесс, и что настал миг разрушить чары злых фей, но для этого принц должен решиться отрубить ей голову и хвост немедля бросить их в огонь.

«Как! — воскликнул принц. — Любимая моя Беляночка! Неужто я решусь на такое злодейство и убью вас! Нет, вы просто хотите испытать мое сердце, но, поверьте, оно никогда не изменит дружбе и признательности, какие питает к вам». — «Успокойтесь, сын короля, — возразила она. — Я вовсе не подозреваю тебя в неблагодарности, я знаю твою доблесть, но нашу судьбу решать не тебе и не мне. Сделай так, как я

прошу, и мы оба будем счастливы. Клянусь честью благородной кошки, ты убедишься, что я твой истинный друг».

При мысли о том, что надо отрубить голову его милой Кошечке, такой прелестной и грациозной, слезы снова и снова навертывались на глаза принца. Он опять самыми нежными словами уговаривал ее избавиться от такого поручения, но она упорно твердила, что хочет погибнуть от его руки и что это единственный способ помешать его братьям получить корону. Словом, она так горячо убеждала принца, что он, весь дрожа, извлек шпагу из ножен и нетвердой рукой отсек голову и хвост своей милой подруге. И тут на его глазах совершилось дивное превращение. Тело Белой Кошки стало расти, и вдруг она превратилась в девушку, да в такую красавицу, что невозможно описать. Глаза ее покорили сердца, а нежность удерживала в плену. Осанка ее была величавой, весь облик благородным и скромным, она была и умна, и обходительна, словом — превыше всех похвал.

Принц, увидев ее, был поражен, но поражен так приятно, что решил, будто его околдовали. Он лишился дара речи, он глядел на прекрасную девушку и не мог наглядеться, но непослушный язык не в силах был выразить его изумление. Принц оправился только тогда, когда вдруг появилось множество дам и кавалеров, на плечи которых были накинuty шкурки котов или кошек, и все они простерлись ниц перед королевой, радуясь тому, что она снова обрела свой природный человеческий образ. Она отвечала им так ласково, что сразу видно было, какое у нее доброе сердце. Поговорив несколько минут со своими придворными, она приказала, чтобы ее оставили наедине с принцем. И тогда она начала свой рассказ.

«Не подумайте, принц, что я всегда была Кошкой или что происхождение мое неизвестно. Отец мой был

владыкой шести королевств. Он нежно любил мою мать и позволял ей делать все, что ей заблагорассудится. А она больше всего любила путешествовать, и вот, когда она была беременна мной, ей захотелось увидеть гору, про которую рассказывали всякие чудеса. На пути к этой горе королеве сказали, что неподалеку находится старинный замок, где живут феи, и что нет на свете замка красивее, по крайней мере, если верить дошедшему до нас преданию, потому что судить об этом никто не может, ибо туда не ступала нога человека; одно известно наверное — в саду у фей растут такие прекрасные плоды, сочные и нежные, какие никому и никогда не приходилось отведывать.

Королеву, мою мать, охватило вдруг такое неистовое желание попробовать эти плоды, что она повернула к замку. Она приблизилась к воротам великолепного жилища, которое сверкало золотом и лазоревым камнем, но напрасно она стучала в двери, никто не появлялся на ее стук — казалось, замок вымер. Однако это препятствие только разожгло нетерпение моей матери, она послала своих слуг принести веревочные лестницы, чтобы перелезть через ограду сада, и им это удалось, если бы стены не стали сами собой расти у них на глазах. Тогда слуги королевы стали привязывать одну лестницу к другой, но лестницы обрывались под теми, кто пытался по ним взобраться, и люди падали на землю, ломая себе руки и ноги или разбиваясь насмерть.

Королева пришла в отчаяние: она видела ветви, гнувшиеся под тяжестью плодов, которые казались ей необыкновенно вкусными, и решила, что если она их не отведаст, то умрет. И вот она приказала разбить возле замка роскошные шатры и полтора месяца прожила в них вместе со своей свитой. Она не спала, не ела, а все вздыхала и говорила только о плодах этого неприступного сада. Наконец она опасно занемогла, и

никто не мог облегчить ее страдания, потому что неумолимые феи даже ни разу не показали королеве с тех пор, как она разбила шатры поблизости от их жилища. Все придворные были в страшном горе. В шатрах раздавались только слезы да стоны, а умирающая королева просила у тех, кто ей прислуживал, принести плодов, но она желала только тех плодов, в которых ей было отказано.

Однажды ночью, когда ей удалось ненадолго забыться сном, она, проснувшись, увидела, что у ее изголовья сидит в кресле маленькая старушка, безобразная и дряхлая. Не успела королева удивиться, почему придворные дамы разрешили незнакомке приблизиться к ее особе, как та вдруг сказала:

„Твое величество очень нам докучает, упрямо желая отведать плодов с наших деревьев. Но поскольку дело идет о твоей драгоценной жизни, мы решили уделить тебе столько плодов, сколько ты сможешь унести с собой и съесть здесь, на месте, однако за это ты должна сделать нам подарок“.

„Ах, добрая матушка, — воскликнула королева, — говорите, я готова отдать вам мое королевство, мое сердце, мою душу, только бы поесть ваших плодов, мне за них ничего не жалко отдать“.

„Мы хотим, — отвечала старуха, — чтобы ты отдала нам дочь, которую носишь в своем чреве. Как только она родится на свет, мы возьмем ее к себе. Мы сами ее вырастим, мы одарим ее всеми добродетелями, красотой и ученостью, словом, она станет нашим дитятей, мы сделаем ее счастливой, но помни, что Твое величество увидит ее не раньше, чем она выйдет замуж. Если ты согласна на эти условия, я тотчас вылечу тебя и отведу в наш сад. Хотя сейчас ночь, тебе все будет видно как днем, и ты сможешь выбрать все, что захочешь. А если мои слова тебе не по нраву, спокойной ночи, госпожа королева, я иду спать.“

„Как ни жестоки ваши условия, — отвечала королева, — я их принимаю, потому что иначе я умру: я чувствую, что не протяну и дня, а стало быть, погибнув сама, погублю свое дитя. Вылечите меня, мудрая фея, — продолжала она, — и позвольте мне без промедления воспользоваться обещанным правом“.

Прикоснувшись к королеве золотой палочкой, фея сказала:

„Да избавится Твое величество от недуга, который приковывает тебя к постели“, — и тотчас королеве показалось будто ее тело освободили от сковывавших его тяжелых и грубых одежд, только кое-где она все-таки еще ощущала их прикосновение — должно быть, в этих местах болезнь поразила ее особенно глубоко. Королева позвала своих дам и, улыбаясь, сказала им, что чувствует себя отлично, сейчас она встанет, перед ней наконец-то распахнутся крепко запертые, неприступные двери волшебного замка и она сможет поесть чудесных плодов и унести их с собой.

Дамы все до одной вообразили, что королева бредит и в бреду ей мерещатся вожаделенные плоды. Не отвечая ей, они залились слезами и пошли будить врачей, чтобы те посмотрели, что с королевой. А королева была в отчаянии от этого промедления. Она приказала, чтобы ей немедленно подали ее платье, — дамы отказывались, королева рассердилась, покраснела. Окружающие решили, что у нее лихорадка. Однако пришли врачи и, пощупав у королевы пульс и вообще проделав все, что полагается в подобных случаях, должны были признать, что королева совершенно здорова. Придворные дамы, поняв, какую оплошность совершили из усердия, поспешили загладить, как можно скорее одев королеву. Каждая попросила у нее прощения, все успокоились, и королева поспешила вслед за старой феей, которая по-прежнему ее ждала.

Королева вошла во дворец, который был так прекрасен, что никакой другой дворец не мог с ним сравниться. Вы легко поверите мне, принц, — добавила Белая Кошка, — если я скажу вам, что это тот самый дворец, где мы с вами сейчас находимся. Две другие феи, моложе первой, встретили мою мать на пороге и любезно ее приветствовали. Она просила их тотчас проводить ее в сад, к шпалерам, где растут самые лучшие плоды.

„Все они равно хороши, — отвечали феи, — и если бы не твое желание самой их сорвать, мы могли бы просто кликнуть их и они явились бы на наш зов“.

„Умоляю вас, сударыни, — воскликнула королева, — дайте мне приятную возможность увидеть это чудо“.

Старшая из фей вложила в рот пальцы и три раза свистнула, а потом крикнула:

„Абрикосы, персики, вишни, сливы, груши, черешни, дыни, виноград, яблоки, апельсины, лимоны, смородина, клубника, малина, явитесь на мой зов!“

„Но ведь те, кого вы зовете, — удивилась королева, — зреют в разное время года“.

„В нашем саду не так, — отвечали феи. — Все плоды, растущие на земле, у нас круглый год бывают спелыми, сочными и никогда не гниют и не червивеют“.

И в эту минуту явились все те, кого созвала фея, — они катились и прыгали все попеременно, но при этом не мялись и не пачкались, и королева, горя нетерпением исполнить свое желание, кинулась к ним и схватила первые, какие подвернулись ей под руку. Она не съела, а жадно проглотила их.

Утолив немного свой голод, она попросила фей провести ее к шпалерам, чтобы полюбоваться плодами, прежде чем их нарвать.

„Охотно, — ответили все три, — только не забудь про обещание, что ты нам дала, тебе уже нельзя от него отступить“.

„Я уверена, — сказала королева, — что жить у вас очень приятно, а дворец ваш так прекрасен, что, не любя я горячо моего супруга-короля, я бы и сама охотно осталась с вами. Поэтому не бойтесь, я не нарушу свое слово“.

Феи, очень довольные ее словами, открыли королеве все калитки и ворота, и она оставалась в их саду три дня и три ночи, не желая уходить, — так ей понравились плоды. Она нарвала плодов и про запас и, поскольку они никогда не портятся, приказала нагрузить ими четыре тысячи мулов, чтобы увезти их с собой. Феи дали королеве золотые корзины искусной работы, чтобы было куда положить подаренные ими плоды, и преподнесли ей много драгоценных редкостей. Они обещали королеве растить меня как принцессу, наделить меня всеми совершенствами и найти для меня мужа, а королеву они, мол, уведомят о дне бракосочетания и надеются, что она явится на свадьбу.

Король был счастлив, что королева наконец вернулась, радовался и весь двор, балы сменялись маскарадами, конными состязаниями и всевозможными пиршествами, и на них, как особое лакомство, подавали плоды, привезенные королевой. Король предпочитал их всем другим угощениям. Он ведь ничего не знал о договоре, который королева заключила с феями, и часто спрашивал ее, в какой стране она побывала и где ей удалось найти такие удивительные плоды.

Королева отвечала, что они растут на горе, почти неприступной, но в другой раз уверяла, что они растут в долинах, а потом, что в саду или в густом лесу. Король дивился противоречивым ответам королевы. Он пытался расспросить ее спутников, тех, кто сопровождал королеву в путешествии, но она столько раз наказывала им молчать о ее приключении, что они не смели открыть рта. Однако, видя, что скоро ей

придет срок родить, королева стала с беспокойством думать о том, что обещала феям, и впала в глубокую печаль. Она поминутно вздыхала и менялась на глазах. Король потерял покой. Он стал просить королеву рассказать ему, что ее тревожит, и после мучительных колебаний она наконец призналась ему во всем, что произошло между нею и феями и как она обещала им отдать дочь, которую она родит.

„Что я слышу! — воскликнул король. — У нас нет детей, вы знаете, как я о них мечтаю, и ради того, чтобы съесть несколько яблок, вы способны обещать в дар свою дочь? Значит, вы совсем меня не любите“.

И он осыпал королеву такими жестокими упреками, что моя несчастная мать едва не умерла с горя. Но король этим не удовольствовался — он приказал запереть королеву в башню, а кругом поставить охрану, чтобы она не могла сноситься ни с кем, кроме тех, кто ей прислуживал, и потом он удалил всех придворных, которые сопровождали королеву в замок к феям.

Разлад между королем и королевой поверг весь двор в страшное уныние. Вместо прежних одежд все надели другие, выражавшие всеобщий траур. Что до короля, он был неумолим — он больше не желал видеть свою супругу и, едва я появилась на свет, повелел принести меня к себе во дворец, чтобы я росла возле него, а моя несчастная мать оставалась пленницей. Феи, конечно, знали обо всем происходящем. Они разгневались — они хотели, чтобы я жила у них, они смотрели на меня как на свою собственность и считали, что меня у них украли. Прежде чем найти способ мести, соразмерный их гневу, они послали королю пышное посольство, предлагая ему освободить королеву из заточения, вернуть ей свою милость и прося также отдать меня послам, чтобы самим меня вырастить и воспитать. Но посланцы фей были такими крохотными и уродливыми — это были безобразные карлики, — что

они не сумели убедить короля. Он грубо отказал им в просьбах, и, если бы они не поспешили уехать, быть может, им пришлось бы совсем плохо.

Узнав о том, как поступил мой отец, феи пришли в страшную ярость и, обрушив на шесть его королевств страшные бедствия, чтобы их опустошить, наслали на них еще и ужасного дракона, который отравлял ядом те места, где проходил, пожирал мужчин и детей и своим дыханием губил деревья и растения.

Король был в отчаянии, он вопрошал всех мудрецов своего королевства о том, что ему делать, чтобы спасти своих подданных от обрушившихся на них несчастий. Мудрецы посоветовали ему созвать со всего мира лучших врачей и привезти самые лучшие лекарственные снадобья, а кроме того обещать жизнь осужденным на смерть преступникам, которые захотят сразиться с драконом. Королю понравился этот совет, он ему последовал, но это не помогло. Люди продолжали умирать, а дракон сожрал всех тех, кто решился с ним сразиться, так что пришлось королю обратиться за помощью к фее, которая покровительствовала ему с ранних лет. Она была очень стара и почти не вставала с постели, король сам отправился к ней и стал ее укорять, что она видит, как его преследует судьба, но не хочет ему помочь.

„Я ничего не могу сделать, — сказала фея. Вы разгневали моих сестер. Мы обладаем равной властью и редко действуем друг против друга. Лучше умиловьте их, отдав им вашу дочь, — маленькая принцесса принадлежит им. Вы посадили королеву в темницу, но чем провинилась перед вами эта славная женщина, что вы обошлись с ней так жестоко? Решитесь исполнить слово, которое она дала феям, и, поверьте мне, вы будете осыпаны благодеяниями“.

Король, мой отец, нежно меня любил, но, не видя другого средства спасти свое королевство и избавить

его от губителя-дракона, он сказал своей приятельнице-фее, что решил последовать ее совету и готов отдать меня феям, поскольку она уверяет, что меня будут холить и лелеять, как подобает принцессе моего происхождения, что он также вернет во дворец королеву и просит фею сказать, кому он должен поручить отнести меня в волшебную обитель фей.

„Принцессу в ее колыбели надо отнести на вершину Цветочной горы, — отвечала фея, — вы можете даже остаться поблизости, чтобы стать свидетелем праздника, которое там разыграется“.

Тогда король сказал ей, что через неделю он вместе с королевой пойдет на эту гору и пусть, мол, фея предупредит своих сестер, чтобы они устроили все, как найдут нужным. Едва король вернулся в замок, он послал за королевой и принял ее так же ласково и торжественно, как гневно и сурово отправлял ее в заточение. Она была удручена и настолько изменилась, что он с трудом узнал бы ее, если бы сердце не уверило его, что перед ним та самая женщина, которую он любил. Со слезами на глазах он просил ее забыть все горести, какие ей причинил, и заверил ее, что больше никогда в жизни ничем ее не огорчит. Она отвечала ему, что сама навлекла на себя эти горести, опрометчиво посулив феям отдать им свою дочь, и извинить ее может только то, что она была тогда в ожидании. Король сказал жене, что решил отдать меня феям.

Тут уже королева стала противиться его намерению. Можно было подумать, что это какой-то рок и что мне навеки суждено стать предметом разногласий между моими родителями. Моя мать долго стенала и плакала, но не добилась того, чего хотела (король видел, какие страшные последствия влечет за собой неповиновение феям, потому что наши подданные продолжали погибать, словно они были виноваты в прегрешениях

нашей семьи); тогда наконец королева уступила и все было приготовлено для церемонии.

Меня положили в колыбель из перламутра, украшенную творениями самого изысканного искусства. Колыбель была вся увита живыми цветами и гирляндами из разноцветных драгоценных камней, которые под лучами солнца сверкали так ослепительно, что на них больно было смотреть. Роскошь моего наряда превосходила, если только это возможно, роскошь колыбели: свивальники мои скреплены были крупными жемчужинами. Несли меня на особых легчайших носилках двадцать четыре принцессы королевского рода, одеты принцессы были по разному, но в знак моей невинности им должно было быть во всем белом. А за нами шествовали придворные — каждый на подобающем его званию месте.

Поднимаясь по склону горы, все услышали мелодичную музыку, которая все приближалась. Наконец появились феи — их было числом тридцать шесть, потому что они созвали всех своих подруг. Каждая сидела в жемчужной раковине, больше той, на которой Венера явилась их морской пучины. Везли их морские кони, которые довольно неуверенно ступали по земле. Феи были наряжены более роскошно, нежели первые среди земных королев — но при том они были старыми и безобразными. Они держали в руках оливковую ветвь, чтобы дать знать королю, что своим послушанием он заслужил их милость. И когда меня передали в их руки, они осыпали меня такими бурными ласками, что можно было подумать, будто отныне нет у них в жизни другой цели, как только сделать меня счастливой.

Дракон, мстивший по их повелению моему отцу, шел следом за ними на алмазной цепи. Феи передавали меня из рук в руки, ласкали, одарили меня множеством счастливых свойств, а потом начали танец фей. Это

очень веселый танец: трудно даже представить себе, как резво скакали и прыгали старые дамы. Потом к ним подполз на коленях дракон, похрюкавший столько людей. Три феи — те, кому моя мать обещала меня подарить, — уселись на него верхом, а мою колыбель поставили посередине, и едва они хлестнули дракона волшебной палочкой, как он расправил огромные чешуйчатые крылья, более тонкие, чем самый тонкий шелк. На этом драконе феи направились в свой замок. Моя мать, увидев, что меня водрузили на спину страшного чудовища, не удержалась и стала кричать. Но король утешил жену, сославшись на свою покровительницу-фею, которая заверила его, что мне не сделают ничего худого и печься обо мне будут так же, как пеклись бы в его собственном дворце.

Королева успокоилась, хотя ей очень грустно было со мной расставаться на такой долгий срок, да еще по собственной вине, потому что, не захоти она отведать плодов из волшебного сада, я осталась бы в королевстве своего отца и на мою долю не выпали бы те горести, о каких мне предстоит вам рассказать.

Знайте же, сын короля, что мои стражницы выстроили для меня башню, в которой было множество красивых комнат — для каждого времени года свои, а в них дорогая мебель, интересные книги, но дверей в башне не было — проникнуть в нее можно было только через окно, расположенное очень высоко. В башне был прекрасный сад с цветами, фонтанами и сводами зеленых аллей, защищавших от зноя в самый разгар жары. В этой башне феи вырастили меня, окружив меня заботой, большой даже, чем обещали королеве. Одетая я была всегда по самой последней моде и так роскошно, что, если бы кто-нибудь меня увидел, он решил бы, что на мне свадебный наряд. Меня учили всему, что положено знать особе моего возраста и происхождения. Я не доставляла феям хлопот — я усваивала все с

неописуемой легкостью. Моя кротость была им по нраву, и, так как я никогда никого, кроме них, не видела, может статься, я и прожила бы в покое до конца моих дней.

Феи постоянно навещали меня верхом на драконе, о котором я уже рассказывала. Они никогда не упоминали ни о королеве, ни о короле, они называли меня своей дочерью, и я им верила. В башне со мной жили только попугай и маленькая собачка, которых феи подарили мне, чтобы те меня развлекали, потому что оба были наделены разумом и говорили человеческим языком. Башня одной своей стороной выходила к оврагу, по дну которого тянулась дорога, она была вся в колдобинах и заросла деревьями, вот почему, с тех пор как меня поместили в башню, я ни разу не видела, чтобы по ней кто-нибудь ехал.

Но однажды, когда я стояла у окна, беседуя с попугаем и собачкой, я услышала шум. Я огляделась по сторонам и увидела молодого всадника, который остановился послушать наш разговор. До тех пор я видела мужчин только на картинах. Я вовсе ничего не имела против этой неожиданной встречи и, не подозревая о том, как опасно созерцать предмет, достойный любви, подошла поближе, чтобы лучше разглядеть юношу, и чем больше я на него смотрела, тем больше удовольствия мне это доставляло. Он низко поклонился мне, не сводя с меня взгляда, и видно было, что он в затруднении ищет способа поговорить со мной: окно мое было расположено очень высоко и он боялся, что его могут услышать, а он знал, что я живу в замке фей.

Стемнело совсем неожиданно, или, точнее сказать, мы просто не заметили, как стемнело: молодой человек несколько раз протрубил в рог, усладил мой слух его звуками, и скрылся. Но было настолько темно, что я даже не увидела, в какую сторону он ускакал. Я глубоко

задумалась, мне уже не доставляла обычного удовольствия болтовня моего попугая и собачки.

Между тем они говорили очень забавно, потому что волшебные животные наделены остроумием, но мысли мои были заняты другим, а притворяться я не умела. Попугай это заметил, но он был хитер и не подал виду, какие сделал наблюдения.

Встала я с рассветом. И сразу бросилась к окну. Я была приятно удивлена, увидев у подножья башни молодого кавалера. На нем был роскошный наряд. Наверно, он надел его ради меня, — подумала я и не ошиблась. Молодой человек говорил со мной через своеобразный рупор, который усиливает голос, с его помощью он сказал мне, что до сих пор был равнодушен к красавицам, которых ему пришлось встречать, но моя красота в мгновение ока так его поразила, что отныне ему просто необходимо видеть меня каждый день — иначе он умрет. Я была очень довольна его любезными словами, но огорчилась, что не смею ему ответить: ведь для этого мне надо было громко кричать, а тогда феи услышали бы меня лучше, чем он. В руках у меня были цветы, я бросила их ему, он принял их как несказанную милость, осыпал поцелуями и стал меня благодарить. Потом он спросил, позволю ли я ему каждый день в назначенный час приходить ко мне под окно и не соглашусь ли я подарить ему что-нибудь на память. У меня на руке было бирюзовое кольцо, я сорвала его с пальца и торопливо бросила юноше, сделав знак, потому что услышала, как с другой стороны к башне на своем драконе приближается фея Злодейка, которая везет мне завтрак.

Первыми словами, какие она произнесла, оказавшись в моей комнате, были: „Я чую человеческий голос! Ищи, дракон!“ Что со мной сделалось! Я помертвела от страха при мысли, что дракон вылетит

через другое окно, преследуя юношу, который был мне уже далеко не безразличен.

„Вы, конечно, шутите, добрая моя матушка, — сказала я (старая фея требовала, чтобы я называла ее матушкой). — Вы шутите, когда говорите, будто чувствуете человеческий голос. Разве голоса пахнут? Да и если это так, какой смертный решится подняться в эту башню?“

„Ты права, дочь моя, — отвечала она, — я очень рада, что ты так разумно рассуждаешь, просто моя ненависть к людям столь велика, что иногда мне кажется, будто они неподалеку“.

Она протянула мне мой завтрак и мою прялку.

„Когда поешь, садись за работу, вчерашний день ты провела в праздности, — сказала она, — мои сестры будут сердиться“.

И в самом деле, я так много думала о незнакомце, что не притрагивалась к работе.

Как только фея улетела, я упрямо отбросила прялку и поднялась на террасу, чтобы видеть как можно дальше вокруг. У меня была отличная подзорная труба — все было доступно моему взору, я огляделась кругом и на вершине горы увидела моего незнакомца. Окруженный пышным двором, он отдыхал под сенью богатого, затканного золотом шатра. Я поняла, что он сын какого-нибудь короля, живущего по соседству с волшебным замком. Опасаясь, как бы страшный дракон не учуял юношу, если он снова придет к башне, я приказала попугаю лететь к этой горе; там он найдет того, кто со мной говорил, пусть попросит его от моего имени больше не возвращаться, потому что я боюсь, чтобы феи, зорко меня стерегущие, не сыграли с ним злой шутки.

Попугай исполнил мое поручение, как подобает умной птице. Придворные были очень удивлены, когда он, взмахнув крыльями, опустился на плечо принца и что-то зашептал ему на ухо. Принца это посольство и

обрадовало, и огорчило. Ему было приятно, что я о нем беспокоюсь, но препятствия, мешавшие ему беседовать со мной, удручали его, хотя и не угасили в нем решимости снискать мое расположение. Он засыпал попугая расспросами, а попугай в свою очередь засыпал расспросами принца, потому что от природы был любопытен. Принц просил гонца передать мне кольцо взамен моего бирюзового: кольцо принца тоже было из бирюзы, но гораздо красивее моего, оно было вырезано в форме сердца и усыпано алмазами.

„По справедливости, — сказал принц попугаю, — я должен обойтись с вами, как с посланцем. Вот вам мой портрет, не показывайте его никому, кроме вашей очаровательной госпожи“.

И он спрятал под крылом попугая свой портрет, а кольцо попугай нес в клюве. Я ждала возвращения своего зеленого гонца с нетерпением, дотоле мне неведомым. Попугай объявил мне, что тот, к кому я его послала, могущественный государь, что он принял его как нельзя лучше и я должна знать: отныне он живет и дышит только ради меня; пусть являться к башне грозит ему опасностью, он готов лучше погибнуть, чем не видеться со мной. Эти новости повергли меня в страшную тревогу, я заплакала. Попугай и собачка стали наперебой меня утешать, ведь они меня горячо любили. Потом попугай отдал мне кольцо принца и показал его портрет. Признаюсь вам, возможность созерцать вблизи того, кого я видела только издали, доставили мне ни с чем не сравнимую радость. Принц понравился мне еще больше, чем прежде; в голове моей теснилось множество мыслей, и отрадных, и печальных, которые привели меня в необычайное волнение. Феи, явившиеся меня навестить, тотчас это заметили. Они решили между собой, что я, как видно затосковала и надо найти мне мужа из мира фей.

Они перебрали многих женихов и наконец остановили свой выбор на короле-карлике Мигонне, королевство которого лежало в пятистах тысячах миль от замка. Но фей это не смущало. Попугай подслушал, что говорилось на их благородном совете, и рассказал обо всем мне.

„Ах, дорогая моя госпожа, — добавил он, — как мне вас жалко, если вам придется стать королевой Мигоннетой. Король уродец, на которого страшно смотреть. Мне очень грустно вам это говорить, но, по правде сказать, принц, который вас любит, не взял бы его даже в лакеи“. — „А разве ты видел его, попугай?“ — „Еще бы, — отвечал он. — Мы выросли на одной ветке“. — „То есть как это на ветке?“ — переспросила я. „Ну, да, — сказал попугай. — На ногах у Мигонне орлиные когти“.

Этот рассказ поверг меня в глубокое горе. Я глядела на портрет прекрасного принца, я понимала, что он подарил попугаю портрет только для того, чтобы я могла его видеть. И когда я сравнивала принца с Мигонне, я теряла вкус к жизни и готова была лучше умереть, чем выйти замуж за карлика.

Ночь я провела без сна. Попугай и собачка развлекали меня разговорами. Под утро я наконец задремала, и тут собачка, у которой был тонкий нюх, почуяла, что принц стоит у подножья башни. Она разбудила попугая:

„Готова биться об заклад, — сказала собачка, — что принц стоит внизу“. — „Замолчи, трещотка, — отвечал попугай. — Сама ты почти не смыкаешь глаз, и ушки у тебя на макушке, вот ты и не даешь спать другим“.

— „Побьемся об заклад, — настаивала добрая собачка, — я знаю, что он там!“

— „А я уверен, что его там нет, — возразил попугай. — Разве я сам от имени нашей госпожи не запретил ему сюда являться?“ — „Ну и насмешил ты

меня своими запретами, — воскликнула собачка. — Да разве влюбленный станет слушать кого-нибудь, кроме своего сердца?“

И с этими словами песик с такой силой стал теревить крылья попугая, что тот рассердился. Крики обоих разбудили меня, они объяснили мне, из-за чего у них вышел спор, я бросилась или, лучше сказать, подлетела к окну и увидела принца — он протягивал ко мне руки и через свой рупор объявил мне, что более не может без меня жить и молит меня найти способ покинуть башню или впустить его внутрь, что он клянется всеми богами, небом, землей, огнем и водой, что он тотчас назовет меня своей супругой и я стану одной из самых могущественных королев в мире.

Я приказала попугаю передать принцу, что его желание почти неисполнимо, но все же, полагаясь на его клятвы, я постараюсь исполнить его просьбу; но я умоляю его не приходить сюда каждый день, потому что его могут заметить, а феи не знают пощады.

Он ушел вне себя от радости, окрыленный надеждой, которую я ему подала, а я, обдумав то, что ему обещала, совершенно растерялась. Как выйти из башни, в которой нет дверей? Да притом не имея других помощников, кроме попугая и собачки. И к тому же я так молода и неопытна! И так боязлива. Я решила даже и не делать попытки предпринять то, в чем я никогда не преуспею, и послала попугая передать это принцу. Принц хотел покончить счеты с жизнью прямо на глазах у попугая и поручил ему уговорить меня прийти к нему, чтобы увидеть, как он умрет, или утешить его.

„Государь! — вскричал крылатый посол, — мою госпожу уговаривать не надо — она полна желаний вас утешить, но это не в ее власти“.

Когда попугай сообщил мне обо всем происшедшем, я стала горевать еще сильнее. Явилась фея Злодейка,

она заметила, что глаза у меня покраснели и опухли, она поняла, что я плакала, и сказала, что если я не открою ей причину моих слез, она меня сожжет. Ее угрозы всегда были ужасны. Я, вся дрожа, отвечала, что устала сидеть за прялкой и что мне хочется сплести сети, чтобы ловить птичек, которые расклевали плоды в моем саду.

„Из-за этого плакать не стоит, дочь моя, — сказала она. — Я принесу тебе столько шнурков, сколько ты захочешь“.

И в самом деле она доставила мне шнурки в тот же вечер, но наказала поменьше работать и прихорошиться, потому что скоро явится король Мигонне. Я содрогнулась от этой горестной вести, но промолчала. Как только она улетела, я села плести сеть, но на самом деле я плела веревочную лестницу, и она получилась отличной, хотя до тех пор мне не случалось видеть веревочных лестниц. Правда, тех шнурков, что принесла фея, мне не хватило, и она повторяла:

„Дочь моя, твоя работа похожа на ту, что делала Пенелопа, она не двигается с места, а ты все просишь новых шнурков“. — „Как вам будет угодно, добрая матушка, — отвечала я, — но разве вы не видите, что я не знаю, как плетут сети, и только все порчу? Но может, вы боитесь, что я разорю вас на этих шнурках?“ Мое простодушие позабавило фею, хотя, вообще говоря, она была всегда хмурая и очень жестокая.

Я послала попугая передать принцу, чтобы он явился вечером под окно башни, где он увидит лестницу, а что делать дальше, я скажу ему, когда он придет. Я и в самом деле накрепко привязала лестницу к окну, решив бежать вместе с ним. Но, увидев лестницу, принц не стал ждать, пока я спущусь, а сам поспешил взобраться по ней и вошел в мою комнату в ту минуту, когда я уже приготовила все для своего

бегства. Я так обрадовалась его появлению, что даже забыла об опасности, нам угрожающей. Он возобновил свои клятвы и умолял меня, не откладывая, назвать его своим супругом. Свидетелями нашего бракосочетания стали попугай и собачка. Никогда еще свадьба двух таких знатных особ не была отпразднована столь скромно и незаметно, но не бывало при этом сердец счастливее наших.

Принц покинул меня еще до рассвета; Я поведала ему страшный замысел феи выдать меня за карлика Мигонне, я описала ему внешний вид уродца — принцу он внушил такой же ужас, как и мне. Едва мой супруг ушел, минуты потянулись для меня как годы. Я подбежала к окну, я старалась разглядеть его в темноте, но каково же было мое изумление, когда я увидела в воздухе огненную колесницу, влекомую крылатыми саламандрами, которые летели так быстро, что глаз едва успевал их различить. За колесницей верхом на страусах мчались телохранители. Я не успела рассмотреть чудовище, которое таким образом летело по воздуху, но я сразу поняла, что это какая-нибудь волшебница или колдун.

А через некоторое время в мою комнату вошла фея Злодейка. „У меня для тебя добрые вести, — объявила она. — Несколько часов назад прибыл твой жених. Приготовься его принять. Вот твой наряд и драгоценности“. — „Кто вам сказал, что я хочу выйти замуж? — воскликнула я. — У меня вовсе нет такого намерения. Отошлите прочь короля Мигонне, ради него я не приколю и лишней булавки: покажусь я ему красивой или уродиной, все равно ему меня не видать“. — „Ого-го! — сказала, разозлившись, фея. — Экая бунтовщица! Экая безмозглая девчонка! Но я не шучу, я тебя...“ — „А что еще вы можете мне сделать? — прервала я фею, покраснев от ее бранных слов. — Что может быть печальнее моей участи — влачить свои дни

в башне в обществе попугая и собачки, по несколько раз на дню любуясь устрашающим видом зловещего дракона?“ — „Ах, негодница! — вскричала фея. — И зачем только мы холили тебя и лелеяли? Недаром я говорила сестрам, что нам отплатят черной неблагодарностью“. И она пошла к сестрам и рассказала им о нашей ссоре. И все они были разгневаны моим поведением.

Попугай и собачка стали горячо меня убеждать, что, если я буду продолжать упрямясь, я навлеку на себя страшные беды. Но я так гордилась тем, что мне принадлежит сердце могущественного государя, что пренебрегла и гневом фей, и советами моих бедных маленьких приятелей. Я не стала наряжаться и нарочно причесалась кое-как, чтобы отвратить от себя Мигонне. Наше знакомство произошло на террасе. Он спустился туда на своей огненной колеснице. С тех пор как в мире появились карлики, никогда еще свет не видывал такого крошки. Он ступал по земле своими орлиными лапами и в то же время коленями, потому что ноги у него были без костей, да вдобавок ему еще приходилось опираться на алмазные костыли. Его королевская мантия, длиной всего в половину локтя, на треть волочилась по земле. Голова у него была размером с громадный бочонок, а нос такой длинный, что на нем сидела целая стая птиц — карлика забавлял их щебет; борода у него была такая густая, что в ней свили гнезда канарейки, а уши на целый локоть торчали над головой, но это было почти незаметно, потому что карлик носил высокую остроконечную корону, чтобы казаться выше ростом. От пламени, извергаемого его колесницей, спеклись плоды, высохли цветы и иссякли родники в моем саду. Он двинулся ко мне, открыв объятия, я застыла на месте как вкопанная. Первому конюшему пришлось приподнять карлика, но, едва он поднес его ко мне, я убежала к себе в комнату,

заперла все окна, а Мигонне в страшном гневе отправился к феям.

Они снова и снова просили у него прощения за мою неустойчивость и, чтобы умиловать Мигонне, так как они его боялись, решили ночью, когда я буду спать, привести карлика в мою комнату и, связав меня по рукам и ногам, погрузить в его огненную колесницу, чтобы он увез меня с собой. Составив такой план, феи почти не стали меня бранить за мое поведение. И только сказали, что надо постараться искупить мою вину. Попугай и собачка очень удивились такой снисходительности фей. „Мое сердце чует недоброе, госпожа, — сказала мне собачка. — От фей можно ждать чего угодно, в особенности от Злодейки“. Но я посмеялась над ее страхами и с нетерпением стала ждать своего дорогого супруга. Также сгорая от нетерпения, он не замедлил явиться: я бросила ему веревочную лестницу в решимости бежать вместе с ним. Он легко взобрался в мою комнату и стал говорить мне такие нежные слова, что я и сейчас не решаюсь их вспоминать.

Мы беседовали так безмятежно, как если бы находились на его дворце, и вдруг кто-то вышиб окна моей комнаты и влетели феи на своем ужасном драконе. За ними в огненной колеснице следовал Мигонне, а за ним его телохранители на страусах. Принц бесстрашно выхватил шпагу, думая только о том, как уберечь меня от самой страшной участи, какая только возможна, и — что вам сказать, государь? Жестокосердные создания натравили на принца своего дракона, и дракон сожрал его на моих глазах.

Обезумев от горя, я сама бросилась в пасть чудовища, желая, чтобы дракон проглотил и меня, как он только что проглотил того, кто был мне дороже всего на свете. Дракон и сам был не прочь меня сожрать, но этого не захотели феи, более жестокие,

чем дракон. „Нет, — воскликнули они, — ее надо беречь на более долгие муки, быстрая смерть — слишком мягкая кара для этой недостойной особы!“ Они дотронулись до меня своей палочкой, и я вдруг превратилась в Белую Кошку. Они привели меня в этот замок. Они превратили в кошек и котов всех дам и кавалеров, подданных моего отца, а некоторых сделали невидимками, у которых видны были только руки. Меня же оставили в том горестном виде, в каком вы меня нашли, и, открыв мне, кто были мои покойные отец и мать, объявили, что вернуть человеческий облик мне может только принц, как две капли воды похожий на супруга, которого они у меня отняли. Это вы, государь, оказались на него похожи, — продолжала она, — те же черты, те же манеры, тот же голос. Они поразили меня при первой же нашей встрече. Я знала обо всем, что должно случиться. Я и сейчас знаю, что меня ждет: мои мучения кончатся».

— «А долго ли будут длиться мои, прекрасная королева?» — воскликнул принц, бросаясь к ее ногам.

«Я уже полюбила вас больше своей жизни, государь, — отвечала королева, — но пора ехать к вашему отцу, посмотрим, как он меня примет и согласится ли на то, чего вы хотите».

Королева вышла, опираясь на руку принца, и села с ним в карету, куда более роскошную, чем те, что были у него прежде. Да и все остальное убранство их экипажей было под стать карете, а подковы у лошадей — изумрудные и подбиты алмазными гвоздями. Такого великолепного выезда, наверное, никто никогда больше не видел. Не стану пересказывать приятных бесед, какие вели между собой королева с принцем: никто не мог сравниться с ней не только красотой, но и умом, а молодой принц не уступал ей ни в чем, не мудрено, что им приходили в голову самые изысканные мысли.

Когда они оказались вблизи замка, где принца должны были ждать два его старших брата, королева спряталась в маленькой хрустальной скале; все грани хрусталя были усыпаны золотом и рубинами, сама скала — вся занавешена, чтобы королеву нельзя было увидеть, а несли скалу молодые люди, стройные и богато одетые. Принц остался в своей карете, он заметил братьев, которые прогуливались об руку с принцессами замечательной красоты. Узнав младшего брата, принцы тотчас подошли к нему и спросили, привез ли он невесту. Он ответил, что ему не повезло, за время путешествия он встречал только уродливых женщин, но зато он привез другую редкость — маленькую Белую Кошку. Братья стали потешаться над его простодушием. «Кошку, — сказали они, — вы что, боитесь, как бы мыши не опустошили наш дворец?» Принц ответил, что, пожалуй, и впрямь неразумно было привозить такой подарок отцу. И с этим все они направились в город.

Старшие братья вместе со своими принцессами сели в кареты из золота и лазоревого камня, лошади их были украшены султанами и эгретами. Блистательней этой кавалькады ничего нельзя было представить. Наш молодой принц следовал за братьями, а за ним несли хрустальную гору, которой восхищались все встречные.

Придворные поспешили сообщить королю о прибытии принцев.

«Привезли ли они прекрасных дам?» — осведомился король.

«Таких прекрасных, что прекраснее быть не может». Этот ответ раздосадовал короля. Старшие принцы поспешили явиться к отцу со своими удивительными принцессами. Король встретил их очень радушно и не мог решить, какой отдать предпочтение.

Потом он взглянул на младшего сына и спросил: «А вы на сей раз явились ни с чем?» — «Ваше величество

увидите в этой скале маленькую Белую Кошечку, — ответил принц. — Она так нежно мурлычет и у нее такие мягкие лапки, что она вам понравится». Король улыбнулся и сам подошел к скале, чтобы ее открыть. Но едва он приблизился к ней, королева нажала пружинку, скала распалась на части, а она сама явилась, как солнце, некоторое время скрывавшееся в тучах. Ее золотые волосы рассыпались по плечам и крупными локонами спускались до самого пола. На голове ее был венок из цветов, платье из легкого белого газа подбито розовой тафтой. Она сделала королю глубокий реверанс, а тот не смог сдержать восторга и воскликнул: «Вот она, та, с которой никто не может сравниться и кто заслужил мою корону». — «Государь, — отвечала она, — я явилась сюда не затем, чтобы отнять у вас королевство, которым вы правите так достойно. Мне от рождения принадлежит шесть королевств. Позвольте преподнести одно из них вам и по одному каждому из ваших сыновей. Взамен же я прошу у вас только подарить мне свою дружбу и дать мне в супруги этого молодого принца. А нам с ним хватит оставшихся трех королевств». И король, и все его придворные долго восклицали от радости и изумления. Свадьбу младшего принца сыграли тут же, как и свадьбы двух его братьев, так что весь двор много месяцев подряд предавался увеселениям и удовольствиям. Потом каждый уехал к себе править своим государством. А прекрасную Белую Кошку до сих пор помнят в ее королевстве, как из-за ее доброты и щедрости, так из-за ее красоты и редких добродетелей.

Лишилось силы колдовство,
И в Кошечке наш принц увидел совершенство —
Красавицу, что всех желанней для него,
Готовую делить и труд с ним, и блаженство.
Когда внушить любовь захочет чудный взгляд,

Противятся не слишком яро,
А благодарность эти чары
Усиливает во сто крат.
Забывать ли эту мать, что прихотью своею
На Кошечку удел накликала такой,
Желая плод отведать роковой?
Она свое дитя пожертвовала фее.
Сокровищем таким владеющая мать,
Безумию ее не вздумай подражать.

Анн Клод Филипп Де Келюс

Паршивый волк

Жили-были король с королевой; они очень любили друг друга и страстно хотели иметь детей, хотя мало что могли оставить им в наследство. Частенько обивали они пороги у фей: подавали прошения, хлопоча, чтобы те даровали им детей, но феи, если и соглашались принять просителей, отвечали всегда одно и то же: «Не ищите далеко того, что рядом с вами».

Супруги, ничего не смыслившие в этих загадочных речах, уходили, целуясь и спрашивая друг друга «Что же это такое с нами рядом? Рано или поздно мы его найдем». — «Нам надо успокоиться», — говорила королева. «Отлично сказано, давай, если сумеем», — отвечал король впрочем, волновался он только на словах: небо наградило его величайшим спокойствием и терпением.

Однажды королева пряла, сидя под самой красивой в их владениях живой изгородью, а король охотился на жаворонков в ближайшем поле, и ему посчастливилось поймать одного некоторые уверяют, что король был не слишком ловок и удачлив, — мысль, не лишенная оснований, ибо пятнадцать лет он охотился ежедневно и еще ни разу ничего не поймал. Как же дался ему этот жаворонок? Это очень важно знать. Птичка сама бросилась в руки королю, спасаясь от настигавшего ее ястреба Ястреб несколько раз повторил с угрозой:

«Отдай моего жаворонка, король, не то пожалеешь, но государь, не намеренный, что вполне естественно, расставаться со своей дичью и пребывая, по счастью, в несвойственном ему горделивом расположении духа, отвечал:

„Жаворонок находится в моих владениях, в моих полях, и попросил у меня прибежища; я не желаю

отдавать жаворонка“.

С этими словами он взглянул на птичку: живые, быстрые глазки удвоили его храбрость, а сердечко, трепещущее под рукой, исполнило его душу сострадания. Движимый этими чувствами, он поглубже надвинул шляпу, бросил гордый взор на ястреба и произнес, указывая на жаворонка:

„Гляди-гляди, не видать тебе его как своих ушей, как говорят в моем королевстве, клянусь честью, ты его ни за что не получишь; я не позволю невежам чинить несправедливость в моих владениях“.

С этими словами он повернулся к ястребу спиной и, не обращая больше на него внимания, понес свою добычу королеве — спросить, не грозит ли его гордый и благородный поступок какими неприятностями. Еще задолго до того как королева могла его услышать, он стал кричать о своих охотничьих успехах и показывать ей издали маленького жаворонка. Добрая королева бросила веретено и поспешила к нему — посмотреть, что же такое он ей показывает. Король, радостный и довольный, словно доезжачий, указывающий господину след зверя, поднес ей жаворонка со словами:

„Примите, сударыня, в знак глубокого почтения“.

Королева взяла птичку и сказала, покрывая ее поцелуями:

„В следующий раз, когда поедете в город, купите для нее клетку, она станет нам петь, мы приручим ее она будет играть с малышом, который у нас когда-нибудь родиться“.

У нее тут же возникла целая сотня всяких планов, король все их одобрил и она бы, наверное, придумала еще что-нибудь, но тут маленький жаворонек, который, пока они воздвигали свои воздушные замки, успел прийти в себя, спросил:

„Который час?“

Король и королева так обрадовались, что птичка говорящая, что поначалу даже не ответили; но на повторный вопрос, благо ответ не составлял для них труда, как и для большинства людей, оба отозвались:

„Должно быть, половина пятого“.

„Сейчас увидите“, — продолжала птичка. Речи эти, разумные и складные, так поразили короля с королевой, что они, разинув рот, уставились на птичку, боясь пропустить обещанное зрелище. И действительно, через несколько минут жаворонок обернулся красивой и статной дамой средних лет; по расшитой шапочке, волшебной палочке и красивому кольцу с ключами они признали в ней фею. Государи задрожали, и король спросил, падая ниц „Боже, не сдавил ли я вас случайно в руке, сударыня?“

„А я, — подхватила королева, простираясь рядом с мужем, — припомните, пожалуйста, я сразу сказала, какая вы красивая, и ласкала вас, а в клетку хотела посадить, только чтобы уберечь от кошки“.

„Встаньте, — ласково сказала фея. — Я обязана вам жизнью: когда бы не смелость и твердость короля, меня бы погубила злая фея. Рано или поздно она за все мне заплатит. Но говорите, — продолжала она, — есть ли у вас какие-нибудь желания? Могущество феи Мими не безгранично, но ее признательность будет сопровождать вас всю жизнь“.

„Мы просим, — сказали вместе после долгих благодарностей король с королевой — мы просим подарить нам маленького мальчика который стал бы для нас утешением в старости“.

„Ребенка? — переспросила фея. — Ребенка завести нетрудно; правда дети частенько причиняют горе, люди сами не знают, чего они просят; но вы хотите ребенка, и вы его получите — это самое меньшее, чем я могу вас отблагодарить. Но посмотрим сначала, отчего у вас его

нет, когда вы оба такие здоровые; видно, тут что-то нечисто“.

„Все тут чисто, сударыня, уверяю вас“, — перебила королева, приседая в полуобиженном, полуучтивом реверансе.

„И все-таки посмотрим“, — отвечала добрая Мими, коснулась волшебной палочкой своей книги, которая тут же открылась на нужном месте и прочла:

„Фея Бурьяница не желает, чтобы у короля с королевой были дети“.

„Значит, у нас никогда и не будет, великая Мими, — сказали король с королевой, — ведь этого не хочет фея“.

„Дело, оказывается, не простое, — заметила их покровительница. — Тут замешана женщина злобная, мрачная и упрямая. Вообразите себе, это она насылает головню на хлеб и оспу на баранов; это она повелевает гусеницами, которых у нее всегда полны карманы, и заставляет их пожирать все земные плоды.“

„Что за женщина! — вскричали король с королевой. — Прямо дрожь пробирает“.

„Это еще не все, — продолжала фея, — Именно она, рассердившись на меня в порыве гнева превратилась в ястреба, именно она растерзала бы меня, простого жаворонка, если бы не вы. Я хочу и должна помочь вам, я все книги свои сожгу — или у вас будет ребенок. Я в долгу перед вами, а иначе отвечала бы вам так же, как все мои подруги: кому же понравится иметь дело с особами подобного нрава? В моей книге написано, что все феи, к которым вы приходили, говорили вам „не ищите далеко того, что рядом с вами“. — Верно, сударыня, они говорили именно так, как вы прочли“. — „И были правы, — продолжала фея. — Видите заросли бурьяна там, за кучей камней, в сотне шагов отсюда?“ — „Да, сударыня“. — „Так вот, — произнесла Мими, — в этом-то бурьяне и живет та, что не дает вам иметь

детей. Подождите меня здесь, я постараюсь заставить ее выйти: к ней без ее согласия я войти не могу, хотя сейчас она мне нисколько не страшна. Это лучшее доказательство моей вам признательности“.

Король с королевой повиновались и остались на месте. Пока Мими шла к куче камней и вершила с помощью палочки какие-то заклинания, они потирали руки и целовались от радости, говоря: „У нас будет наконец ребенок, уж если за дело взялась фея, тут и сомнений быть не может“. — „Нет, я словно уже вижу его, — твердила королева. — Ах! Как я рада; я стану его кормить“.

— Нет, вы не станете его кормить, — отвечал король, — мы возьмем кормилицу». — «А я вам говорю, что буду его кормить». — «Нет, вы не будете его кормить, это я вам обещаю, вы что, уморить себя хотите, в могилу свести?»

Королева расплакалась, король рассердился, — словом, ребенка еще и в помине не было, а в примерном семействе уже случилась из-за него первая, и весьма жаркая, ссора.

Король с королевой так бы и спорили о кормлении, если бы внимание их не привлекли громкие взрывы смеха и они не увидели стайку маленьких детей, игравших с той беззаботной беспечностью, какая ведома лишь счастливому этому возрасту.

Для феи Бурьянницы с ее нравом слышать у себя под дверью смех было оскорблением, и она появилась на куче камней с плеткой в руках, готовая обратить несносное веселье в слезы; Мими, выманив ее, сделала так, что дети исчезли, и подошла к ней. Король с королевой, увидев, что обе феи направляются к их дому, прошли, как подобает, полпути им навстречу, но сняв шляпы и держась учтиво и просительно: от них не ускользнуло, что разговор у Мими с феей Бурьянницей идет далеко не мирный.

«Я согласна забыть нанесенную вами обиду и все ваши злобные намерения, — говорила Мими, — обещаю никому не жаловаться, если вы будете хоть немного снисходительнее к этим людям и позволите им иметь ребенка».

«Королевство у них хоть и маленькое, — отвечала фея Бурьяница, — но оно подойдет одному моему другу. Я терпеливо жду, пока они умрут, чего же вам еще? Да, я не хочу, чтобы их род продолжался; да и как я могу позволить иметь ребенка людям, которым нечем его кормить? Я им услугу оказываю, не давая иметь детей, и если вы хоть немного заботитесь об их интересах, то должны быть мне только благодарны».

Тут король с королевой потянули Мими за рукав и сказали: «Уверяем вас, люди и победней нашего каждый день кормят своих детей, и мы в состоянии иметь одного ребенка, а больше мы и не просим; судите сами, можно ли просить меньшего». Мими снова начала настаивать, и в конце концов разгневанная фея заявила: «Что ж, пускай, будет у них ребенок, но он им дорого обойдется».

Король с королевой, не обращая внимания на угрозу и на то, какой ценой добыто обещание, запрыгали от счастья, повторяя:

«У нас будет ребенок!» — «Надеюсь, по крайней мере, — проговорила госпожа де Бурьян, обращаясь к доброй Мими, — что вы оценили мою снисходительность», — и, не дожидаясь ответа, надменно повернулась к ней спиной, удалилась к своей куче камней и исчезла. Король же с королевой, глядевшие не дальше собственного носа, в радости и ликования едва слушали Мими, которая хотела посочувствовать им в грядущих горестях; поняв, что не в ее силах заставить их внять голосу разума, она дала им свиток и сказала: «Всякий раз, как я кому-нибудь из вас понадоблюсь, свистните, и я появлюсь; но

старайтесь им не злоупотреблять. Прощайте, будьте разумниками, я буду вам помогать», — и с этими словами поднялась в прилетевшую по ее знаку колесницу, запряженную двумя маленькими белыми барашками.

Спустя некоторое время королева заметила, что беременна; событие это доставило отцу и матери столько удовольствия, словно само по себе это было дело невероятное и словно феи не давали на него своего согласия. Королю, похоже, это льстило еще сильнее, чем королеве: у него был такой вид, будто он единственный на свете знает, как заиметь ребенка.

Но при малейшей тошноте жены, самом малейшем капризе или нездоровье, каковыми всегда сопровождается беременность, король сразу мчался за свистком, и добрая фея тут же появлялась. Она не раз ласково пеняла обоим, говоря, что звать ее следует, когда это действительно надо; но король с королевой разбирались в том, когда надо и когда не надо, ничуть не лучше, чем тысячи самых обыкновенных людей, и добрая Мими в конце концов почувствовала, что благодарность иногда превращается в большую обузу, но по доброте своей ни разу не дала этого понять.

Беременность королевы протекала прекрасно, но едва начались первые родовые боли, голова у короля пошла кругом и он дул в свисток больше четверти часа подряд; уже и фея появилась, а он все свистел. На сей раз Мими ни в чем его не упрекнула — ведь присутствие ее было необходимо, чтобы одарить всевозможными совершенствами дитя, которое через несколько минут после ее появления произвела на свет королева. То была очаровательная маленькая принцесса; Мими взяла ее на колени и, желая одарить ребенка без спешки, как в целом так и во всех частностях, начала с рук и сказала: «У нее будут белые и красивые руки». Но тут в комнате показалась фея Бурьяница: «Никто этого не

увидит без моего согласия. Одаривайте ее, Мими, одаривайте сколько угодно, меня вам не одолеть», — заявила она и в бешенстве уселась в свою колесницу, запряженную ужасными нетопырями. Подобная любезность повергла всех в полное смятение. Фея, как могла, успокоила остолбеневших от изумления супругов и пообещала не покидать их и утешать в несчастьях. Шепотом она одарила красивую девочку всеми достоинствами и решила унести свисток, из-за которого ей пришлось столько бегать впустую, уверив короля с королевой, что он им больше не нужен и что она сама станет неусыпно печься об их интересах. У маленькой принцессы благодаря дару Мими были такие белые и красивые руки, что ее прозвали принцессой Белоручкой: всякий, кто хоть раз их видел, не мог звать ее иначе.

Возможно, родители и не давали ей другого имени: окружающие, во всяком случае, звали ее только так.

Детство ее не может служить похвальным примером. Король с королевой воспитывали девочку как могли и как умели; могли и умели они не много, но добрая натура девочки помогла делу.

Когда фее Бурьянице случалось проходить мимо — а случалось это очень часто по причине соседства, — она пугала маленькую принцессу злыми духами или вырывала у нее куклу; помимо прочих гадостей, она обычно давала ей пару пощечин и восклицала: «Ну до чего же она безобразная!» При этих словах маленькая принцесса всякий раз принималась плакать, но король с королевой, любившие ее до безумия, утешали ее и, похлопывая по спине, говорили, правда, совсем шепотом: «Все она врет, эта фея не плачь, дитя мое, ты очень мила». При этом добрые родители, не забыв угрозу феи Бурьяницы, твердили друг другу: «Наверное, нам она позволяет видеть ее такой, какая она на самом деле; заклятие на нас не распространяется; не правда ли, она очаровательна,

женушка?» — говорил король. «Конечно, муженек», — отвечала королева. Сказать по правде, им она должна была казаться безобразной, как и всем, кто ее видел; но отцы и матери будут слепы до тех пор, покуда существуют на земле дети.

Однако фея Бурьяница с ее изощренным злонаравием позволила видеть девочку такой, какой ее создала природа, то есть очаровательной, всем горбатым и калекам, так что все увечные, увидев ее, страстно в нее влюблялись, и, когда в деревне появился горбун, девочки говорили: «этот для королевской дочки».

Но напрасно все эти уроды славили ее и ластились к ней, она не могла привыкнуть к их наружности и без конца устраивала над ними всякие проказы; больше всего она потешалась, заводя с ними беспрерывные беседы об их горбе и не давая ни на минуту поверить, что им удастся как-то сгладить или ловко скрыть его от ее глаз. Она расспрашивала, какое несчастье сделало их калеками, и без конца сравнивала один горб с другим, причем всегда в присутствии их обладателей. Таким образом, она в конечном счете в пух и прах сокрушала всех горбатых принцев и прочих дворян, каковые с тех давних пор стали именовать себя развалинами, и избавилась от них раз и навсегда. Так что, когда в один прекрасный день принцессу заметил принц, сын соседнего короля, отправленный родителями в путешествие, ни одного горбуна рядом с нею не было; По правде говоря, принц обратил на нее больше внимания, чем того заслуживала ее невзрачная наружность, но его мучила жажда, и он сказал:

«Милое дитя, нельзя ли мне испить воды?» Белоручка, не приученная к особым почестям, предложила принцу, который очень ей понравился, отвести его к роднику, да так учтиво и изящно, что тот был очарован. Беседа с нею отнюдь не развеяла

благоприятного впечатления, произведенного ее кротостью; с удивлением и восторгом узнал он, что перед ним королевская дочь. Простое платье не позволило ему угадать в ней столь благородную особу и извиняло ту вольность в обращении, которую он себе позволил. Принцесса с белыми руками разумно отвечала, что богатства даруются судьбой, а чувства — доброй натурой. Эта столь уместная банальность внушила принцу больше почтения к девушке, чем если бы она предстала его взору на золотом троне, усыпанная бриллиантами и в окружении самого блистательного двора. Но когда они подошли к роднику и принцесса вынула из кармана чашку, чтобы дать юноше воды, он увидел ее красивые руки, которые она все время прятала под фартуком — то ли по скромности, то ли, что вероятнее, оберегая их от жарких лучей солнца, — и пришел в восторг и смятение. Он без устали восхищался их красотой; вообще-то, из этого следовало, что руки — единственное, что есть в ней красивого; но, когда сердце и ум возносят хвалу, думать о чем-то другом не приходится и для начала всегда хватает того, что нравится в человеке. Словом, любовь в мгновение ока так прочно утвердилась в сердце принца, что он решил не расставаться с девушкой всю жизнь и тут же признался ей в самых нежных чувствах. Белоручка, которой он понравился тем больше, что прежде ни один хорошо сложенный мужчина не удостоивал ее даже взглядом, не знала, как отвечать. Молчание для возлюбленного почти всегда означает благосклонность. В этом нежном смущении их и застигла вдвоем фея Бурьяница, которой от злобы не сиделось на месте.

«Как, — заявила она принцу, — ты ее любишь и не горбат! Пусть же твой печальный пример станет назиданием для всех стройных мужчин».

С этими словами она коснулась его волшебной палочкой, и он превратился в прелестнейшего на свете белого козленка, без рогов и без бороды. Но чувства принца с переменою облика отнюдь не изменились; он выказывал принцессе еще большую преданность, ибо после метаморфозы увидел ее в природной красоте. Так что, даже и не помышляя покинуть ее или попрекать своим несчастьем, он без конца на нее любовался, скакал на лужку, играл с собаками, развлекал стада — те, что ни говори, всегда не столько предаются удовольствиям, сколько удовлетворяют насущные потребности.

Словом, он делал все, чтобы понравиться Белоручке и сохранить память о себе в ее сердце; так всегда и бывает: кто меньше имеет, тот больше отдает другому. Впечатление, которое он произвел на Белоручку, было неизгладимо, забвения он мог не бояться, но страх утраты или, верней, скупость любви от века поддерживала любовное пламя. От внимания Мими, по-прежнему заботившейся о девушке, не ускользнули все эти события; она примчалась утешать принцессу, велела ей быть мужественной и удалилась, пораженная той подлостью, на какую, к ее стыду, оказалась способна одна из ей подобных. Принцесса же привела маленького Козленка к королю с королевой — не говоря, однако, кто он такой, — и те приняли его с восторгом. Скоро он совсем их очаровал, и они бы играли с ним целые дни напролет, если бы принцесса, стремившаяся держать его при себе, не твердила им чуть не плача, что хочет играть с ним сама. Король и королева сочли, что разумнее будет ей уступить.

Злые, скверные люди обыкновенно не лишены ума и умеют им пользоваться, оценивая сложившиеся обстоятельства, разрушая их счастливое, приятное течение и поддерживая тяжелое, удручающее. Вот и фея Бурьяница скоро поняла, что принцесса Белоручка

и принц Козленок безмерно счастливы. Они встречаются, любят друг друга без помех и соперников — нет, для нее с ее жаждой мести это было уже чересчур; чужие радости посеяли у нее в сердце тоску, к тому же она сокрушалась, что не в силах помешать принцу любоваться ослепительной красотой принцессы, — таково было условие заклятия. Чтобы лишиться их столь сладостных утех, она решила их разлучить: ведь они любили друг друга, значит, разлука уже сама по себе несомненно доставит им страдания. Для начала она выкрала принцессу, а Козленка оставила с королем и королевой, которые хоть и не знали, кто он такой, но любили его, как собственное дитя, и заботились о нем больше, чем хотелось фее.

А он нуждался в уходе, ибо, утратив принцессу, сразу перестал есть, не скакал больше и лишь с блеянием бродил повсюду, не умея спросить о любимой, не иначе пожаловаться на горе, что принесла ему разлука. Между тем фея, выкрыв принцессу Белоручку, первым делом наклеила ей на обе прекрасные руки перчатки, да так крепко, что их ничем нельзя было содрать. Затем она отправила девушку в свой блошиный дворец; истинное и хорошо продуманное злодеяние всегда должно внешне казаться добрым: каких только удовольствий, какой придворной роскоши не было в том дворце! Но при этом фея изобрела настоящую пытку, вполне отвечающую ее нраву, — ведь несмотря на непрекращающиеся укусы и жестокий зуд, все, соблюдая приличия, держались друг перед другом как ни в чем не бывало. Во дворце было черно от насекомых — никому и в голову не приходило искать блох.

Дворец этот, в остальном великолепный, населял многочисленный двор; но придворные дамы и кавалеры привыкли к блохам, несчастная же принцесса испытывала неизъяснимые мучения. Однако злобной

фея мало показалось ее телесных страданий и печали от разлуки, она решила добавить к ним еще и душевных мук. При дворе она с жестокой иронией не только представила ее как королевскую дочь, но и приказала всем ее почитать, — одним словом, считать королевой. Белоручка никогда прежде не видела столько народу, она совершенно не знала светской жизни: фея поместила во главе этого двора только для того, чтобы безжалостно насмеяться над нею.

Робость девушки, ее деревенские ухватки вызывали бесконечные взрывы хохота, а вскоре на нее обрушился и град насмешек из-за неуместных речей, которые она держала, восседая на троне и понемногу привыкая к сладости власти. Фея Бурьян частенько наведывалась туда позлорадствовать и любоваться на зрелище бесконечных мук, ею же самой, к своему удовольствию, придуманных. Появляясь, она просила рассказать, какие еще нелепости произнесла или совершила принцесса, издевалась над нею в ее присутствии, а потом говорила: «Теперь ступайте править». И та должна была немедленно взойти на трон, а фея тут же выпускала на нее многие тысячи блох, заставляя их кусаться вдвое больше обыкновенных. Она с удовольствием наблюдала, как корчится бедная принцесса, и чем меньше соответствовало ее поведение величю трона, тем больше наслаждалась и развлекалась фея.

И все же Белоручка извлекла из того зла, какое фея намеревалась ей причинить, не только страдания, но и пользу на всю дальнейшую жизнь, ибо в конечном счете она попала ко двору, а двор, как бы он ни был плох, всегда оказывает на человека влияние. Неглупая принцесса сумела за время своего пребывания во дворце восполнить недостатки того не слишком хорошего и не слишком подходящего воспитания, которое она получила у отца с матерью по недостатку у

них таланта и денег. Добрая Мими, узнав, как обошлась злодейка-фея с ее подопечными, справедливо решила, что та не заслуживает никакого снисхождения. Она припомнила оскорбление, нанесенное ей в обличье жаворонка: ведь она обещала хранить тайну лишь на определенных условиях, а та их не выполнила; так что, свободная от данного слова, Мими принесла жалобу в совет фей. Ее доброта и открытый нрав были хорошо известны, и рассказу ее сразу поверили; совет не только постановил, что с нею обошлись несправедливо, но и наделил ее всей необходимой властью для наказания феи Бурьянницы и заранее одобрил все, что ей угодно будет сделать, ибо никогда еще ни одна фея не совершала подобного покушения на свою подругу.

Довольная Мими, удовлетворенная решением совета, велела своим барашкам бежать во всю прыть и вскоре прибыла к невеселому жилищу злой феи; теперь порученное могущество позволяло ей войти внутрь. Она сказала:

«Я готова еще раз вас простить, согласна забыть прошлое, но дайте мне слово, что не будете больше мучить Козленочка и Белоручку».

От кроткого и искреннего обхождения злодеи становятся еще несноснее, и фея Бурьянница презрительно отвечала:

«Как, кумушка, вы прибыли ко мне только за этим? Стоило ли трудиться ради такой малости! Ах, воистину вы ничего не поняли: я пока даже и не начинала мучить ваших безмозглых малявок; то ли еще будет, вот увидите». — «Увижу я только постигшую тебя кару, — произнесла Мими. — Знай же, что мне дана власть наказать тебя и судьба твоя в моих руках». — «Ты же не можешь лишить меня жизни, — заявила та, — так что же ты мне сделаешь? Никакой твоей власти не хватит, чтобы я согласилась на брак твоих мерзких любимчиков». — «Ну, это мы еще посмотрим, —

заметила Мими, — я тебя так накажу, что ты на все согласишься, клянусь; а для начала станешь волком», — и с этими словами коснулась феи Бурьянницы волшебной палочкой. Затем, оставив волка, она поспешила во дворец унимать блох, потом отправилась за Козленком, который не знал, что и делать: за несколько минут до того фея Бурьянница превратила короля с королевой в индюков. Злодейство было невелико и мало отражалось на их нраве, но оно добавилось к прежним и причинило Мими лишнее страдание. Добрая фея могла лишь задать обоим доброго корма, дабы их утешить и удовлетворить хотя бы чревоугодие, свойственное нынешнему их обличью. Оказав этот знак внимания, она взяла на руки прелестного маленького Козленка и отнесла его принцессе Белоручке. Увидев ее, Козленок стал так к ней ласкаться, так скакал и прыгал, показывая свой восторг, что невозможно описать. Фея оставила их радоваться встрече, сказав на прощанье: «Берегитесь волка».

Между тем фея Бурьянница чувствовала себя в новой волчьей шкуре совсем не плохо. «Я могу кусаться, могу кусаться, могу причинять зло, — говорила она себе. — Мими круглая дура: чтобы мне отомстить, меня надо было превратить в курицу или какое другое смиренное животное, я бы мучилась сильнее, и наружность больше бы мне мешала; слабые натуры, вроде нее, не умеют мучить. Притом, — продолжала она, — я умнее прочих волков, а я сама видела, как волки становились любимцами королей. Отчего бы и мне на попробовать?» Она тут же пустилась в путь и без особого труда повстречала одного короля — в те времена их было много; король этот как раз охотился, и она с готовностью попросила у него покровительства и защиты от вечных преследований с криками «держи волка, держи волка» — такое с нею уже случалось; и в

самом деле, это большая помеха для путешественника. Король взял ее с собой, двор прекрасно ее принял; так она и жила, ластясь к королю и кусая всех остальных, причем особенное зло причиняла бедному люду. Мими, следившая за ее поведением и опасавшаяся, как бы она не сожрала Козленка, решила, что пора положить конец ее бесчинствам и что лучшим средством лишить мерзкого волка, который всех выводил из себя, королевского покровительства будет сделать его паршивым.

Замысел феи удался: едва на волке появилась парша, как все от него отвернулись; хотели даже его убить, но волк, прослышав об этом, смекнул, что пора покинуть двор, и сделал это со всем возможным проворством. Теперь вслед ему кричали уже не «держи волка», а «держи паршивого волка», отчего природная его злоба и бешенство удвоились — ведь выслушивать подобные упреки очень неприятно! Фее Бурьянице оставалось лишь бегать по полям, нападая на людей и животных; особенно ненавидела она маленьких детей и пожирала их прямо сырыми: словом, она превратилась в такого ужасного зверя, что все кругом дрожали от страха. Мими, узнав о причиненных ею бедах и выследив ее на дороге к блошиному дворцу, приказала ее поймать и посадить в железную клетку.

Потом клетку поставили на главной площади, и все маленькие дети приходили туда, постоянно ее дразнили, швыряли в нее камнями и причиняли всякое посильное для них зло. Наконец фея Бурьяница, измученная бедами, что сама же навлекла себе на голову, согласилась на все требования Мими, обещала образумиться, просила избавить ее от парши и выпустить на волю, обещая к тому же на все время, пока ей придется быть в волчьей шкуре, обратиться в леса Московии. Мими, даровав ей все эти милости, вернула принцу его человеческий облик и позволила принцессе

Белоручке выглядеть перед всеми, независимо от телосложения, такой, какой ее создала природа: юная принцесса сняла свои старые перчатки, и они с принцем отпраздновали блестящую свадьбу, после того как добрая фея расколдовала и короля с королевой. Надобно признать, что превращение наложило на тех неистребимый отпечаток и что все дворы с тех пор отзываются блошиным замком: всякий, кто туда попадает, сразу начинает испытывать неутихающее беспокойство.

Лепренс Де Бомон

Красотка и Чудовище

Жил-был однажды очень богатый купец. Было у него шестеро детей, трое сыновей и трое дочек. Человек он был умный, средств не жалел на их воспитание и приглашал к ним всяких учителей.

Красавицы были его дочери, а уж младшая до того была хороша, что все ею любовались. Когда она еще совсем была маленькой, только и называли ее что Красоточка; это имя за ней так и осталось, и сестры очень ей в этом завидовали. Младшая сестра, которая была красивее других, и добрее была сестер и лучше. Старшие гордились своим богатством, думали про себя, что они важные персоны, и знаться не хотели с другими купеческими дочками. Они все о знатных людях мечтали. Каждый день то на бал поедут, то в театр, то на прогулку; и вечно над младшей смеялись. А она все, бывало, сидит да читает хорошие книжки.

Так как сестры были богаты, то немало к ним сваталось именитых купцов, но старшие отвечали, что уж если пойдут они замуж, то разве за герцога или по крайней мере за графа. А Красотка (которую так и звали), Красотка наша вежливо женихов благодарила, говоря, что она еще молода, и ей хочется еще несколько лет пожить с отцом.

Но вот пришла однажды беда, и купец наш потерял все свое добро, остался у него только один домишко, далеко за городом. Заплакал он да и сказал детям, что надобно им всем туда отправиться за ним да там крестьянствовать, а иначе жить нечем. Старшие сестры отвечали ему, что не желают из города уезжать и что есть здесь у них люди, которые почтут за счастье и без приданного взять их себе в жены. Только умницы эти ошиблись: их друзья и глядеть на них не захотели,

когда они обеднели. Никто их не любил за их гордость и так о них говорили:

— И жалеть их не стоит, вот гордость их и наказана; так им и надо, пусть-ка теперь разыгрывают важных барынь, пася овец. — И в то же время все говорили: — А вот Красотку жалко, какое с ней горе приключилось! Уж такая она была добрая! Так с бедными людьми ласково разговаривала! Такая была простая и вежливая!

И хоть не было у нее за душой ни гроша, нашлись знатные женихи, но она им отвечала, что не бросит отца в несчастье, а поедет с ним в деревню, чтобы там его утешать и помогать ему в работе.

Грустно было бедной Красотке потерять все свое приданное, но она говорила себе:

— Коли буду я о том плакать, так ведь слезами горю не поможешь, надо уж мне стараться и без богатства быть счастливой.

Когда приехали они в деревню, отец и сыновья стали пахать землю. А Красотка встанет чуть свет, весь дом приберет да и обед готовит на всю семью. Трудно ей сначала приходилось без привычки, но прошло месяца два, стала она покрепче и как ни уставала, а еще порозовела на работе. Сделает, бывало, все дела и сядет почитать, а то играет на клавесинах или поет себе, вышивая. А сестры ее до смерти скучали; встанут, бывало, к полудню поближе, пойдут гулять да вспоминать, какие у них были платья красивые да какие знатные друзья.

— Смотри-ка, — говорили они одна другой, — младшая-то наша такая грубая да глупая, что даже счастлива в своем несчастье.

Добрый купец так не судил, он видел, что Красотке его больше пристало блистать в обществе. Любовался он добрым ее сердцем да терпеньем, потому что мало было того ее сестрам, что всю работу по дому они на нее свалили, вечно они ее еще ругали и обижали.

Целый год прошел с тех пор, как стали они жить в бедности, и вдруг получает купец письмо. Пишут ему, что пришел корабль из дальних стран и его товары привез. Опять загордились старшие сестры, вздумалось им, что теперь можно будет опять поехать в город, а не скучать в деревне, и, как увидели они, что отец собирается в путь, стали его просить, чтобы он и платьев им привез, и накидок меховых, и шляп красивых, и еще всяких безделок. А Красотка ничего не просила, потому что догадалась, что всей отцовской выручки на подарки старшим сестрам не хватит.

— Что же ты ничего не просишь? — говорит ей отец.

— Если хотите вы мне что-нибудь подарить, — говорит она ему, — привезите мне розу, а то их у нас здесь нет.

Не очень-то Красотке эта роза была нужна, да побоялась она ничего не попросить, а то сестры бы ее со свету сжили, что она им назло ничего не просит.

Пустился старик в путь; только когда приехал он на место, стали его сутяги по судам таскать, и вернулся он назад таким же бедняком, как из дому выехал.

Миль тридцать всего оставалось ему до дому, и он уж радовался скорой встрече с детьми, но пришлось ему ехать густым лесом, и он заблудился. Снег пошел не на шутку, вьюга такая разыгралась, что два раза свалила его с лошади.

Настала ночь, и думал уж он, что смерть его пришла: либо с голоду и холоду помирать либо волки его съедят, а они так и воют в лесу. Поглядел он кругом, да и видит, что далеко-далеко в конце просеки будто большой огонь горит. Пошел он на свет, приходит и видит: стоит громадный дворец и во всех окнах огни. Поблагодарил купец бога, что спас он его, да и пошел скорей ко дворцу. Но каково же было его удивление, когда не встретил он ни души во дворе! Конь, который шел за ним, видит — конюшня отперта, пошел туда, а в

яслях нашел себе и сена и овса. Уморился бедный конь, проголодался и с жадностью принялся есть. Привязал его купец в стойле, а сам пошел к дому. По-прежнему — нет никого; идет дальше, входит в высокую залу; огонь горит, кушаний полон стол, и стоит на нем только один прибор, будто одного и ждали.

От дождя и снега промок он до костей, подошел к огню обсушиться и говорит сам себе:

— Не взыщут с меня хозяин да слуги, что сам я распоряжаюсь; ну да, наверно, скоро кто-нибудь и придет сюда.

Подождал он, подождал; вот уж одиннадцать пробило, а все нет никого. Взял он цыпленка со стола, да и съел разом, а самого страх берет. Выпил он тут вина и осмелел, пошел бродить по дому, и что ни комната, то все одна другой лучше. Дошел он наконец до спальни. Было уже за полночь, устал он, притворил дверь, лег и заснул.

Утром проснулся он и видит, что около него лежит чистое платье, а его грязного кафтана и след простыл.

«Ну, — подумал он, — наверно, это дворец какой-нибудь доброй феи, которая меня пожалела».

Выглянул он в окошко — снега как не бывало, цветы цветут, смотреть радостно.

Пошел он опять в большую залу, где вчера поужинал, видит, стоит маленький столик, а на нем шоколад.

— Покорно вас благодарю, добрая фея, — сказал он тогда во весь голос, — за ваше угощенье.

Выпил он шоколад и пошел лошадь посмотреть. Идет он двором, кругом розы цветут; вспомнил он тут свою Красотку да и сорвал с куста веточку. Но только он это сделал, как вдруг раздался великий шум, и появилось перед ним Чудовище, до того страшное, что он едва не лишился чувств.

— Ах ты, неблагодарный! — закричало на него Чудовище страшным голосом. — Я жизнь тебе спас и в дом свой пустил, а ты у меня розы воруешь, которые мне дороже всего на свете. Ты должен смертью искупить свою вину. Даю тебе четверть часа — молись богу.

Повалился купец на колени и взмолился к Чудовищу:

— Простите меня, ваша милость, не думал я вас обидеть: дочка меня просила розу ей привести, вот я и сорвал.

— Какая я «ваша милость», — ответило ему Чудовище, — не люблю я лести; я хочу, чтобы мне правду говорили; лестью ты ничего у меня не добьешься. Но ты говоришь, у тебя есть дочери; ладно, отпущу уж я тебя живого, коли одна из троих дочек по доброй воле сюда явится умереть за тебя. И не думай больше меня уговаривать, ступай домой; да побожись, что, если не захотят дочери ехать, ты сам через три месяца вернешься.

Не захотел купец отдавать своих дочерей этому страшному Чудовищу, но рассудил:

«Ну хоть разок еще на детей погляжу». Побожился он, что вернется, и Чудовище его отпустило, сказав при этом:

— Не хочу я, чтобы ты уехал с пустыми руками; вернись-ка в спальню, где ты ночевал, да возьми там пустой ларец, что хочешь туда положи, а я отошлю его к тебе.

С этими словами Чудовище исчезло, и бедный купец подумал:

«Уж раз суждено мне умереть, я хоть детям на хлеб оставлю».

Вернулся он в спальню, нашел там несметное число золота, набил им пустой ларец, запер его, пошел на конюшню, сел на коня да и поехал со двора, и с какой

он радостью сюда приехал, с таким горем назад уезжал. Добрый конь сам нашел дорогу в лесу, и вскоре вернулся купец восвояси.

Собрались его дети, но не порадовался он им, а поглядел на них и заплакал. В руках у него была роза для Красотки, отдал он ей цветок и сказал:

— Возьми, Красоточка, розу, дорого она мне обойдется. — И рассказал детям, что с ним приключилось.

Тут старшие дочери принялись кричать и бранить Красотку, а она стояла спокойно и не плакала.

— Вот до чего довела ее гордость! — говорили они. — Что же не попросила она себе нарядов, как мы просили? Нет, отличиться ей захотелось! Бедный отец теперь из-за нее умрет, а она хоть бы слезинку проронила!

— Что ж плакать! — ответила Красотка. — Плакать мне о батюшке нечего, потому что ему и умирать не надо. Раз Чудовище согласно вместо него дочку взять, поеду я к нему, его злобу насытить, и в радость мне будет батюшку спасти и всю любовь мою ему показать.

— Нет, сестрица, — заговорили три брата, — не умрешь ты; мы поедem на Чудовище, либо убьем его, либо сами погибнем.

— И не думайте этого, дети, — отвечал им отец, — такая сила у этого Чудовища, что и думать нечего с ним сразиться. Сердце мое радуется на мою добрую дочку, да только зачем ей умирать? Я уж старик, жить мне недолго осталось, несколько годков и не доживу, и жалею-то я их не за себя, а за вас, мои милые.

— Уж поверьте, батюшка, — сказала ему Красотка, — что без меня вам во дворец не ехать, а как вы меня не пустите? И как я не молода, а не очень-то к жизни привязана — и лучше уж пусть меня Чудовище съест, чем мне без вас умереть с горя.

И что ей ни говорили, она решилась отправиться в прекрасный дворец, а сестры ее тем были очень довольны, так как они во всем ей завидовали.

Так купец огорчился, что придется дочь ему потерять, что и забыл он совсем о ларце, который он набил золотом, но как только пошел он к себе спать, затворил дверь, смотрит, а ларец-то уж и стоит возле постели. Решил он ничего об этом детям не говорить, потому что дочери опять в город проситься будут и плакаться, что не умирать же им в деревне; только Красотке поверил он свою тайну. А она ему рассказала, что без него к ним знатные женихи приходили и двое за сестер ее сватались; и просила она отца выдать их замуж, потому что она их любила и прощала им все зло.

Натерли себе злые сестры глаза луком и заплакали, когда Красотка уезжала с отцом, а братья и отец от всего сердца слезы лили, только одна Красотка не плакала, не желая их еще больше огорчать.

Пустился конь по дороге ко дворцу, приехали они к вечеру и видят: горят огни во всех окнах, как и прошлый раз. Пошел конь сам по себе на конюшню, а купец с дочерью вошли во дворец, пришли в большую залу, а там видят пышно убранный стол, а на столе два прибора. Купцу кусок в горло не лез, а Красотка, стараясь казаться спокойной, стала ему прислуживать за столом, а сама думает:

«Верно, Чудовище хочет меня сперва откормить, а потом уж и съесть, что так славно меня угощает».

Только что они поужинали, как вдруг раздался великий шум. Заплакал купец и стал с дочерью прощаться, потому что он понял, что сейчас явится к ним Чудовище. Задрожала Красотка, как взглянула на страшилище, но виду не подала. А Чудовище ее и спрашивает от доброго ли сердца она к нему приехала. Задрожала она от страха, а все-таки ответила, что от доброго.

— Вижу, что доброе сердце у вас, — ответило Чудовище, — и много я вам обязан. А ты, добрый человек, собирайся завтра спозаранку, да смотри не думай сюда возвращаться.

— Прощайте, Чудовище, — сказала Красотка. Чудовище удалилось.

— Ах, дочка моя дорогая, — сказал купец, обнимая Красотку, — я чуть не умер от страха. Поверь ты мне, оставь меня здесь.

— Нет, батюшка, — ответила она с твердостью, — поезжайте завтра утром и оставьте меня в надежде на бога; может быть, он меня услышит.

Легли спать и думали, что глаз во всю ночь не закроют, но как легли, так тут и заснули. А во сне Красотке явилась красивая дама и сказала ей:

— Судьба тебя благословит, Красотка: сердце у тебя доброе, жизнь ты свою отдала за отца и за это получишь награду.

Проснувшись, Красотка рассказала сон свой отцу, и хоть старик им немного и утешился, а все-таки разрыдался, с ней расставаясь.

Уехал купец, а Красотка пошла в большую залу да и сама заплакала, но потом, скрепя сердце, поручила себя богу и решила не тосковать в свои последние часы, ибо твердо была уверена, что нынче вечером Чудовище непременно ее сожрет. А покуда решила она прогуляться и осмотреть весь дворец. И залюбовалась она на его красоту, но удивилась немало, когда пошла к одной двери, а на ней видит надпись: «Красоткины покои». Поспешила она эту дверь отворить и ослеплена была великолепием, какое там увидела, а больше всего ее поразило, что было там множество книг и клавишины и разные ноты.

— Не хочет Чудовище, чтобы я здесь скучала, — сказала она потихоньку. А потом подумала:

«Если бы он меня к вечеру съесть хотел, к чему бы ему столько добра для меня готовить?» И эта мысль ее успокоила. Подошла она к книжным полкам, взяла книжку и видит надпись золотыми буквами: «Вы здесь царица и хозяйка; желайте и приказывайте».

— Увы, — сказала она, вздохнув, — ничего-то я не желаю, только мне батюшку увидеть бы, да узнать, что он сейчас делает.

Не успела она в мыслях эти слова произнести, глядит, около нее зеркало большое, а в нем она видит: приезжает отец домой печальный-печальный, сестры ему вышли навстречу, и как они ни ломались, видно было, как рады они тому, что Красотки уж нет. И вмиг все исчезло опять, и подумала она, что уж очень любезное ее Чудовище, и пожалуй, и бояться его нечего.

В полдень стол был опять накрыт, и чудная музыка слышалась за обедом, хоть и не было видно ни души. Вечером же, когда садилась она за стол, опять все кругом зашумело, и опять задрожала она от страха. Явилось Чудовище и говорит:

— Красотка, разрешите взглянуть мне, как вы станете кушать.

— Вы здесь хозяин, — отвечала она ему.

— Нет, — возразило Чудовище, — хозяйка здесь вы; стоит вам вымолвить слово, я вмиг удалюсь... А скажите: очень я гадок кажусь вам?

— Ваша правда, — сказала Красотка, — лгать-то я не умею, но полагаю, что сердце у вас доброе.

— Это верно, и гадок я, да и не знаю ничего вдобавок, знаю только, что глупое я Чудовище.

Однако было у Красотки горе: каждый раз перед тем, как расстаться, спрашивало Чудовище, пойдет ли она за него замуж, и очень уж оно огорчалось, когда она ему, бывало, скажет, что нет. Однажды Красотка и говорит ему:

— Горько мне вам объяснить, почему никогда не пойду за вас замуж, только я вас жалею, и другом вам всегда буду, постарайтесь утешиться этим.

— Что же, — отвечало Чудовище, — ваша правда; знаю, какое я страшилище, только люблю я вас от всего сердца. Хоть тем я счастлив, что вы в моем доме живете, — обещайте, что никогда вы меня не покинете.

Покраснела при этих словах Красотка; видела она в своем зеркале, что отец ее с горя заболел, и хотелось ей его живого повидать.

— Обещаю вам это, — сказала она Чудовищу, — только очень мне хочется отца повидать, а без того я умру от тоски.

— Уж лучше мне умереть, — отвечало Чудовище, — чем горе вам причинить; отправлю я вас к отцу, оставайтесь там, а бедное ваше Чудовище здесь с тоски зачахнет.

— Нет, — сказала Красотка и заплакала, — слишком люблю я вас, чтобы желать вашей смерти; обещаю вам, что через неделю буду обратно. Видела я в зеркале, по вашей милости, что сестры замуж вышли, а братья мои на военную службу уехали; остался батюшка один-одинешенек. Поскучайте без меня недельку.

— Завтра утром будете вы у отца, — ответило ей Чудовище, — не забудьте только про ваше обещание; а как захотите вернуться, положите с вечера ваше колечко на стол и вернетесь ко мне. Прощайте Красотка.

Опять вздохнуло Чудовище по своему обычаю, а Красотка легла спать, печалась, что опять она его огорчила.

Проснулась наутро — видит, она у отца своего в доме, а на столике колокольчик стоит. Позвонила она, прибежали служанки, да как закричат, ее увидав. Прибежал купец, чуть от радости не умер при виде ее, и упали они друг другу в объятия.

Хотела Красотка встать и думает, что же надеть ей, а служанка говорит, что за дверью сундук стоит и лежат в нем платья, все золотом расшитые да алмазами. Поблагодарила тут Красотка свое Чудовище за заботу, выбрала себе платье попроще, а остальные велела служанке припрятать, чтобы сестрам подарить, но только она эти слова выговорила, как, глядь, а сундука-то уж нет. Тут отец ей сказал, что Чудовище все это богатство ей одной предназначило, — и в тот же миг сундук опять появился.

Оделась Красотка, а тем временем сестер известили, и те с мужьями приехали.

Не были счастливы ее сестры. Одна вышла замуж за молодого дворянчика, красивого, как амур; только он целый день собой занимался, а на нее и смотреть не хотел. Другая великого умника в мужья себе выбрала, а он умом своим только чванился и досаждал всему миру, начиная с собственной своей жены. Едва не умерли сестры от зависти, когда увидали, что одета Красотка, как принцесса, и такая красавица, что дня белого краше. Как она их ни ласкала, ничего не помогло утешить их зависть, и еще больше она разгорелась, когда она рассказала им про свое счастье.

Пошли завистницы в сад и заплакали там, говоря друг другу:

— Откуда этой карлице такое счастье привалило? Ведь мы ее краше, мы ее любезней!

— Вот что, сестра дорогая, — говорит старшая, — пришло мне на ум. Задержим ее здесь подольше, покуда срок ее минет. Рассердится ее Чудовище глупое, что она свое слово нарушила, да, может быть, ее и сожрет.

— Вы правы, — отвечала другая, — мы ее приласкаем да упросим.

На том порешив, вернулись они в дом и так стали Красотку ласкать, что та от радости заплакала. Прошла

неделя; стали сестры волосы на себе рвать от великого горя, что она их покидает, и обещала Красотка еще неделю побыть.

Но Красотка очень упрекала себя, что пришлось ей бедное и любимое Чудовище обидеть, да уж и соскучилась она без него. На десятую ночь, как она была дома, увидела она сон, будто идет она по саду около дворца, а на траве лежит Чудовище и, умирая от тоски, упрекает ее в неблагодарности. Проснувшись тут разом Красотка и залилась слезами.

— Что я за злая такая, — говорила она, — что я так бедное Чудовище обижаю, а оно такое ласковое со мной? Разве оно виновато в том, что оно такое страшное да глупое? Оно ведь доброе-предоброе, а ведь это лучше всего. Зачем я за него замуж не пошла? Была бы я за ним счастливее, чем сестры мои за своими мужьями. Красотой да умом жену не порадуешь, но добрым сердцем, привязанностью и ласкою, а Чудовище мое и доброе и ласковое. Нет у меня к нему любви, но есть уважение, дружба и привязанность. Не сделаю я его несчастным, а всю жизнь буду упрекать себя в неблагодарности.

Сказав это, поднялась Красотка с постели, положила колечко на стол и снова улеглась. И только что легла она, как тотчас заснула. Просыпается утром и с радостью видит, что опять у Чудовища во дворце. Одедась она получше, чтобы его порадовать, и целый день до смерти без него скучала, дожидаясь, покуда вечер придет. Но пришел вечер, пробило девять, а Чудовище нет как нет.

«Умерло мое Чудовище», — подумала Красотка. Весь дворец она обежала, кричала, звала — все напрасно; отчаяние охватило ее. Тут сон ей припомнился, побежала она в сад на пруд, где она его во сне видела. Прибегает туда и видит, лежит бедное Чудовище без памяти, будто и не дышит. Бросилась она к нему, уже

не помня того, какое оно страшное, слышит — сердце еще бьется; зачерпнула воды из пруда да и брызнула на него. Очнулось Чудовище, открыло глаза и говорит:

— Забыли вы, Красотка, ваше обещанье, и решил я с горя уморить себя голодной смертью, но я умираю счастливый, потому что еще раз на вас посмотрел.

— Нет, дорогое мое Чудовище, — сказала ему Красотка, — вы не умрете; вы будете жить и станете моим супругом: отдаю я вам руку отныне и буду вашей и только вашей. Думала я, что одну дружбу питаю к вам; ну а теперь такое меня горе душит, что знаю я, что мне без вас не жить.

И только Красотка произнесла это, как во всем дворце засветились окна, засияли потешные огни, музыка загремела — словом, праздник начался, только Красотка на всю эту красоту и смотреть не стала, а обернулась к своему Чудовищу любезному, вся дрожа за него. И как же она удивилась! Исчезло ее Чудовище, а перед ней стоит на коленях молодой принц, красивей амура, и благодарит ее за то, что она чары с него сняла.

Как ни хорош был этот принц, а все-таки она его спросила, куда же Чудовище девалось. А принц ей отвечает:

— Чудовище это у ваших ног. Злая фея приговорила меня носить этот образ, покуда красавица за меня замуж не пойдет, и разум мой заговорила. И во всем мире никого не оказалось, кроме вас, кого бы я мог моим добрым сердцем тронуть. А теперь предлагаю я вам мою корону и сказать не могу, насколько я вам обязан.

Обрадовалась Красотка и, протянув руку красавцу принцу, подняла его с колен. Вместе пошли они во дворец. А там Красотка чуть было от радости не умерла, увидав в большой зале и отца своего и всю семью. Потому что та самая красавица, которую она во сне видела, в один миг их перенесла во дворец.

— Красотка, — сказала ей эта могущественная фея, — получите награду за хороший ваш выбор; доброе сердце вы предпочли красоте и уму, и теперь вы найдете все эти качества в одном человеке. Великой вы станете королевой; надеюсь я, что и трон не лишит вас доброго сердца. А вам, сударыни, — обернулась фея к обеим сестрам Красотки, — вот что скажу: вижу я ваши сердца и все ваше коварство. Станете вы двумя изваяниями, но и под камнем сохраните весь разум свой. Будете вы у дворца сестры вашей стоять и свидетелями будете ее счастья — вот и все наказание ваше. И только тогда станете вы опять людьми, когда злобу свою поймете и осудите; только боюсь, что век вам камнем оставаться. Исправляются сердца гордые, гневные, на лакомство жадные и ленивые, но чудо будет большое, если исправится сердце злое и завистливое.

Тут фея махнула своей волшебной палочкой и перенесла миглом всех, кто был в зале в королевство принца. Обрадовались его подданные, женился он на Красотке, и жили они долго душа в душу, потому что были они добрые люди.

Маргарита Де Любер

Принцесса Скорлупка и принц Леденец

Жил некогда король с таким длинным носом, что тонкий его конец наматывали на особый ворот, который тащили впереди него двое пажей, хотя они, к слову сказать, ни гроша за свой труд не получали и ели что бог пошлет. Однако мясистый корень королевского носа так выпирал, что пришлось поотбивать углы у всех домов в городе, чтобы его величество во время прогулок мог свернуть в любую улочку, ни за что не зацепившись.

А королевский нос тем временем все продолжал расти и невыносимо чесаться. И поскольку придворные врачи утверждали, что только щелчки могут унять зуд, короля в народе прозвали Щелчком.

Что за скупердяй был этот король Щелчок, ни в сказке сказать, ни пером описать! Ему было до смерти жалко денег, что уходило на жалованье щелкунам. И вот, чтобы избавиться от этой траты, он ввел особый оброк: полсотни подданных непрерывно денно и ночью щелкали его по носу, пока их не сменяла другая полсотня. Надо сказать, что оброк этот крайне истощал народ. Скупость короля вошла в поговорку, и про скупцов в те времена говорили не «Скуп, как ростовщик», а «Скуп, как Щелчок» — уже тогда были остроумцы, не щадившие королевских особ.

Король этот, разумеется, жениться не желал, так как его пугали расходы на свадьбу и на содержание молодой супруги. А между тем он мог бы подыскать себе невесту хоть куда: казна его просто ломилась от золотых экю, королевство процветало, да и собой он был совсем недурен в молодые годы, нос у него был как нос и нимало его не уродовал. Несчастье это постигло

короля внезапно, и сейчас мы узнаем, как это случилось.

Итак, когда у нашего короля был еще нос, который он мог держать по ветру, ему наперебой предлагали самых лучших невест, но тщетно, он и слышать не желал о браке по уже названным причинам и еще, быть может, из страха оказаться в некоем сообществе — сообществе, которое, впрочем, тогда еще не было таким обширным, как в наше время.

Однако ему, подобно всем великим людям, очень хотелось иметь потомство, чтобы его богатство и королевство не перешли бы в чужие руки.

А иметь детей, не имея жены, было в те давние времена делом не из легких, как, впрочем, и теперь.

Король обращался по этому поводу ко всем знаменитым врачам, живущим за четверть лье от дворца, суля в случае удачи невесту что, но надеялся при этом отделаться ничем. Эти посулы воодушевили ученых мужей и заставили их перелистать немало старинных фолиантов. Но после длительных и бесплодных поисков им пришлось признаться в своем невежестве в этой области.

Надо сказать, что в тот далекий век фей было еще очень мало, не то что теперь, и даже самая старая из нынешних была тогда малюткой. А то нашему доброму королю не пришлось бы так долго мыкаться.

Но король был не из тех, кого останавливают трудности, и он так упорно продолжал поиски, что в конце концов от кого-то услышал, будто в стране Сапиенс живет весьма прославленный колдун и к тому же такой ученый, что все «Альманахи Матье Ленсберга», «Коломба», «Маленькие подарочки» и даже «Советы дьявола» сочинил не иначе как он.

Звали его Сомкнутый Глаз, потому что с детства он даже во сне не смыкал глаз, точнее, из семи смыкал только один, боясь быть застигнутым врасплох.

Его ученость и его могущество вызывали всеобщее восхищение и прославили его на весь мир.

Это он первый открыл, что дурная погода сменяется хорошей, что с восходом солнца наступает день, что, умерев, перестаешь быть живым, что если лавки на замке, значит, в городе праздник, что ночью все кошки серы и что у страха глаза велики.

Он научил своих современников тому, что до него никто не умел: пускать пыль в глаза, строить воздушные замки, попадать пальцем в небо, хватать быка за рога, гнаться за двумя зайцами, садиться между двух стульев, ломиться в открытые двери, бить баклуши, ставить мертвому припарки, лезть в воду, не зная броду, соваться в чужой монастырь со своим уставом, обжегшись на молоке, дуть на воду, надирать животики со смеху, выдавать кукушку за ястреба, совать нос в чужие дела, втирать очки, утаивать шило в мешке, разводить рукой чужую беду, резать правду-матку, шить белыми нитками, лить воду на чью-то мельницу, мягко стелить, чтобы жестко спать, класть зубы на полку, пускать козла в огород, а также открыл им немало других замечательных секретов, которые люди без него не узнали бы до сей поры.

Он первый сказал, что если бы да кабы да во рту росли бобы, то был бы не рот, а целый огород, что куда конь с копытом, туда и рак с клешней, что что посеешь, то и пожнешь, что дареному коню в зубы не смотрят, что третий — лишний, что надо семь раз отмерить, прежде чем раз отрезать, что дорога ложка к обеду, что что в лоб, что по лбу, что нечего на зеркало пенять, коли рожа крива, что тише едешь — дальше будешь, а поспешишь — людей насмешишь, что волков бояться — в лес не ходить, что гусь свинье не товарищ, что хорошо смеется тот, кто смеется последним, что делу — время, потехе — час, что мертвые сраму не имут. Он

изрек еще целый ряд подобных истин, и я бы их все обязательно привела, будь у меня лучшая память.

А еще говорят, хоть в это и трудно поверить, что Сомкнутый Глаз открыл людям секрет, как варить яйца в крутую и первым научил собак выть на луну, а лошадей — спотыкаться на самых ровных дорогах.

Зато достоверно известно, что именно он является автором бесподобных куплетов, таких заразительных, звучных и грациозных, как «Марго, Марго, когда ж ты кончишь наконец?», «Уберите ваш костыль» и «Задуйте свечку, мадемуазель», которые и в наш век имеют еще немалый успех.

Если бы я взялась перечислять все редкие таланты великого Сомкнутого Глаза, я бы и по сей час этим занималась, поэтому достаточно будет добавить, что по натуре своей он был очень услужливый и никогда никому ни в чем не отказывал, если только просящий, обращаясь к нему, не употреблял ненароком слова «да» или «нет». По таинственной причине, выяснить которую мне так и не удалось, эти два слова были ему настолько ненавистны, что он их никогда не произносил, а если кто-то случайно ронял при нем хоть одно из них, несчастный бывал жестоко наказан. И Щелчка предупредила об этой опасности, когда ему посоветовали обратиться к великому колдуну.

Совет пришелся королю по душе, и он сразу же отправился в путь в одежде паломника, безо всякой свиты, под предлогом того, что дал обет идти пешком, а на самом же деле, чтобы избежать лишних расходов.

Меня даже уверяли, что, не желая снашивать своих подметок, он одолжил башмаки у одного из придворных, который не посмел ему отказать. Тут я не поручусь за достоверность, но как бы то ни было, наш добрый король Щелчок с посохом в руке и с котомкой за плечами зашагал по дорогам. Он шел то быстро, то медленно, вроде бы гуляночки, распевая все время

песни, а когда этого никто не видел, то не отказываясь от милостыни, если какая-нибудь добрая душа протягивала ему, словно нищему, мелкую монетку. Наконец он добрался до страны Сапиенс и, пройдя большую ее половину, увидел на склоне холма того, кого пошел искать за тридевять земель, — колдуна по прозвищу Сомкнутый Глаз.

Это был старец со строгим лицом, опирающийся на деревянную клюку, украшенную железными нашлепками. Одежда его не только не отличалась роскошью, но скорее поражала убожеством, хотя была сшита из ткани, сотканной из чистого пантагрюэлиона, лекарственного растения, особенно полезного при ангинах. Его окружало стадо белоснежных овец, эти крупные, одно к одному, животные шли за ним по пятам и повиновались его голосу.

Его чресла были опоясаны широким ремнем из кожи то ли коровы, то ли быка — кого именно, мне так и не удалось выяснить.

Рядом на железной цепи, сидело некое чудовище, которого невежды не преминули бы принять за пса, ибо оно лаяло и обладало песьей головой, песьей шерстью, песьим телом, песьим хвостом, но это был не пес, а сука.

Короче говоря, Сомкнутый Глаз, столь великий, столь ученый, столь могучий и столь прославленный колдун, был не кем иным, как пастухом, но пастухом, умеющим не только пасти овец. Едва его заметив, Щелчок любезно шаркнул ножкой и, как положено воспитанному господину, снял свою шапочку. Он уже был готов обратиться к колдуну с изящным приветствием, которое заранее составил, причем, заметьте, совсем не плохо, хотя и несколько своеобразно, и затвердил на память, но Сомкнутый Глаз не дал ему и рта раскрыть.

— Я знаю, что привело тебя ко мне! — крикнул он ему резко.

— Ответь мне только на вопросы, которые я тебе задам, и тогда я решу, заслуживаешь ли ты моей помощи. Знаешь ли ты, кто я?

— Еще бы! Если бы я вас не знал, я бы не пришел столь издалека, — отвечал Щелчок.

— Не ты ли тот король, который ненавидит брак?

— А почему бы мне им не быть?

— Однако, несмотря на это, ты все же желаешь иметь детей?

— Даже если так, что в этом дурного? — ответил король.

— Я доволен тобой! — воскликнул Сомкнутый Глаз. — Плохо бы тебе пришлось, если бы ты хоть на один из моих вопросов ответил односложным утверждением или отрицанием, которые мне ненавистны. Можешь ли ты обещать, что не будешь ими пользоваться, пока не вернешься в свое королевство? Если обещаешь, я выполню твоё желание.

Услышав столь сладостные слова, Щелчок потерял голову от счастья. Он кинулся на колени перед пастухом и воскликнул:

— О да, я вам это обещаю!

Не успел король произнести это несчастное «да», как Сомкнутый Глаз впал в настоящее бешенство, все его глаза засверкали и стали метать молнии, а изо рта вырывались огонь и пламя. Он свистнул в пальцы, и тут же один из самых крупных баранов стада оказался между ног Щелчка, вырос до невероятных размеров и припустился галопом, унося на спине несчастного короля, которому ничего не оставалось, как только вцепиться в его шерсть, чтобы не упасть и не разбиться.

Баран несся как угорелый без остановки девять дней и девять ночей, проделав за это время около

четырёх тысяч триста семидесяти семи парижских лье, остановился у глубокого обрыва и скинул в него короля Щелчка. Несчастный долго катился вниз, ушибаясь о выступающие скалы, и, когда он оказался у ног отвратительного чудовища, на нем уже не было живого места.

Хотя по формам своим чудовище это напоминало человека, назвать его так было невозможно, потому что голова у него была деревянная, вместо глаз сверкали изумруды, борода была из мха, волосы — из медной проволоки, уши — из пробки, зубы — из выделанной кожи, нос — из папье-маше, руки — из рогов, тело — из стекла, ноги — глиняные, а ступни — выкованы из железа.

— О! — воскликнуло оно, увидев упавшего короля, — наконец-то можно будет снова ударить в колокол, давно у нас не было подходящего языка!

Оно тут же схватило Щелчка и привязало его ногами к цевью вырубленного из камня колокола, который висел между двух скал, так что голова короля оказалась отличным языком. Конечно, она тут же разлетелась бы в куски, если б чудовище не сделало ее тверже алмаза, облив особой жидкостью, рецепт которой знало только оно. Однако этот рецепт, столь редкий в те давние времена, стал впоследствии широко известен, вот почему в нашем обществе теперь столько твердоголовых. Именно в этом ущелье и собирались великие шабаши нечистой силы. Удары колокола разносились в округе десяти тысяч лье, и, едва заслышав звон, все колдуны и колдуньи вскакивали верхом на метлы и мчались на зов.

Король Щелчок провисел вот так, вниз головой, в течение трех месяцев, пяти дней, семи часов, четырех минут, не считая еще нескольких секунд. И за все это время у него во рту не было ничего, кроме горчичного слабительного, которое чудовище исправно давало ему

каждое утро. Свое наказание король терпел с удивительным смирением, утешаясь мыслью, что он хотя бы ничего не тратит на жизнь. Он и посейчас висел бы там, не выручи его счастливый случай.

Однажды, было это, если не ошибаюсь, в канун иванова дня, колокол созвал всех на очередной шабаш, и Сомкнутый Глаз роскошно угощал своих гостей. Во время этого пира одному из самых знаменитых колдунов до смерти захотелось отведать репового соуса, но, как на грех, никто из присутствующих не знал этого рецепта. Разгневанный колдун решил немедленно покинуть шабаш и уже сел было на свою метлу, но тут король Щелчок, который, болтаясь в колоколе, все слышал, сказал, что он прекрасно готовит реповый соус и сумеет доказать, если его отвяжут, что он не из тех, кто зря хвастается. Он и на самом деле в свое время научился неплохо готовить для того, чтобы потом уволить кухарку.

Сомкнутый Глаз тут же приказал отвязать короля от колокола и за вкусный соус посулил даровать ему не только свободу, но и наследников.

Король взялся за дело без промедления и в два счета приготовил такой вкусный реповый соус, что пальчики оближешь.

Сомкнутый Глаз был очень доволен и дал Щелчку в награду два яйца, наказав одно бережно хранить, а другое — разбить, как только он вернется в свое государство. Счастливый король готов был рассыпаться в выражениях благодарности, столь длинных, сколь и скучных, но все три раза, что он открывал рот, ему мешала непроизвольная зевота, и в конце он впал в глубокий сон. Долго ли он проспал, неизвестно, но, проснувшись, был приятно удивлен, обнаружив, что находится в своем дворце и что возле него лежат оба яйца. Их вид доставил ему такую радость, что он сразу забыл все перенесенные страдания.

Он тут же собрал вельмож, рассказал им про свое трудное паломничество, а потом, повинуясь приказу Сомкнутого Глаза, разбил одно из яиц.

И весь двор увидел, как из него вышла крошечная девочка, красивая, как ангел небесный, одетая в богатые одежды и вся увешанная жемчугом и бриллиантами. Но самым невероятным было то, что малышка стала расти на глазах у всех, очень скоро обрела рост и облик пятнадцатилетней девушки, и сразу стало ясно, что по обаянию, изяществу и уму ей нет равных на свете.

Присутствующие разинули рты от удивления, и даже сам король не смел вымолвить ни слова.

Юная принцесса, которой тут же дали имя Скорлупка как в память об ее необычном появлении на свет, так и из-за ослепительной белизны ее кожи, первой прервала молчание и голосом более нежным, чем флейта, обратилась к королю вот с такими изысканными речами:

— Сударь, я знаю, сколь я вам обязана, какие страдания вы великодушно претерпели, чтобы дать мне возможность увидеть божий свет. Отныне я буду стараться каждодневно выражать вам свою горячую благодарность, любовь и уважение, которое такой отец, как вы, внушаете такой дочери, как я.

Король, исполненный восторга и нежности заключил ее в свои объятия, называя своей куколкой, своей доченькой и еще сотней других столь же нежных имен. При этом слезы радости лились у него из глаз и ее глаза тоже не остались сухими. И все придворные, созерцая эту трогательную сцену, тоже принялись кто вздыхать, кто реветь, как белуга, а кто и кричать, как осел, и наперебой поздравлять короля Щелчка с таким замечательным продолжением рода.

И тут прелестная принцесса снова заговорила:

— Я не знаю, какая судьба меня ожидает. Зато знаю, что, поскольку у меня не было детства, у меня никогда не будет и старости, и что, сколько бы я не прожила, я не потеряю ни юности, ни привлекательности, которыми небу было угодно наградить меня при моем появлении на свет. А мое счастье или несчастье зависит всецело от того второго яйца, которое всезнающий Сомкнутый Глаз велел вам беречь. Яйцо это всегда должно быть при мне, поэтому я и прошу вас соизволить мне его вручить.

И принцесса открыла резную шкатулку из чистого золота, украшенную сапфирами и топазами, которая висела на ее поясе на цепочке из бриллиантовых колечек. Внутри шкатулка была выложена алым пухом, столь нежным и воздушным, что никакой шелк не мог с ним сравниться. В этот пух принцесса и положила свое драгоценное яйцо и закрыла шкатулку с помощью пружинки, сделанной настолько искусно, что даже ястребиный взгляд ее бы не обнаружил — только сама принцесса знала, как ее можно открыть.

Во всем королевстве необычайно пышно отпраздновали появление наследницы престола. Даже самый последний из его подданных, чтобы не отстать от других, украшал свои двери гирляндой из яичных скорлупок, и таким образом в королевстве вскоре стало не хватать скорлупок, их пришлось выписывать из-за границы, причем в большом количестве. Они были развешаны на площадях и улицах: ничто не могло придать городам более праздничного вида.

Эти торжества длились бы еще долго, но внезапно их прервало весьма печальное событие, о чем я вам сейчас и поведаю.

Недалеко от дворца было расположено озеро, полное сладкой каши, которое, заметим, приносило королю Щелчку немалый доход, потому что ее покупали все няньки, чтобы кормить детей. Его величество

собственной персоной продавал эту кашу в розницу: не говоря уже о том, что это было куда более выгодно, товар таким образом не проходил через руки откупщиков и посредников, чья честность в те далекие времена оставляла желать много лучшего, как, впрочем, и теперь. Это озеро, которым Щелчок так дорожил, и оказалось причиной его беды.

В самый разгар празднеств, в которых, по воле короля, должны были участвовать все подданные, в одно прекрасное утро к его дворцу подъехала колесница. Ее тянули двенадцать гусениц натуральной величины, причем на каждой из них красовалась попона из луковой шелухи, а их рожки были увиты листьями чеснока с кисточками из усиков порея.

В колесницы, которая была ни чем иным, как выдолбленной тыквой, гордо восседала крошечная женщина ростом в несколько вершков, но с лицом шириной в локоть, однако нос на нем можно было разглядеть лишь с помощью микроскопа, потому что он был не крупнее зернышка проса. Зато грудь у нее была столь обширна, что ее приходилось класть на тачечку, которую толстушка толкала впереди себя, когда ходила пешком. Именно поэтому ее в юные годы хотели назначить кормилицей всех тринадцати кантонов, но она великодушно отказалась от этой чести, потому что была по натуре скромна и лишена всякого честолюбия.

Два роскошных рыбьих хвоста были вплетены в ее пышные волосы и изящно ниспадали ей на плечи. Связка лука служила ей ожерельем, а две репки — серьгами.

Догадываетесь ли вы, кем была эта маленькая толстушка, которую я прямо вижу перед собой всякий раз, как ее вспоминаю?

Это была людоедка. Хотя фей, как я уже говорила, в те времена было еще мало, людоеды встречались повсеместно. Эта людоедка съела столько вафель и

трубочек с кремом, что вконец испортила себе зубы и была уже не в состоянии есть свежее мясо, к своему великому горю, но зато к великой радости всех соседских детей.

Звали ее Канкан, и она препротивно гнусавила из-за своего крошечного носа.

Сойдя с колесницы и показавшись придворным во всей своей красе, Канкан тут же отправилась в апартаменты короля, который, не предчувствуя никаких каверз, бесшабашно бражничал со своими друзьями.

— Король, — сказала она ему, — узнаешь ли ты людоедку Канкан? Я снизошла до того, что прошу тебя о милости. Судьба ко мне безжалостна, я теперь обречена есть одну только кашу, поэтому я прошу тебя отдать мне свое озеро. Но, прежде чем ответить, подумай о том, что я могу силой отнять у тебя то, что в твоей власти мне великодушно уступить.

— Ах, как бы не так! — воскликнул король Щелчок. — Каша у меня есть, да не про вашу честь! Носом не вышла, да все туда же лезет!

Наш добрый король был уже навеселе и поэтому указал пальцем на крошечный нос Канкан, и тогда его собутельники, чтобы ему потрафить, принялись твердить наперебой, стараясь перекричать друг друга: «Носом не вышла! Носом не вышла!»

Людоедка, услышав эти крики, так разозлилась, что стала краснее свеклы. Она в бешенстве кинулась на короля и щелкнула его в нос пробормотав при этом какие-то слова, которые никто толком не расслышал. Вслед за тем она выбежала из дворца, прыгнула в колесницу и гусеницы заскакали резвым галопом.

А у короля тем временем вытянулся нос и начал расти на глазах, да с такой быстротой, что пришлось тут же начать наворачивать его на ворот, как я уже рассказывала в начале этой правдивой истории. Он очень скоро стал таким длинным, что, если бы его не

наматывали, его можно было протянуть из конца в конец королевства.

Однако зловредная Канкан на этом не остановилась, она отняла у короля и озеро с кашей. Таким образом, в один и тот же день Щелчка постигло два страшных несчастья, причинивших ему одинаковое горе: нос его стал неуклонно увеличиваться, а доходы столь же неуклонно уменьшаться.

А тем временем молва о красоте Скорлупки распространилась все шире, о ней говорили теперь во всех соседних королевствах, слагали легенды.

Принц Хек, повелитель острова Засол, поторопился выслать послов, чтобы просить у короля ее руки. Он хорошо знал, сколь скареден был Щелчок, и поэтому предложил взять Скорлупку в жены без приданного, да и свадьбу сыграть за свой счет, а кроме того, посылать королю каждый год во время поста большое количество вяленой трески, селедки и всякой другой соленой рыбы. К тому же он пообещал Щелчку, чтобы украсить его дворец, взять на себя расходы по постройке роскошных отхожих мест.

Такие предложения соблазнили нашего скупердяя, и он тут же дал свое обещание на брак, даже не посоветовавшись со Скорлупкой.

А принц Хек между тем не имел никаких шансов тронуть нежное сердце юной принцессы: он был темнолиц и дурно сложен, отличался гнусным характером и плоским умом и к тому же вонял хуже, чем тухлая рыба.

Добавим ко всем этим прелестям, что он был злой, надменный, тщеславный, воображал, будто все красавицы по нему вздыхают, и считал, что совершает мезальянс, остановив свой выбор на Скорлупке.

Как только послы передали ему согласие короля, он сел на морского ската и со своей многочисленной

свитой, вооруженной морскими иглами и защищенной броней из раковин, отправился ко двору короля Щелчка.

А Щелчок втайне вел необходимые приготовления для свадьбы и, назначив день, призвал к себе Скорлупку, которая пока еще понятия не имела, какая жестокая судьба ей была уготована, и обратился к ней со следующими словами:

— Ты знаешь, моя дорогая дочь, с какой нежностью я всегда к тебе относился. Сегодня ты в этом лишний раз убедишься, оценив по достоинству мужа, которого я тебе подыскал: это человек вполне состоятельный, я бы даже сказал, богатый, у него свой дом, земельные владения и рента. Одним словом, речь идет о принце Хеке, которого ты с этой минуты уже должна считать своим мужем, поскольку он им станет через три дня. Ты молчишь? Что же ты не бросилась на шею своему папочке, чтобы поблагодарить его за такую хорошую новость?

Скорлупка задрожала, услышав о столь неожиданном решении короля, и упала перед ним на колени.

— Отец, — сказала она, — если вы дорожите мной, если своим уважением к вам я заслужила вашу любовь, то не отлучайте меня от себя, не отправляйте на чужбину, где я буду безутешно горевать оттого, что нахожусь в разлуке с вашим величеством.

— Дочь, — ответил Щелчок, — я тронут твоим добрым сердцем, поверь, пережить нашу разлуку мне будет еще труднее, чем тебе. Но я дал согласие, меня подвигли на это весьма веские доводы, и никто не в силах помешать мне сдержать данное мною слово. Я не желаю ничего слушать. Почтительно молю мне внять в последний раз, могу принудить я свой выполнить приказ.

Эту реплику Щелчок вычитал в какой-то трагедии и был очень горд, что нашел случай столь уместно ею

воспользоваться. Затем он повернулся спиной к Скорлупке и удалился, оставив ее наедине со своими печальными мыслями. Только она хотела запереться у себя в комнате, чтобы дать волю слезам, как ей доложили, что явился тот, по чьей вине она собралась их проливать.

Принц Хек бесцеремонно вошел и бросился к несчастной принцессе, чтобы заключить ее в свои объятия, а у нее едва хватило сил его оттолкнуть.

— Вы небось себя не помните от радости, что такой красивый малый, как я, готов вас взять в жены. Я нахожу, что вы вполне милы и заслуживаете моей милости. Поверьте, я даже не очень сожалею о той глупости, которую совершаю, вступая в брак.

Природная мягкость принцессы не позволила ей показать всю меру возмущения, которое охватило ее от слов принца.

— Принц, — ответила она, — я понимаю, что ваш выбор большая для меня честь. Я знаю также, что вы получили согласие моего отца. Но если вашему сердцу ведомы великодушие и сострадание, то сжальтесь над бедной принцессой, которая испытывает непреодолимое отвращение к браку.

— Это пустяки, сущие пустяки, — сказал Хек. — Моя бабушка, которая отнюдь не была дурой, мне не раз говорила, что все девушки так глупо себя ведут, когда им говорят о свадьбе, но это, как говорится, лишь отход на разбег. Я достаточно искушен в таких делах, чтобы видеть, что вы смотрите на меня с вожделением, вам бы хотелось, чтобы я уже был ваш, ведь верно, плутовка?

— Бог свидетель, — возразила Скорлупка, — что я с вами говорю вполне искренне, я не умею скрывать своих чувств и клянусь вам, что я обнажила перед вами свое сердце.

— Очень жаль, моя прелесть, — сказал Хек, — но мы сумеем справиться с этим строптивым сердечком, не

сомневайтесь. Чтобы оно смягчилось, разрешите один поцелуй!

С этими словами он снова подошел к принцессе и попытался даже ее поцеловать.

— Наглец! — воскликнула она. — Остановись, не доводи меня до отчаяния, не то я буду на все способна!

Хек не ожидал такого отпора, он стоял, словно в рот воды набрал, потом наклонил голову, почесал затылок и вышел, так и не проронив ни слова.

Что касается принцессы, то это объяснение отняло у нее столько сил, что она без чувств упала на руки своих служанок.

Обморок оказался таким длительным, что все уже стали опасаться за ее жизнь и решили, что необходимо сообщить Щелчку, какая ей грозит опасность.

Одну из служанок — звали ее Болтушка — отправили к королю с печальной вестью.

Болтушка была до того болтлива, что второй такой днем с огнем не сыщешь. Она с радостью взялась выполнять поручение, ибо ей лишний раз представился случай проявить дарованный ей небом талант: употреблять много слов без всякого толка. Каждое третье слово сопровождала она поговоркой или присказкой, благодаря чему летописцам удалось установить ее родственную связь со знаменитым Санчо Пансой, самым верным из слуг, — его дядя был ее тетей.

Болтушка рассказала о случившемся так, как и следовало ожидать от такой умницы-разумницы, как она: она сильно преувеличила грубость принца Хека, рыдала, говоря о больной принцессе, уверяла, что Скорлупка, несомненно, уже умерла, осуждала отцов, которые своей жестокостью ввергают дочерей в отчаяние, и тут же попыталась рассказать историю одной своей родственницы, которая в подобной ситуации предпочла смерть.

Щелчок не стал ее слушать, а побежал в апартаменты своей дорогой Скорлупки, которая все еще лежала без сознания. Вместе со служанками он стал приводить ее в чувство, и наконец несчастная принцесса открыла глаза, и тут же из них градом полились слезы. Король испытал к ней сострадание, пожалел, что был столь суров и непреклонен с этим прелестным созданием. Уходя, он пообещал переговорить с принцем и взять назад данное ему обещание.

Эти слова несколько успокоили Скорлупку. А король сразу же отправился к принцу и рассказал, в каком ужасном состоянии он нашел юную принцессу, объяснил, что она испытывает явное отвращение к браку и что поэтому их помолвку надо разорвать или, во всяком случае, отложить предстоящую свадьбу на неопределенный срок.

— Что ж, — сказал он, — раз вы неверны своему обещанию, воля ваша, вам решать, кому отдать Скорлупку в жены, не такой уж она лакомый кусочек, чтобы из-за нее биться, и без нее найдется немало принцесс, которые за счастье сочтут войти в семью Хеков. Однако, прежде чем забирать свое слово, вам следовало бы подумать о той протекции, которую я могу вам составить у людоедки Канкан, с которой я связан теснейшими узами родства. Вы ведь знаете, что мой прадедушка в первом браке был женат на крестной отца матери одного человека, троюродный брат которого был влюблен в тетку мужа этой крестницы, имевшей родственника, дружившего с этой людоедкой. К тому же мой дедушка и ее дедушка были нашими общими дедушками. Судите сами, в силах ли она будет мне отказать, если я попрошу ее расколдовать ваш нос и вернуть вам то озеро сладкой каши, которое она у вас отняла.

Услышав, что есть надежда получить обратно озеро, Щелчок, который никак не мог примириться с этой потерей — его скупость была так велика, что он был готов пожертвовать всей своей семьей и даже своей собственной персоной ради накопления богатств — бросился Хеку на шею и стал его уверять, что он лучший принц в мире, а Скорлупка — просто дурочка, если не может его оценить по достоинству. Пусть умирает с горя, но она станет его женой, такова воля отца. Не откладывая дела в долгий ящик, король тут же вернулся к дочери и обратился к ней со следующими словами:

— Я обещал тебе, моя бедная Скорлупка, что я изменю свое решение. Я только что разговаривал с принцем Хеком и сделал все возможное, чтобы убедить его разорвать вашу помолвку. Но если ты узнаешь, на каких условиях он просит твоей руки, ты, быть может, сделаешь над собой усилие и ради твоего дорогого папочки согласишься на этот брак. Да, моя дорогая дочь, если ты выйдешь за него замуж, он обещает уговорить Канкан вернуть мне мой бульдожий нос, и я больше не буду ходить с этим уродливым длиннющим носищем, который приносит мне столько страданий. Короче говоря, дитя мое, нос твоего короля находится в твоих руках, тебе достаточно произнести одно слово, и судьба его решится.

Добрый король Щелчок был хитрецом и поэтому ни словом не обмолвился о том, что Хек пообещал ему вернуть и озеро с кашей, но он поостерегся об этом упоминать, чтобы не прослыть таким скупцом, каким он был на самом деле.

— Докажи мне лишний раз, — продолжил он, помолчав, — сколь велика твоя любовь ко мне. Не спорю, принца Хека не назовешь красавцем, и не буду отрицать, что он пахнет морскими водорослями. Но ко всему этому можно в конце концов привыкнуть. И уж

поверь, ты будешь не первой красавицей, которая взяла себе в мужа урода.

— Сударь, — ответила Скорлупка, — я испытываю к принцу такое отвращение, его наглые манеры вызвали у меня такой ужас, что мне легче было бы принять самую жестокую смерть, чем навеки соединить свою жизнь с таким чудовищем. Ни просьбы, ни угрозы не могли бы меня поколебать, но сейчас сердце мое дрогнуло, поскольку речь идет о вашем интересе. Я буду послушна вашей воле и не позволю себе даже не единой жалобы. Раз ваше счастье зависит от моего послушания, то вопрос решен: заверьте принца, что я готова отдать ему свою руку.

Король Щелчок пришел в восторг, поцеловал свою дорогую дочь и побежал сообщить принцу Хеку об этом неожиданном обороте дела, а также дать все распоряжения для свадьбы.

Скорлупка оказалась в таком тяжелом положении, что и вообразить нельзя: каждый день ей приходилось терпеть все новые наглые выходки со стороны Хека, который не покидал ее ни на час, если не считать того, что он ездил на охоту добывать всякую пакость, которая для него была лакомством. Только в эти редкие часы принцесса могла свободно предаваться своей печали и жаловаться верной Болтушке, ибо другой наперсницы у нее не было.

Болтушка никак не могла взять в толк, зачем плакать в канун свадьбы, и находила немало глупых доводов, пытаясь утешить свою принцессу.

— Что вы убиваетесь день-деньской? — говорила она Скорлупке. — Ведь слезами делу не поможешь. Дни сменяли друг друга, но один на другой не похож. Я вам советую запастись терпением, потому что, как говорится, терпение и труд все перетрут. Быть может, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Недаром в песне поется, что нет ничего лучше хорошего мужа,

хотя все знают, даже самый лучший ничего не стоит. Но, как известно, один в поле не воин, да к тому же на всякую старуху бывает проруха. Брак — это как азартная игра, и не известно, где найдешь, а где потеряешь. Как говорила моя крестная, покупайте одного, укусите другого и выберите худшего. Каков бы ни был ваш суженный, постарайтесь его подстричь под свою гребенку, но при этом помните, что всякому овощу свое время, и не стреляйте из пушек по воробьям. Если вы в дальнейшем не будете довольны своей судьбой, то впору вам напомнить, что сама себя раба бьет, коль не чисто жнет. Как известно, на всякого мудреца довольно простоты, но не забывайте, что лиха беда начало.

Конечно, слушая меня, вы скажете, мол, чужую беду руками разведу, но ведь все равно никто еще сухим из воды не выходил. Так или иначе, я утверждаю, что у страха глаза велики, а конец — делу венец, и не скажи «гоп!», пока не перескочишь.

Болтушка была готова часами разговаривать на такую увлекательную тему, но принцесса, которая в отличие от многих, не забавлялась слушая глупости, приказала ей замолчать.

Наконец наступил день этой роковой свадьбы. Все музыканты города были приглашены во дворец, а повара не успевали снимать пену с кипящих котлов и вертеть вертела. По этому торжественному случаю улицы были подметены, и на них толпился народ, чтобы поглядеть на красавицу невесту и уроду жениха. Все радовались предстоящему празднику, или, во всяком случае, казалось, что радуются, печальной была только бедная Скорлупка. Она покорно сидела, пока ее причесывала Болтушка, но была не в силах произнести ни слова. Сейчас ее, невинную жертву, поведут к алтарю, и она, не позволив себе даже вздохнуть, вынесет все до конца.

Свадебный кортеж двинулся из дворца в следующем порядке: впереди всех был принц Хек, он сидел верхом на своем скате и его сопровождала многочисленная свита. Следом показался нос короля, который величественно несли двое его пажей, а вокруг шло пятьдесят человек, роскошно одетых, — это были самые умелые мастера щелчков и, да будет нам позволено так выразиться, не переставая, прямо на ходу, щелкали королевский нос. Это придавало всему шествию величественность и великолепии, доселе не виданные. Затем шел сам король, ведя под руку несчастную Скорлупку.

Принцесса вызвала восхищение всех зевак. Каждый восклицал: «Ах, какая красавица! Ой, какая жалость!» Улицы прямо гудели от этих возгласов.

Кортеж замыкали музыканты, игравшие кто на чем горазд. Были тут и флейты, и барабаны, и флажолеты, и корнет-а-пистоны, и простые свистки, и колокольчики, и морские дудки и бубенчики, и гитары, и рупора, и всякие другие инструменты, звуки которых сливались в самую прекрасную в мире гармонию.

Свадьба неуклонно продвигалась вперед. Она приближалась уже к собору, как кто-то закричал: «Ой, смотрите, летят журавли!» Тут уместно будет сказать, что каждый год в течении шести месяцев над этим королевством пролетало такое количество журавлей, что воздух ими кишмя кишел и часто даже не было видно солнца.

А в этот год журавли почему-то долго не прилетали, что заставляло стариков говорить, будто королевству грозит великое несчастье.

Поэтому, как только слышались крики: «Летят журавли!», каждый, кто был на улице, радовался, задирая голову и подтверждал: «И правда, вон они летят!»

Король отличался безумным любопытством, известно, что это слабость всех великих людей. Он остановился и захотел, как и все, поглядеть на журавлей. Но из-за крайней длины своего носа он был не в состоянии задрать голову, и это его ужасно огорчило.

Знаменитый инженер, который случайно оказался рядом, предложил подпереть ворот, на котором был накручен королевский нос, огромной вилкой, и с его помощью поднять его. Так как этот инженер был еще и великим физиком, он сразу сообразил, что таким способом королевская голова откинется назад, и король сможет любоваться журавлями, сколько его душе будет угодно. Предложение сочли очень дельным, и придворные тут же принялись его осуществлять. Итак, король утешился тем, что смог наконец увидеть журавлей, и зрелище это показалось ему до такой степени занимательным, что он велел принести себе стул, чтобы не торопясь и удобно устроившись, всласть наглядеться на птиц.

Однако не прошло и минуты, как один из журавлей, тот, который летел ниже остальных, принял нос бедного короля за требуху и с жадностью накинулся на него. Потом еще один журавль последовал примеру первого, за ним — третий, между ними тут же завязалась драка, во время которой они опрокинули ворот, а следовательно, размотали нос. И тогда все несметное количество журавлей налетело на нос, будто коршуны, каждый желал вырвать себе лакомый кусочек. Глядеть на это было и смешно, и страшно.

Легко себе представить, что такой журавлиный бой причинил королю Щелчку ужасные страдания. К тому же его наверняка унесла бы эта несметная стая птиц, если бы люди из свиты короля не держали его изо всех сил.

Но этим дело не кончилось. Первые журавли, так и не сумев поживиться и устав бессмысленно клевать нос, еще не успели улететь, как прилетели новые, тоже приняли этот нос за требуху и с той же жадностью, что и первые, накинулись на него. Так стало ясно, что, пока не пролетит вся стая, конца королевской пытке не предвидится, а на это уходило, как мы уже говорили, не меньше шести месяцев.

Ужасное происшествие с журавлями, естественно, прервало ход свадьбы. И хотя принц Хек, нимало не заботясь о короле, бестактно требовал от Скорлупки, чтобы она, невзирая ни на что, шла скорее в храм венчаться, она, естественно, не могла на это согласиться. Тогда он ее покинул, решив, чтобы не терять зря времени, поохотиться, как обычно, на всякую пакость.

А Скорлупка поспешно вернулась во дворец и приказала собрать всех самых знаменитых врачей королевства в надежде, что они найдут средства облегчить страдания короля.

Больше ста гонцов отправились во все концы страны, а принцесса, у которой было самое доброе в мире сердце, предалась отчаянию. И в тот момент, когда она собралась вернуться к королю, чтобы его утешить хоть словом, она увидела, что ко дворцу подъехал молодой всадник, красивый как бог. Не буду его описывать, достаточно сказать, что, не считая Скорлупки, он был самым совершенным созданием на свете.

Он сидел верхом на великолепном белоснежном коне, седло его было из пряников, стремяна — из кожуры апельсина, а уздечка — из жженого сахара.

У этого очаровательного всадника латы были из леденца, с его плеч свисал плащ лимонного цвета, элегантно подхваченный пряжкой из цветов апельсина.

Его сопровождало шестьдесят всадников, все они восседали на таких же белоснежных конях, и у каждого в руках были сплетенные из лимонной кожуры роскошные корзины, наполненные доверху всевозможными драже, засахаренными орехами, карамельками, пастилой, пралине, меренгами, ромовыми бабами, эклерами, трубочками с кремом, корзиночками со взбитыми сливками, а также анисовым монпасье из Вердена, черносливом из Тура, пряниками из Реймса, бисквитами из Гавра, сардельками с улицы де Бар, голландским сыром и мылом из Булони.

Хотя Скорлупка была в страшном горе, она не смогла не залюбоваться этой изящной кавалькадой и не остановит внимательного взгляда на том, который, судя по его облику, был их предводителем. Она даже шепнула своей наперснице Болтушке, что при дворе еще в жизни не видела такого ладного кавалера.

— Верно, — поддакнула Болтушка, — этот господин недурно сложен, но справедливо говорят, что по одежке встречают, по уму провожают и как аукнется, так и откликнется. Если бы ваш урод Хек был бы сработан по этой модели, вам бы не хотелось бежать куда глаза глядят и вы бы не рыдали как белуга. Но, повторяю, давайте запасемся терпением, как говорится, человек полагает, а бог располагает, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а смеется тот, кто смеется последним. Я видела немало людей, которые сражаются с ветряными мельницами, зато другие всегда выйдут сухими из воды и за словом в карман не полезут. И я не стану повторять, что поспешишь — людей насмешишь, прежде чем полюбить, надо познакомиться, ибо не все то золото, что блестит, и нам с лица не воду пить. Молодые люди всегда делают хорошую мину при плохой игре, глаза-то у них завидующие, и вы сами знаете, что значит пустить козла в огород. Впрочем, с волками жить — по-волчьи

выть, с этим не поспоришь, хотя верно и то, что рыбак рыбака видит издалека. А еще хочу вам сказать, что береженого бог бережет, а снявши голову, по волосам не плачут. И хоть деньги счет любят, не в деньгах счастье. Плохо плыть по житейскому морю без руля и без ветрил, это точно, но если зайца долго бить, то можно его научить и спички зажигать. Одним словом, жизнь прожить, не поле перейти, а чем дальше в лес, тем больше дров, в этом не сомневайтесь.

К тому времени всадник оказался уже так близко от принцессы, что Болтушке пришлось придержать язык — давать советы стало уже неудобно. Приветствуя принцессу самым обходительным образом, всадник склонился так низко, что едва не коснулся лбом седла, а потом легко спрыгнул на землю и, попросив разрешения остановиться во дворце, пожелал, чтобы его без промедления проводили в покои.

— Если бы в вашем королевстве зазвенели во все колокола и принялись бы палить из всех пушек, то шум этот все равно не мог бы сравниться с тем, который наделала во всем мире молва о ваших неотразимых прелестях, сударыня, — произнес он весьма учтиво, но вместе с тем уверенно. — А теперь я убедился, что самые восторженные слухи на этот счет, которые до меня долетали, столь же бессильны передать великолепие оригинала, сколь вывеска пивной не способна передать свежесть пива. Я — принц Леденец, — добавил он, — наследник королевства Марцепании. Однако на свою беду, я был изгнан из родного королевства и уже давно брожу по свету, посещая те дворы, чьи сюзерены соизволяют устраивать пышные торжества. Это мое единственное занятие. Празднества, которыми должна быть отмечена ваша свадьба, и привела меня сюда, к вашему двору, и я надеюсь, что вы позволите придать им особый блеск,

приняв те редкостные дары, которые производит наша земля и которые я осмеливаюсь вам преподнести.

И тут все шестьдесят всадников положили к ногам принцессы свои корзины.

— Более блестящего подарка и вообразить нельзя, — сказала Скорлупка Леденцу, — и я вам за него весьма признательна. Но вы выбрали неудачный момент, чтобы говорить со мной о празднике. Если вы гонитесь за удовольствиями, покиньте скорей этот двор, где царит отчаяние из-за несчастья, постигшего только что короля, моего отца.

И Скорлупка рассказала Леденцу про беду, случившуюся с королем, и пролила при этом немало слез. Слова принцессы тронули принца, и он впервые ощутил доселе не ведомые ему движения сердца.

— Верно, прелестная Скорлупка, — сказал он, — что до сих пор я был повесой и интересовался только развлечениями и удовольствиями. Я тщательно избегал все печальные или даже просто серьезные сборища, но, видно, сам дьявол вмешался в это дело, ибо я чувствую, что больше не в силах соблюдать правило, которое я сам для себя установил. Да, милая принцесса, я испытываю необоримое желание разделить с вами все ваши горести. Я был бы несказанно счастлив, если бы благодаря моему повидлу вы снова обрели бы потерянный душевный покой и счастье, которое вы так заслужили.

Леденец произнес свою речь с подлинной страстью, а Скорлупка слушала его в молчаливом смущении, и опытные физиономисты, внимательно наблюдавшие за этой сценой, уверяли меня потом, что с той минуты им стало ясно: эти молодые люди влюбятся друг в друга до безумия.

— Изменить ради меня вот так, разом, свой образ жизни и свои вкусы — это великая жертва, и сердце мое исполнено к вам благодарности, — вымолвила наконец

принцесса. — Идемте, принц, поглядите на это печальное зрелище, из-за которого я проливаю столько слез.

Леденец тут же подал принцессе руку, и они вместе поспешили навестить Щелчка. Король был все в том же положении, в котором его оставила Скорлупка: его нос развевался на ветру, как знамя, к тому же его беспощадно клевали не меньше миллиона журавлей, которые, не испытывая к его величеству должного почтения, разукрасили его лицо и бороду своим пометом.

Щелчок отнюдь не отличался терпением, поэтому все время топал ногами, но эти вспышки гнева не приносили ему облегчения, и, лишь услышав, что вот-вот придут врачи, он немного успокоился.

Леденец, выразив Щелчку свое сочувствие с присущей ему сладостью, предложил, чтобы развлечь короля, поведать ему о своих собственных бедах. Когда принесли стулья, он сел между Щелчком и Скорлупкой и начал свой рассказ со следующих слов.

История принца Леденца

Король Эклер, повелитель страны Марципании, взял себе в жены Лакомку, самую красивую и блестящую принцессу своего времени. Вскоре после свадьбы она понесла под сердцем плод, но к концу беременности стала есть столько сладостей, что умерла во время родов. В память об этом меня и назвали Леденцом.

После смерти своей любимой супруги король был сперва безутешен и каждый день проливал не меньше полбочки слез. Но горе не может длиться вечно, ему было скучно жить вдовцом, и он вступил в новый брак с принцессой Эссенцией. Насколько моя мать отличалась мягкостью и доброжелательностью, настолько Эссенция была хитрой, завистливой, любопытной, сварливой и неуживчивой. Ко мне она с самого начала питала сильную антипатию, которая переросла в настоящую вражду после того, как она родила дочь. Девочку назвали Орешенька из-за темного цвета ее кожи, а может, еще и из-за того, что Эссенция безумно любила грызть орехи, ими были набиты все ее карманы. К слову сказать, некоторые историографы, ссылаясь на это обстоятельство, утверждали, будто она родом из Амьена.

Власть, которую новая королева возымела над Эклером, проявилась прежде всего в том, что она заставила его изменить герб королевства, на котором вот уже пятнадцать, а то и двадцать тысяч лет была изображена морда быка, переkreщенная петушиными лапами. Бычью голову она заменила на коровью, а петушиные лапы на лапы каплуна. Эти своевольные новшества сильно взбудоражили умы, и все возненавидели королеву, которая их навязала.

Она не смогла смириться с тем, что я — законный наследник королевства Марципании, и мысль, что ее ненаглядная Орешенька станет когда-нибудь моей подданной, была ей до того невыносима, что она решила сыграть со мной самую злую из всех шуток, которые ей подсказывал ее дурной нрав. Еще во времена нашего детства родители всегда были ко мне несправедливы, а мою сестру Орешеньку баловали и всячески выказывали ей свое предпочтение, хотя она с самого младенчества была хитра и завистлива — вся в мать. Она меня постоянно обижала, но мне было запрещено на нее жаловаться.

Если мы играли в салочки, то она осаливала меня кулаком между лопаток изо всей силы, а если в прятки, то запирала в чулан и днями оставляла там без еды и питья. Когда мы играли в крокет, она била меня молотком по лодыжкам, а когда в классики, то толкала меня, да так, что я расквашивал себе нос. Когда мы играли в серсо, она колола меня палкой, словно шпагой, а когда в жмурки, то, неслышно подкравшись, лила мне за шиворот холодную воду. Если она проигрывала в шашки, то лупила меня доской по голове, а если в шахматы, то засовывала мне пешки в ноздри. А когда мы играли в чехарду, она вскакивала мне на спину, стискивала меня своими острыми коленками до синяков и гоняла по комнате, пока я не падал обессиленный. Но хуже всего с ней было играть в лото: она обстреливала меня деревянными бочоночками, как из мортиры. Мне надоело все время оказываться в дураках, и я постоянно менял наши игры, но все равно она всякий раз умудрялась меня перехитрить. Когда мы кидали кости, она жульничала, когда садились за карты, подглядывала, а в домино путала костяшки. Стоило нам сесть за крестики нолики, как она тут же перечеркивала все клетки и кричала: «Я выиграла!», а когда мы играли в балду, то на третьей букве я уже

болтался на виселице. Всего не перескажешь. На свете не было ребенка несчастнее меня, а за малейший вздох меня стегали кнутом. Я не могу сказать, что король не испытывал ко мне настоящей нежности, но он был человеком добродушным, мягким, и мачеха всем командовала. Он боялся ее властного характера, не смел ей перечить, и хоть он сокрушался над моей участью, никогда не защищал меня от ее злости.

Помню, как однажды, чтоб отпраздновать день рождения моего отца, все придворные приняли слабительное. Дело в том, что именно так справляли в нашем королевстве самые большие праздники, ибо у нас лекарства не были противными, как в других странах, а слабительным у нас считался медовый пряник, который ели просто в таких количествах, что он оказывал свое лечебное действие. Так вот в тот день, о котором я сейчас вспомнил, все придворные съели невообразимое количество медовых пряников и побежали туда, куда сам король пешком ходит. И тут моя мачеха заявила, что я должен пропустить вперед свою сестру. Хоть я был еще совсем юным, я не мог стерпеть такого публичного ущемления своих законных прав и заявил протест. Тогда созвали государственный совет, и, как мачеха ни пыталась подкупить одних и запугать других, все высказались в мою пользу. И моя честолюбивая сестра была так глубоко оскорблена этим решением, что предпочла вообще не ходить в отхожее место, чем уступить мне дорогу.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я осмелился попросить, чтобы мне выделили мой удел. Мачеха, желая меня унижить, тут же подарила своей дочери несколько замков, а мне выделила садик такой величины, что стоило открыть зонтик, и ни одна капля дождя не упала бы на его землю. К тому же земля эта была такой плодородной, что из тех гусениц, которые как-то утром туда случайно забрались, две умерли с

голоду, а третью постигла бы та же участь, если бы ее не спасли.

Королева высокомерно заявила, что ее щедрость не ограничится этим наделом и что она хранит для меня сто дюжин рубашек, у которых, правда, нет ни переда, ни зада, но она мне их передаст, как только привезут полотно, чтобы сделать им рукава.

Людоедка Канкан, которая в дни моего детства еще питалась свежим мясом, — она его предпочитала вафлям и трубочкам с кремом, хотя они ей были явно по вкусу, — приехала как-то во дворец к моему отцу, чтобы пополнить свой запас этих самых вафель и трубочек, в изобилии растущих на нашей земле. Она получила у нас всего столько, сколько хотела, и пришла от этого в прекрасное расположение духа.

За то время, что она у нас гостила, королева имела с ней несколько секретных разговоров — о чем они говорили, уединившись, так никто и не узнал. Но так или иначе, в день, когда людоедка собралась уезжать, моя мачеха, ссылаясь на то, что желает оказать ей честь, взяла перчатки и муфту и без всякой свиты, не считая Орешеньку и меня, оправилась провожать ее за черту города.

Когда настало время прощаться, Канкан, делая вид, что хочет меня поцеловать, втянула меня в свою колесницу, и едва я там оказался, как гусеницы припустились галопом, увозя меня от жестокой мачехи, которая для виду подняла крик, но меня она этим не обманула.

Колесница мчалась так быстро, что минуту спустя мы уже оказались перед жилищем Канкан — глубокой пещерой, выдолбленной в большой скале. Вход охраняла летучая мышь невероятных размеров. Людоедка велела мне войти в пещеру.

— Вот ты какой, — сказала она, внимательно меня разглядывая, — лакомый кусочек, ничего не скажешь. Я

приготовлю из тебя прекрасное блюдо. Сегодня на ужин у меня есть еда, оставляю-ка тебя на десерт. Или нет, лучше завтра сделаю из тебя такое фрикасе, что пальчики оближешь.

Сказав это, она запихнула меня в какой-то закуток, привалив к выходу обломок скалы. По натуре храбрый как лев, я дрожал там как заяц. Мысль, что завтра из меня сделают фрикасе, меня настолько пугала, что у меня пропало всякое обоняние. Скала, которой был закрыт выход из моего закуртка, была неотесана, поэтому оставались щели, благодаря которым я мог наблюдать, что происходит в пещере. Содрогаюсь, я увидел, что людоедка взяла мальчика примерно моего возраста, аккуратно нашпиговала его салом, живым насадила на вертел и стала поджаривать на тихом огне. Одной рукой она крутила вертел, а другой выколупывала уже подрумянившиеся шкварки и пожирала их с большим аппетитом. Когда мальчик зажарился, она облила его лимонным соком, положила на блюдо, подала на стол и съела. Затем, как настоящая пьянчужка, она стала пить вино, да столько, что тут же заснула. И летучая мышь, охранявшая вход в пещеру, тоже заснула. Окончательно убедившись, что оба чудовища погрузились в глубокий сон, я стал соображать, не удастся ли мне вылезти из закуртка через одну из щелей, в которые я наблюдал за людоедкой. Я долго искал подходящую щель, и наконец мне повезло: я нашел одну, сквозь которую в обычное время я, конечно, не мог бы пролезть, но, как мудро говорит Арлекин, ожидая виселицу, худеешь. Итак, мне все же удалось выбраться из закуртка, правда, с большим трудом, я был весь в крови, в синяках. Я двинулся дальше на цыпочках, едва ступая, и сравнительно легко добрался до выхода из пещеры, заранее благодаря небо за свое спасение. Мне оставалось сделать только один шаг, чтобы оказаться

на свободе, опустил ногу на каменный порог, но это оказалась ловушка, и она с невообразимым шумом захлопнулась. Канкан, конечно, тут же проснулась.

— Это вы, цыпленок? — воскликнула она с издевательской улыбкой. — Вы думаете, что сможете удрать от меня? Уж больно вы хитры, а поглядишь, ведь молоко еще на губах не обсохло. Что ж, с таким, пожалуй, шутки плохи. Придется им сразу заняться, не откладывая дело в долгий ящик. Но вот беда, наелись мы до отвала. Ну ничего, мы его засолим.

С этими словами — у меня кровь от них стыла в жилах — людоедка засучила рукава, поточила нож и подошла к моей каменной клетке.

В этом месте принцу Леденцу пришлось прервать рассказ, потому что прибыли вызванные врачи. Они внимательно осмотрели нос Щелчка, подробно расспросили, где и при каких обстоятельствах произошло то, что с ним произошло, осведомились, как развивается болезнь, и после того как неторопливо все обсудили, употребляя при этом немало греческих и латинских слов, они по зрелом размышлении пришли к выводу, что журавли клюют королевский нос и что это, несомненно, представляет серьезную опасность. А вот по поводу мер, которые необходимо принять, единого мнения не было. Все сошлись на том, что необходимо отрезать королевский нос и отдать его на съедение журавлям. Но из-за того, в каком именно месте надо его отрезать, разгорелся спор. Одни считали, что его необходимо отсечь прямо у основания щек, другие предлагали сделать это чуть дальше, третьи настаивали, что нужно оставить кусок длиной в локоть, четвертые — в десять локтей; нашлись и такие, кто полагал, что меньше двадцати локтей никак нельзя, и каждый в подтверждение своей правоты цитировал Гиппократ, Галена и ряд других авторов, которых в жизни не читал.

Постепенно спор становился все более жарким, от слов перешли к оскорблениям, от взаимных оскорблений к драке, но договориться не удавалось. Перепалка эта продолжалась целых два дня, по истечении которых сошлись на том, что резать нос будут где придется.

Врачи тут же решили приступить к этой удивительной ампутации и поэтому велели, заметим, весьма неосмотрительно, удалиться всем, кто окружал короля и держал его за фалды. И случилось неизбежное: поскольку противодействие тем усилиям, которые делали журавли, разом прекратилось, они унесли несчастного короля в небо, причем все это произошло так стремительно, что никто и охнуть не успел, не то что его удержать.

Легко себе представить, сколь потрясены были зрители этим новым несчастьем. Они долго следили за полетом журавлей, вцепившихся клювами в свою королевскую добычу, но птицы летели так быстро, что вскоре скрылись из виду.

Бедная Скорлупка причитала так жалостливо, что заплакали даже фонтаны, а ее стоны, подхваченные эхом, прокатились по всему королевству.

Леденец тщетно старался утешить принцессу, ее страдание было так велико, что она упала без чувств и ее пришлось унести во дворец. Принц не отходил от нее ни на шаг, он как бы превратился в ее тень, изо всех сил стараясь привести ее в чувство. Что же касается принца Хека, то он нисколько не сочувствовал несчастью короля и нимало не заботился о болезненном состоянии принцессы, он спокойно съел обед, приготовленный для свадебного пира, а потом полакомился еще той пакостью, которую добыл охотой, пил при этом за троих и в конце концов заснул, чтобы лучше переварить пищу; он храпел, как орган, а когда проснулся снова потребовал, чтобы Скорлупка поскорее

шла с ним под венец, раз уж им пришлось прервать эту церемонию из-за пустякового приключения, о котором и говорить-то не стоит.

— Как вы смеете, — возмутилась печальная принцесса, — оскорблять меня и говорить о свадьбе, когда все королевство в горе! Ваше поведение, принц, лишь усиливает мое негодование. Уходите! И если вы когда-нибудь снова посмеете показаться мне на глаза, я сочту это за дерзость!

Гнев Скорлупки вызвал у Хека только смех.

— Поскольку вы моя жена, ну пусть не совсем, но почти жена, я не собираюсь вас покидать, чтобы вас не огорчать.

— Она еще не ваша жена, — сказал тогда Леденец. — И я вам великодушно советую слушаться ее приказаний, раз она еще не стала вашей женой.

— Кто вы, такой, дружок, и почему вы даете советы? Разве вас кто-нибудь об этом просит? Дорогуша, будьте добры, — добавил он, обращаясь к Скорлупке, — объясните мне, кто этот юный хлыщ, который вмешивается в чужие дела? Разве вы ему поручили отвечать за вас? И вообще, как вы посмели встречаться с ним без моего разрешения?

— Я не обязана давать вам отчет о своем поведении! — воскликнула принцесса. — Не доводите меня до крайности. Поскольку из-за несчастья, постигшего нашего бедного короля, вся власть в этом королевстве принадлежит теперь мне, вы не имеете права меня ослушаться. Уходите! Ваше присутствие мне отвратительно, оно оскорбляет мое горе.

Однако принц Хек продолжал настаивать на своем и объявил, что удалиться только после того, как состоится свадьба.

— Напрасно вы упорствуете, — гордо сказал ему тогда принц Леденец. — Учитесь, невежа, подчиняться

воле принцессы, не то, клянусь, я возьму метлу и всыплю вам пятьдесят ударов по пузу.

Эти слова были произнесены с такой твердостью, что принц Хек, который в довершение всех своих замечательных качеств был еще и трусоват, испугался. Он вышел из дворца, не оглядываясь, сел на ската и отправился на свой остров, обдумывая планы будущей мести.

Скорлупка была очень благодарна Леденцу за ту горячность, с которой он принял ее сторону и избавил ее от присутствия Хека. Ведь от него можно было ожидать чего угодно, не пошли ей судьба столь благородного защитника. И с этой минуты она, сама того не замечая, в знак признательности отдала ему свое сердце, за которое готовы были драться даже те, кто утратил к жизни всякий интерес. Что же до Леденца, то он принял такую дозу любви, что не мог ни спать, ни бодрствовать. Он ел теперь всего лишь четыре раза в день, одежда болталась на нем, как на вешалке, на него просто жалко было смотреть. Горе, которое обрушилось на принцессу, не позволяло принцу ей открыться, признаться в том пламени, которое его пожирало. Зато он прекрасно закатывал глаза и кидал столь огненные взгляды на Скорлупку, что она их, конечно, замечала, хотя и имела осторожность не подавать вида. Однажды она попросила его досказать ей свою историю, которая ее волновала больше, чем она смела себе признаться. Леденец, отличавшийся особой вежливостью, не заставил себя дважды просить.

Продолжение истории принца Леденца

Мы остановились на том, что я оказался в ловушке, словно в мышеловке. Нож был отточен, Канкан подходила ко мне все ближе, я пребывал в ожидании верной смерти, и вот в этот момент людоедка, ища соль, случайно угодила рукой в корзину с вафлями, которые ей дала моя мачеха. В порыве чревоугодия она схватила одну из них и так жадно, так неосторожно сунула в рот, что те несколько зубов, которые у нее еще оставались, тут же сломались.

Людоедка пришла от этого в бешенство и издала такой чудовищный вопль, что у всех беременных кобыл в округе двадцати пяти лье наверняка случились выкидыши.

— Увы мне, — вопила она, все больше распаляясь. — Я уже никогда не смогу есть свежатину. Ах, если бы я хоть успела слопать этого мальчишку, меня бы это утешило, я могла бы примириться со своей судьбой. Но потерять все зубы как раз тогда, когда появился такой лакомый кусочек, нет, этого пережить нельзя, это выше моих сил! Это ты, подлая Эссенция, сделала мне такой коварный подарок! Из-за твоих проклятых вафель стряслась со мной беда! Чтобы тебя наказать, я верну свободу этому молодому принцу, тем более что он мне уже ни к чему. Ты мечтала от него избавиться, но он будет жить тебе назло! Уходи! — крикнула она мне, открывая западню. — Спасайся, пока не поздно! Твое счастье, что во мне так и клокочет ненависть к твоей чертовой мачехе! Не то тебе бы несдобровать!

С этими словами она схватила меня за руку и отшвырнула за три лье от своей ужасной пещеры. К счастью, я упал на нос, поэтому не ушибся. Но я не знал,

какую дорогу мне избрать в жизни, у меня не было ни опыта, ни средств, и я то и дело попадал в безвыходное положение. Я уже готов был стать на путь разбоя, когда волею небес, видимо, ко мне благосклонных, я повстречал отряд савояров-золотарей. Я сразу оценил их великодушие, они избавили меня от всех забот.

Безо всяких колебаний вступил я в этот прославленный отряд и скажу, не хвастаясь, что довольно долго прослужил в нем и не раз отличился. С первых же шагов я стал мастером своего дела и достиг вскоре таких успехов, что товарищи начали мне завидовать.

При первых же неприятностях я решил уйти из отряда. Если раньше меня кормило дерьмо, то теперь я получал доход от дыма — я сделался трубочистом. Эта профессия, которая ежедневно возвышала меня над людьми, приносила большое удовлетворение моему честолюбию, подогретому высоким происхождением. Моя храбрость и песни, которые я распевал, стоя на самом краю высокой трубы, вызывали у людей восхищение.

Но опасно долго играть с огнем, да к тому же мне хотелось отточить свой художественный вкус, и я выбрал себе новое дело по душе: выступать на ярмарках. Я купил шарманку и живого сурка и стал бродить по стране. Я зазывал публику подивиться на всякие чудеса, на «Волшебный фонарь», зазывал с такой страстью, так серьезно и благородно, что один крупный финансист заметил меня, выделил из всех и взял к себе в дом плясать под его дудку. Кем только я не перебивал у него за годы службы: сперва лакеем, потом камердинером и, наконец, его секретарем.

Мой хозяин относился ко мне с большим доверием и даже хотел, чтобы я женился на некоей племяннице его брата, которую он с детства воспитывал в пансионе втайне от своей жены. К этой племяннице он был очень

привязан, потому что своих детей у него не было. Я поблагодарил его за доброту, но отказался, и это лишь подтвердило его подозрения на мой счет. Он стал меня с таким пристрастием расспрашивать, что в конце концов я сдался и открыл ему свое происхождение.

С этой минуты он стал относиться ко мне с особым уважением и вызвался тайком отправиться к моему отцу, чтобы рассказать о жестокости королевы и о том, в каком трудном положении я оказался.

Ему и в самом деле удалось не только проникнуть во дворец, но и переговорить с глазу на глаз с королем. Король был безутешен, он оплакивал мою гибель, в которой не сомневался. Узнав, что счастливый случай спас меня от стольких бед, он стал хохотать как безумный. Однако жена его обращалась с ним, как с маленьким, и он не смел ни в чем ей перечить, да к тому же он опасался, как бы мачеха своими злыми кознями меня не погубила. Поэтому он передал мне, чтобы я не появлялся при дворе, а отправился бы в город у самой границы, где меня будут ждать, конечно, втайне от королевы, карета и свита, соответствующие моему рангу. В течение шести лет я переезжал из королевства в королевство, посещал все самые блестящие дворы, я искал развлечений, и любовные похождения помогали мне развеять тоску изгнания. Для забавы я занимался и музыкой, притом весьма успешно. Я неплохо играю на разных струнных инструментах.

Я повидал за эти годы всех самых красивых принцесс на свете, но оставался совершенно равнодушным, они меня соблазняли не больше, чем обезьяны, я не мог без насмешки смотреть на галантных ухажеров, не сводящих с них глаз. Я был убежден, что Амур не нашел еще той стрелы, которая могла бы ранить мое сердце. И маленький проказник мне отомстил. Он привел меня к одной молодой принцессе. Боже, до чего же она прекрасна! Это самое

совершенное творение Всевышнего, бриллиант! Все остальные красавицы мира ничего рядом с ней.

Небу было угодно соединить в ней все прелести ума и сердца, все то, что другим женщинам выдается так скупно. Что мне еще сказать, принцесса? Я люблю, горю, тоскую, вздыхаю, думаю денно и ночью об этом очаровательном существе. Но у меня есть соперник, и это ввергает меня в отчаяние. Боязнь оттолкнуть предмет моих вздыханий заставляет меня молчать, я не смею ей открыться. Чистота моих чувств меня не обнадеживает, и хотя любовь бесцеремонно толкает меня объясниться, почтение берет над ней верх и затыкает мне рот. Я обречен, увы, любить всю жизнь, не имея никакой надежды на взаимность.

Леденец замолчал, а Скорлупка, услышав, что принц влюблен, почему-то покраснела.

— Не могла бы я узнать, — сказала она не без досады, скрыть которую ей не удалось, — кто же она, это прелестное создание, которая сумела полонить ваше сердце?

— О сударыня, — ответил Леденец, — не терзайте меня, не заставляйте заикаться, не требуйте, чтобы я раскрыл вам секрет, который оскорбил бы мое божество, я не переживу, если предмет моего обожания разгневадается, вы увидите, как я задохнусь от горя и упаду бездыханным.

— Ой, как нехорошо быть таким жестоким, — сказала Скорлупка. — А я надеялась, что вы будете настолько любезны и совершите ради меня эту небольшую жертву. Хоть я и женщина, я совсем не болтлива, и от меня никто не узнал бы вашего секрета. Но раз вы так ломаетесь, то храните этот секрет про себя, я вовсе не горю желанием его узнать.

— Ваша воля для меня закон, сударыня! — воскликнул Леденец и упал на колени. — У ваших ног принц, который потерял голову, увидев такие

совершенства. Накажите безрассудного смельчака, который посмел вас полюбить и сказать вам об этом. Дайте мне пощечину. Чего вы медлите? Удар вашей прелестной ручки мне будет слаще меда.

Скорлупка растерялась от такого поворота, которого совсем не ожидала, и теперь она не знала, как ей следует себя вести. Долг требовал от нее одного, а сердце — другого. Болтушка, заметив, что ее хозяйка в нерешительности, как ей ответить, воспользовалась такой прекрасной возможностью обрушить на всех поток своих слов и прервать молчание, которое она с таким трудом хранила.

— О сударыня, вы были бы более жестокой, чем султан китайский, если бы не пожалели этого бедного юношу. Я сама не в силах сдержать слез, слушая его. Поверьте мне, незачем доставать луну с неба и дуть на воду, обжегшись на молоке, надо ковать железо, пока горячо, будь проклят тот, кто подумает дурное, нельзя надеяться, что все это случится после дождичка в четверг, но нельзя и забывать, что дорого яичко к Христову дню и что аппетит приходит во время еды, а то как бы не пришлось себе локти кусать, нечего ломаться, напрасно вы думаете, что береженого бог бережет, но всякий знает, что, снявши голову, по волосам не плачут. Конечно, кто я такая, чтобы вам советы давать, как говорится, всяк сверчок знай свой шесток, но ведь известно, что бедность не порок, однако все же пальца мне в рот не клади, так вот знайте, главное, чтобы меч был в руке, и тогда все едино, ешь не хочу, уж можете мне поверить, я в сердечных делах кое-что смыслю, немало сама погрешила в молодые годы, и мой возлюбленный никогда не откладывал на завтра то, что можно сделать сегодня, он был мастер на все руки и все мне твердил: со мной не соскучишься, и это была святая правда, бывало, не оглянешься, как ночка пролетит, лиха беда

начало, как говориться в таких случаях, я бы и сейчас охотно с ним позабавилась, но, как известно, человек полагает, а бог располагает; мой дружок вот уже десять лет, как ушел в мир иной, бедняга, так вот, хоть и правда глаза колет, но я не боюсь вас разгневать и буду неустанно повторять: куйте железо, пока горячо!

Эта разумная речь помогла Скорлупке собраться с мыслями. Она еще потешила немного свою гордость, но, бросив взгляд на Леденца, увидела в его глазах столько страдания и любви, что разом забыла все свои благие намерения.

— Встаньте, — сказала она прерывающимся голосом и отпуская глаза. — Меня должна была оскорбить ваша страсть, в которой вы посмели мне признаться, не испросив предварительно согласия моего отца, тем более, что вам известно, что он выбрал мне другого мужа. Однако я готова простить вам ваше дерзкое признание, но только если вы мне пообещаете забыть о своей любви, которая меня оскорбляет.

— Нет, сударыня, нет, — прервал ее Леденец. — Я никогда не забуду о своей любви, я слишком честный человек, чтобы дать вам такое обещание, с каждой минутой эта преступная любовь будет все возрастать, но вспомните, несравненная принцесса, что я молчал, что это вы заставили меня вам открыться. И прежде чем вынести свой окончательный приговор, учтите, что страсть моя чище родниковой воды, я хочу, чтобы вы стали моей только с согласия вашего отца и после визита к нотариусу, а пока необходимо вырвать вас из объятий гнусного соперника, который заслуживает всяческого поношения, а не чести делить с вами брачное ложе. Если и после всего сказанного мое признание вас оскорбляет, я готов тут же, не сходя с места, повеситься. И даже если меня за это лишат почетного звания, я все равно буду счастлив принять эту смерть, раз она вас хоть на мгновение позабавит.

Решайте мою судьбу, принцесса, решайте скорее! Скажите, прощает ли меня ваше сердце или ненавидит, одно ваше слово сделает меня счастливым или погубит.

— Не требуйте ответа у этого сердца, — сказала принцесса, нежно глядя на Леденца и тяжело вздыхая. — Не требуйте ответа у этого сердца, неспособного сейчас ни на какие чувства, кроме горя, которое его пожирает.

Затем Скорлупка подала принцу руку, чтобы он поднялся с колен. Он осмелился коснуться губами этой прелестной ручки, и при этом никто не оскорбился этой вольности, никто как будто даже не обратил на нее внимания. и он покинул покой Скорлупки самым счастливым из смертных.

У возлюбленных было потом еще несколько разговоров, таких же возвышенных, как этот первый, но я их вам не пересказываю, потому что мне так и не удалось узнать, о чем именно они говорили. Однако мне достоверно известно от людей, вполне достойных доверия, что Скорлупка как-то незаметно потеряла свою гордую неприступность и в конце концов призналась счастливому Леденцу, что и она от него без ума.

Общеизвестно, что когда влюбленные видятся каждый день и не устают все время повторять, что любят друг друга, они легко забывают обо всем на свете. Однако Скорлупка отличалась от всех, и чувства ее были чересчур возвышенны, чтобы она была в состоянии забыть про несчастье своего отца-короля. Она разослала гонцов во все концы света в надежде хоть что-то узнать о нем, но тщетно. Все они вернулись ни с чем, так и не сумев найти то место, куда журавли унесли короля. Эта неизвестность ввергла Скорлупку в еще большее горе, и в один прекрасный день она сказала Леденцу:

— Принц, вы поклялись мне в любви, я вам поверила, быть может, с излишней поспешностью, впрочем, я об этом не сожалею, но хочу получить от вас теперь новое неоспоримое доказательство вашей любви. Вы видите, — добавила она, — как меня тревожит судьба отца. Я взываю к вашей храбрости, вы должны найти его, где бы он ни был, и не показываться мне на глаза, пока вы его не вернете домой и я не смогу его обнять.

— О сударыня! — воскликнул Леденец. — Это почетное поручение делает мне великую честь. Припадая к вашим стопам, клянусь Стиксом, Коцитом, Гаронной и всеми другими реками, ручьями, озерами и водопадами, которыми только можно клясться, что я не съем ни ложки капустного супа, не попробую ни капельки пикантного соуса, пока не найду вашего прославленного отца. Я бегу, я лечу на помощь, я буду искать его по всей земле, на самых высоких горных вершинах и в самых глубоких пещерах. Я найду его, уверяю вас, либо я буду недостоин своего имени.

— Отправляйтесь в путь, великодушный принц, отправляйтесь, — ответила ему Скорлупка. — Будьте послушным этим благородным порывам, которые делают вас достойными меня. Но бравировать и лезть на рожон тоже не надо, я вас достаточно знаю, чтобы опасаться за вас, ведь вы всегда первым кидаетесь в драку, как бы с вами не случилась беда. Я догадываюсь, каким опасностям вы себя подвергнете из любви ко мне, поэтому, прошу вас, берегите свою жизнь, которая неразрывно связана с моей.

Они проводили время в таких разговорах и, проливая слезы, ожидали час своей разлуки.

В те дни при дворе предавались невинным развлечениям, чтобы хоть немного развеять то черное горе, которое буквально снедало принцессу. В ее покоях теперь часто играли во всякие игры, а больше

всего — в ее любимую, в «третий лишний». И принцу Леденцу была оказана честь быть всегда партнером Скорлупки.

В канун отъезда Леденец, видя, как принцесса печальна, предложил ей после того, как они выпили кофе, поиграть немного в «третий лишний», на что она с радостью согласилась.

В разгар игры Леденец оказался, скорее благодаря хитрости, чем случаю, как раз позади Скорлупки, но вместо того, чтобы держать ее за платье, как это принято, схватился рукой за коробочку, которая висела у нее на поясе.

— Осторожней, дружок, — сказала она ему, — не то вы разобьете мое яйцо.

Леденец не был посвящен в тайну яйца и в ответ на ее слова только рассмеялся, продолжая держаться за коробочку, и в конце концов цепочка, на которой она висела, оборвалась, и коробочка упала, а принц в азарте игры наступил на нее ногой, сломал ее и раздавил заключенное в нее яйцо. Принцесса тут же обернулась, и, увидев, что ее яйцо разбито, вскрикнула и упала без чувств на стоящую рядом софу. Придворные окружили ее, желая понять причину ее испуга. И пока одни глядели на принцессу, другие — на разбитое яйцо, это самое роковое яйцо вдруг само по себе, без всякой посторонней помощи, задвигалось, взлетело и упало на голову несчастной принцессы. При этом желток залил ей лицо, руки, грудь, передав им свой цвет, и принцесса разом стала чудовищно желтой, будто заболела жесточайшей желтухой. А белок попал на ноги, и они стали мраморными, как и все туловище до талии. Таким образом принцесса от пояса и ниже мгновенно превратилась в неподвижную каменную статую.

Невозможно описать отчаяние, в которое впал нежный Леденец при виде этого несчастья. Великое горе всегда молчаливо, поэтому он не произнес ни

слова. Зато хладнокровно вынул из кармана отличнейший маленький ножичек (не какой-нибудь безвестный, а настоящий «Андре Авриль»!), заточил его на перекладине стула, провел кончиком пальца, достаточно ли он остер, и, подняв руку, уже готов был вонзить его себе в сердце, но бдительная Болтушка кинулась к нему, чтобы его остановить.

— Только этого нам не хватало! — воскликнула она. — Не было печали, да черти накачали, да разве вы не знаете, что на свете нет ничего лучше жизни, что она коротка, а смерть длинна и что, если ты умер, то это уже навсегда, как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать, но только не спешите, не спешите, умереть вы всегда успеете, однако поверьте, лучше позже, чем раньше. Смерть лечит все беды, что правда, то правда, но, по-моему, это лекарство хуже самой беды. Спуститься в царство теней никогда не поздно, но вряд ли вам там понравится, не забывайте, что живая собака лучше мертвого льва. Умно ли поступил тот, кто назло теще ногу себе отпилил? Напрасно вы торопитесь, ведь всякий знает: поспешишь — людей насмешишь. Не надо забывать, что всему свой черед, вот дождик прольется, а потом, того гляди, и распогодится.

Однако такие разумные рассуждения нисколько не успокоили Леденца. Он был весь во власти своего отчаяния, пытался вонзить в себя ножичек и в конце концов наверняка преуспел бы в этом, если бы Скорлупка не остановила его следующими словами:

— Не лишайте себя жизни, принц, не делайте этого, я вас заклинаю. После того как вы дали мне клятву найти моего отца, чего бы вам это ни стоило, ваша жизнь вам больше не принадлежит, она принадлежит мне, и вы не имеете права ею распоряжаться. Если я и в самом деле вам дорога, если мои слезы могут тронуть ваше сердце, то проявите в последний раз ваше

великодушные, сдержите слово, данное несчастной принцессе, которая теперь уже не достойна внимания такого красивого юноши, как вы. Поверьте, принц, если я горю о постигшем меня несчастье, если я сокрушаюсь, что благодаря колдовству меня поразила желтуха и я наполовину превратилась в мраморную статую, если я сожалею о своей утраченной красоте, которая вас пленила, то только потому, что из-за всего этого я потеряю вашу любовь.

— О, сколь вы несправедливы, сударыня! — воскликнул Леденец. — Вы разрываете мне сердце вашими оскорбительными подозрениями. Я изменю своему чувству?! Я не буду вас любить?! Скорее овцы будут жрать волков, мыши — кошек, нормандцы перестанут сутяжничать, бретонцы — пить, гасконцы — врать, дураки — быть в дураках, чем ваш внешний вид охладит мое сердце. Небо вольно в своих хитроумных кознях изуродовать вас, как бог черепаху, я бросаю ему вызов, оно не властно отнять у меня мою любовь. Я буду жить, раз вы мне это приказываете. Я отправлюсь на поиски вашего отца-короля, а потом вернусь к вам и буду влачить подле вас свои печальные дни, достойные скорее жалости, нежели зависти.

— Прощайте, дорогой принц, — сказала Скорлупка с глубоким вздохом. — Раз вы меня еще любите, я уже не несчастна, но я все же несчастна, потому что вы уезжаете от меня.

Слезы не давали принцессе говорить. Леденец, впрочем, плакал еще безутешнее, чем она. Свет еще не видал таких нежных прощаний.

Наконец он заставил себя ее покинуть, оставляя в таком ужасном состоянии, что нельзя было не испытывать к ней сочувствия. Неслыханная беда, случившаяся с отцом, которого она так преданно любила, отъезд возлюбленного, опасности, которые его подстерегают на каждом шагу, утрата своей красоты,

неподвижность нижней части тела — пожалуй, здесь есть от чего впасть в отчаяние.

Леденец тоже был достоин жалости. Он покинул двор еще более влюбленным, чем прежде, и сердце его разрывалось от тех упреков, которыми он сам себя мучил, — ведь это он из-за своего легкомыслия вверг дорогую Скорлупку в такое несчастье, к тому же он был исполнен всяческих тревог, не знал, какую выбрать дорогу, опасался, причем не без оснований, что опрометчиво дал клятву найти Щелчка, боялся, что вернется ни с чем, как и все остальные.

Он долго шагал, не в силах принять какого-либо решения. В голове его один за другим рождались различные планы, но он тут же понимал всю их несостоятельность. В конце концов он остановил свой выбор на должности церковного сторожа, чтобы всегда иметь возможность подниматься на самую высокую колокольню и подолгу там стоять в надежде вдруг увидеть журавлей и короля. Дни и ночи напролет проводил он на колокольне, разглядывая небо, но тщетно.

Устав от бессмысленности этого занятия, он изменил тактику, перестал носить сутану, вооружился шпагой и стал ревизором винных погребов.

В этой должности он постоянно посещал всевозможные питейные заведения, кабаки, харчевни, но сколько он ни расспрашивал людей, никто не мог ему что-либо сообщить.

Не теряя надежды, он хотел было добраться до Меотиды, но не знал, как переправиться через Понт Эвксинский, и поэтому решил продолжать свой путь вдоль морского берега.

Он бродил по свету уже больше шести месяцев, не отдыхая ни днем, ни ночью, как однажды в пустынном месте до него донесся из-за скалы чей-то жалобный голос. Прислушавшись, он уловил примерно вот что:

— Милосердные прохожие, кто бы вы ни были, сжальтесь над моей бедой, облегчите страдания несчастного, я доведен до крайности и нуждаюсь в вашей помощи. Я буду молить небо, чтобы оно ниспослало вам удачу во время вашего путешествия, оградило вас от воров, дурных ночлегов, бешеных собак и неприятных происшествий.

И слова, и заунывный тон, которыми они произносились, заставили принца предположить, что к прохожим взывает не какой-то бродяга-нищий, один из тех, кто выклянчивает на дорогах милостыню. И так как принц был, очень отзывчив и щедр, он тут же вытащил из кармана лиард, чтобы подать нищему.

Леденец долго бродил между скал в поисках того, кто молил о помощи. Каково же было его изумление, когда принц вдруг увидел несчастного Щелчка! Король стоял, прислонившись к серебряной колонне, обвитой его носом. Десять тысяч витков, а то и больше, а на кончике висел свинцовый замок, отомкнуть который ни у кого не хватило бы силы.

— О несчастный король! — воскликнул Леденец. — Какого дьявола вы здесь стоите, как вкопанный, какой Агасфер привел вас в это пустынное место и оставил в таком плачевном состоянии?

— Увы! — ответил ему Щелчок, сразу же узнав Леденца. — Все это — злые козни подлой Канкан. Журавли унесли меня на ваших глазах и продержали в воздухе две недели, и все это время я провел в страшных страданиях. К тому же я наверняка просто умер бы с голоду, если бы не изловчился ловить на лету перепелов. Я научился их ловко ощипывать и жарить на солнце, от которого мы находились в непосредственной близости. Они были в то время очень крупные, три штуки весили не меньше, чем полпуда, так что питался я даже неплохо.

В конце концов журавли разжали свои клювы, и тогда я упал. Мне повезло — я не разбился, однако преследующий меня злой рок сделал так, что я угодил прямо в то озеро с кашей, которое у меня отняла Канкан и поместила рядом со своей пещерой.

На шум моего падения прибежала людоедка. Узнав меня, она расхохоталась.

— Ах, вам опять каши захотелось? Я вижу, вы не в силах без нее обойтись. Что ж, теперь мой черед воскликнуть: «Ну и нос, что за нос!»

И она схватила меня за мой несчастный нос, поволокла вот сюда и привязала так, как вы видите.

Но этим ее жестокость не ограничивается. Каждый божий день она приходит, спускает с меня штаны и сечет хлыстом из кожи угря двести раз, заставляя меня самого считать. И если я пропускаю хоть один удар или просто сбиваюсь со счета, то она начинает все сначала. Утром приносит мне фунт овса, это все, что мне полагается на день. Я делю этот фунт так, чтобы есть четыре раза в день, но, как вы легко можете себе представить, голод мой этим не утоляется. Поэтому вы проявили бы истинное милосердие, если бы тут же дали мне что-нибудь поесть.

Леденец вынул из своей котомки маленький кусочек заплесневелого сыра, и Щелчок с жадностью его проглотил.

— Благодарю Всевышнего, — сказал Леденец, — что он привел меня в эти пустынные края, чтобы я мог вернуть вам свободу и привести к принцессе Скорлупке, которую, увы, постигло не меньшее несчастье, чем вас.

И Леденец рассказал ему о своей любви к принцессе и о том, как развивались их отношения, он ни на йоту ничего не приукрасил и ничего не утаил; поведал он и о той беде, которая по его вине стряслась с принцессой. Рассказ этот лишь удвоил страдания бедного Щелчка, и

ему еще больше не терпелось стать свободным, чтобы поспешить к своей бедной дочери.

Леденец тут же попытался сломать замок, приковылавший королевский нос к столбу, но он был сделан из так хорошо закаленного металла, что все усилия принца ни к чему не привели.

Тогда Леденец попросил короля потерпеть еще день и отправился искать кузнеца, чтобы взять у него напильник. Таким образом Щелчку пришлось еще раз считать удары хлыста, но поскольку появилась надежда на скорое избавление, они показались ему нежными поцелуями.

А Леденец не терял времени даром, он вернулся на следующий день с целым набором кузнечных инструментов и принялся за дело с таким жаром, что быстро добился успеха: ему удалось распилить кольцо проклятого замка, и он тут же стал поспешно сматывать королевский нос с серебряной колонны.

Он был уже на последнем витке, как вдруг появилась людоедка, увидела, что творит Леденец, подбежала и вцепилась в него с волшебной силой прежде, чем он успел ее заметить.

— Ах, мошенник, вот как ты меня благодаришь за мои благодеяния! Уж не забыл ли ты, что был бы давно сожран и переварен, если бы не моя доброта? Ведь это я даровала тебе жизнь вместо того, чтобы, как собиралась, сделать из тебя фрикасе! И вот награда: ты посмел отнять у меня предмет моей мести! Я буду не я, если ты мне за это дорого не заплатишь! Думаешь, я ограничусь тем, что прикую тебя к этому столбу? И не надейся, это было бы слишком слабым наказанием. Я придумала тебе другую пытку.

Людоедка схватила короля за его длиннющий нос и обмотала его вокруг Леденца так, как нянька свивает дитя: он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, только голова торчала. Потом она силком заставила принца

проглотить двадцать семь котелков каши, от чего у него невообразимо вздулся живот, а от этого, естественно, мучительно натянулся королевский нос, что было для него весьма болезненно. Впрочем, такое количество съеденной принцем каши причинило этому многострадальному носу и другие муки.

Людоедка подогнала к столбу свою колесницу, кинула в нее короля и принца, села сама, и ее гусеницы понеслись быстрее ветра.

Король и принц не ведали, куда их мчит жестокая Канкан. Они долго тряслись в колеснице, каково же было их удивление, когда они вдруг обнаружили, что въехали в столицу, а потом прямо во дворец короля! Они не ожидали, что там их ждет новый повод для слез.

Хек, расставаясь со Скорлупкой, поклялся, что отомстит тому, кто грозил отстегать его метлой по пузу. Он задумал опустошить королевство Щелчка и с этой целью распространял прокламации, в которых утверждал, будто королевский нос вырос таким огромным за счет всех курносых, что этот противоестественно длинный нос не иначе, как вызов всем, кто носом не вышел, и что он, принц Хек, храбрый и справедливый, встанет на защиту всех оскорбленных носов и во имя этой высокой цели объявляет войну их общему врагу. Успех столь ловко составленной прокламации превзошел все ожидания Хека: курносые всех стран съехались, чтобы, объединившись, стать под его знамена. Число их было так велико, что выстроенные добровольческие отряды растянулись на двести лье и на их регистрацию ушло не меньше десяти лет. Все эти курносые, собранные вместе, и впрямь производили весьма странное впечатление — издали эту добровольческую армию нельзя было не принять за огромную свору итальянских бульдогов.

Я, кажется, уже говорила, что принц Хек особой храбростью не отличался, и, хотя армия его была

несметной, он все еще сомневался в своей победе и предложил королевству Марципании вступить с ним в союз.

Незадолго до этого король Эклер публично отрекся от престола, так как не мог больше выносить злой нрав своей чертовой супруги, изобретшей тысячу изумительных, совсем новых способов выводить из себя даже самого терпеливого человека на свете. Он безропотно принял свою судьбу и тихо умер с горя, а Эссенция тут же захватила всю полноту власти. Принц Хек обратился к новой королеве, которая, как известно, отличалась злобой и была рада любому поводу принести вред. Поэтому она с радостью ухватилась за эту возможность проявить себя.

Она обещала Хеку оказывать всяческую помощь, и они договорились, что после того как завоюют королевство Щелчка, они его разделят между собой.

Их конница ехала верхом, а пехота шла пешком, как это, насколько мне известно, обычно и бывает, и под барабанный бой победоносная армия вошла в несчастное королевство вскоре после того, как его покинул принц Леденец, отправившийся на поиски короля.

Принц Хек, которому огонь в кухонной плите был куда больше по душе, чем огонь на поле брани, не посмел стать во главе армии и нашел для себя прекрасный выход: сделался барабанщиком под предлогом, что барабанная дробь не менее важна для боевого духа солдат, чем свинцовая.

Легко понять, что если короля уносят журавли, а принцессу, у которой нет защитника, превращают от пояса и ниже в мраморную статую, то в стране воцаряется беспорядок. Поэтому никто не оказал серьезного сопротивления неприятелю и захватническая армия, разорив страну, безо всякого труда заняла столицу.

Завоеватели закололи шпагой девятнадцать тысяч девятьсот девяносто девять человек, не считая женщин и детей. Когда принц Хек увидел, в каком состоянии принцесса, он не только не пожалел ее, а, наоборот издевался над ее нынешней желтизной и былой гордостью. Говорят, что он ей даже спел песенку про Пьеретту-недотрогу...

Курносые вояки, большие насмешники, как и все, у кого носыкнопки, по приказу Хека, донимали Скорлупку злыми шутками, поочередно дежуря в ее покоях. Не было такого оскорбления, которое ей не пришлось бы выслушать.

Как только Эссенция узнала о победе своих войск, она тут же вместе со своей дорогой Орешенькой отправилась в столицу Щелчка, и там обе злыдни, соревнуясь с Хеком, тоже принялись, как могли, поносить и оскорблять Скорлупку.

Общими усилиями им удалось заставить принцессу страдать больше, чем в аду.

Вот так обстояли дела в этом злосчастном королевстве к тому времени, как туда прикатила людоедка со своими пленниками. Канкан тут же помирилась с Эссенцией, простила ей, что потеряла из-за нее свои последние зубы. Впрочем, и прощать-то было нечего: зубы ее настолько расшатались к тому времени, что все равно выпали бы, стоило ей закашлять. Одним словом, все обиды были тут же забыты, и они собирались вместе с принцем Хеком досыта насладиться местью. Не потрудившись даже размотать принца Леденца, его вместе с королем потащили в покои Скорлупки. Принцесса, увидев их, самых ей дорогих на свете людей, зарыдала пуще прежнего. Людоедка вынула из кармана большой нож — им она обычно отсекала ноги — и подошла к Скорлупке.

— Погляди, — сказала она, обращаясь к Леденцу, — погляди, как потечет кровь твоей любимой, — вот какую

мечь я придумала для тебя. А ты, Скорлупка, увидишь, как прольется кровь твоего отца и твоего возлюбленного, которые меня обидели. Твое отчаяние уймет мое бешенство.

— О, молю вас, пусть вся мечь падет на меня, — печально воскликнула Скорлупка. — Я не стану роптать. Но, бога ради, пощадите этих двух несчастных. Если вы жаждете крови, возьмите мою, я отдаю ее вам без сожаления.

— Не смей, старая потаскуха, не смей! — в свою очередь кричал ей Леденец. — Только я оскорбил тебя, я один, казни меня хоть дважды, чтобы утолить свою жажду мести, зарежь меня, как цыпленка, сделай из меня рагу, жаркое, котлету, паштет, изруби мое тело, как капусту или репу, я буду только смеяться, но не распространяй своей мести на это невинное создание, она тебя никогда не обижала.

Щелчок ни слова не сказал, но наверняка думал то же самое. Эти трогательные речи не только не поколебали Канкан, а, напротив, усилили ту варварскую радость, которую она испытывала от мести. Она не спешила свершить свое гнусное дело лишь потому, что хотела продлить пытку, чтобы наказание стало еще более жестоким.

Позвольте мне тут, любезный читатель, на мгновение остановиться, чтобы утереть слезы, которые помимо воли текут у меня из глаз при воспоминании об этой печальной сцене. И вам я советую сделать то же самое.

Людоедка уже занесла руку, чтобы вонзить свой отточенный нож в сердце Щелчка, а потом на его глазах прикончить и возлюбленных. Ничто в мире уже не могло спасти несчастных от жестокости их врага, как вдруг со двора до покоев донесся звук пастушьего рожка и какое-то странное бляение овец. Эти звуки помешали людоедке завершить казнь. Будучи

любопытной, как все женщины, она вместо того, чтобы вонзить нож, кинулась к окну. И как вы думаете, кого она увидела? Да, вы не ошиблись, это был досточтимый Сомкнутый Глаз, который с гордо поднятой головой направлялся в покои, где совершалась жестокая расправа.

— Мне надоело терпеть твои проделки, — сказал он Канкан, — пробил твой час, ты ответишь за все свои преступления. Сама знаешь, насколько моя власть сильнее твоей, твоя собака с моей — жалкая шавка, и все же ты посмела, старая обезьяна, преследовать принцессу, которую я взял под свое покровительство. Я терпеливо сносил все твои козни, пока они касались несчастных, в которых я не принимал никакого участия. Но раз ты не побоялась бросить мне вызов, я не стану откладывать твоего наказания. Что ж, беззубая тварь, ты, пожалуй, сгодишься на язык того колокола, в котором Щелчок так долго отбывал наказание только за то, что случайно проронил одно не понравившееся мне слово. Что же касается тебя, — продолжил он, поворачиваясь к Эссенции, — безжалостная мачеха, более злобная, чем рыжий осел, то я навеки обрекаю тебя быть звонаркой — безостановочно бить в колокол, в котором Канкан отныне будет языком.

Едва Сомкнутый Глаз вымолвил эти слова, как появились две черные овцы и унесли этих двух гадких женщин.

— Ну, а ты, — продолжал тем временем Сомкнутый Глаз, — ты, злой принц Хек, трусливый и грубый, я навсегда соединяю тебя с Орешенькой. Два таких характера, как ваши, превратят вашу совместную жизнь в непрекращающуюся пытку. Вы будете жить как кошка с собакой, и каждый из вас будет мечтать о вдовстве, которое так и не наступит, ибо вы повеситесь в один и тот же день. Поскорей убирайтесь отсюда, каналы, прочь с глаз моих и опасайтесь моего гнева!

Как только они ушли, Сомкнутый Глаз вынул щепотку чудодейственного порошка «Перлин-пинпин», к которому, как известно, прибегают хитрецы, чтобы за ними бегали девочки, и поочередно дал его понюхать, будто табак, Щелчку и Скорлупке, и тут же свершилось чудо: Скорлупка стала еще краше, чем прежде, ее желтизна развеялась как дым, а мрамор исчез, словно его никогда и не было. Короче говоря, принцесса выглядела теперь так, как до несчастья. А нос короля тоже на глазах уменьшился и принял свою прежнюю форму.

— Не сетуй на свои несчастья, ты сам себя на них обрек скупостью. Как ты был негодяем и скаредой, так им и остался.

— Ну, а вы, благородные любовники, — продолжал Сомкнутый Глаз, обращаясь к Леденцу и принцессе, — наслаждайтесь счастьем, которое вы заслужили своими добродетелями. Я всегда буду вас охранять. Став супругами, не переставайте быть возлюбленными, только этим вы можете доказать мне свою признательность.

И, не дожидаясь слов благодарности, Сомкнутый Глаз исчез вместе со своей собакой и овцами, и больше о нем никогда ничего не было слышно.

Щелчок, уставший от всех своих бед, боялся навлечь на себя новые своей гнусной скупостью, но излечиться от нее он все же желал. Он был рад, что Сомкнутый Глаз, чтобы наказать Канкан, вернул ему озеро с кашей, решил жить на эти доходы и отрекся от престола в пользу Леденца, который присоединил его земли к королевству Марципании.

Болтушка тоже была вознаграждена по заслугам. О ее судьбе позаботились и выдали замуж за единственного человека, который был в состоянии с ней жить, потому что безо всякого труда выносил ее круглосуточную болтовню, не спорил с ней и, что самое

удивительное, даже не бесился: это был ездовой Леденца, красивый малый, и за ним не знали никаких недостатков, кроме того, что он был глухонемой.

Торжества в королевстве, теперь таком обширном, длились долго: свадьбу отпраздновали на славу. Леденец со своей возлюбленной принцессой дожили до глубокой старости, годы их правления были мирными и счастливыми, и они оставили после себя столько детей, что еще и сейчас, когда я вам рассказываю эту историю, их потомок сидит на троне.

Левитъе Де Виллодон

Ловкая принцесса, или приключения Вострушки

Вы пишете прелестнейшие новеллы в стихах, и ваши стихи столь же нежны, сколь естественны. Мне бы хотелось, очаровательная графиня, рассказать вам, в свою очередь, одну новеллу, хотя я и не знаю, развлечет ли она вас. У меня сегодня настроение мещанина во дворянстве, не хочется мне писать ни прозой, ни стихами, не хочется мне ни высоких слов, ни блеска, ни рифм, — мне хочется говорить наивным языком. Словом, меня развлекает простой рассказ, изложенный разговорной речью, — мне хочется только вывести некоторое нравоучение.

Нравоучительна моя сказочка в достаточной мере, и этим она должна вам понравиться. Она основывается на двух пословицах вместо одной: такова нынче мода, и вы их любите, а я с удовольствием следую обычаю. Вы увидите, как наши предки умели доказывать, что для того, кто любит ничего не делать, жизнь превращается в полный беспорядок, или, говоря их словами, — праздность есть мать всех пороков, и вам, конечно, понравиться их способ доказательства. Вторая пословица гласит, что надо всегда быть настороже; вы, конечно, понимаете, что я говорю о пословице: недоверие есть мать безопасности.

Любовь лишь те сердца пленяет,
Каких ни труд, ничто не занимает.
И если ловкий волокита страшен вам
И поглупеть от страсти вы боитесь, —
Красавицы, чтоб мир был сохранен сердцам,
Вы делом позаймитесь.
Но если, так иль сяк, а вам судьба — любить,

То бойтесь вы судьбу соединить,
Не зная,
Кого избрали вы, кто вас увлек, играя.
Страшись, чтоб около тебя
Не шел один из тех, кто с видом кротким,
Не зная, что сказать красоткам,
Вздыхает громко, не любя.
Беги от рассказней любовных,
Да рассуди толково, что и как,
Немало ведь любовных врак
Из уст точится суесловных.
Да берегись всегда любовников таких,
Что с первых слов кипят в восторгах золотых
И пламенем живым клянутся;
Насмешкой остудите их:
Ведь надо много дней больших,
Чтоб сердце смело вострепнуться.
Смотри, чтоб нежные слова
Не сразу б гордость заменили сном
Беспечным, —
Должна подумать голова
О счастье и спокойствии сердечном.

Но я не мечтаю об этом, сударыня, я пишу стихи: вместо того чтобы следовать вкусам господина Журдена, я рифмую подобно тому, как это делал Кино. Но сейчас я спешу перейти как можно скорее к простой речи, опасаясь старой ненависти, которую питали к этому милому моралисту, и опасаясь также, как бы меня не обвинили в том, что я его обкрадываю и рву на куски, как многие бессовестные авторы ныне делают.

Во время первых крестовых походов король, уж не знаю какого европейского королевства, решил пойти войной на неверных в Палестину. Перед тем как предпринять столь долгое путешествие, он привел в

такой блестящий порядок дела своего королевства и передал управление такому искусному министру, что на этот счет он был совершенно спокоен. Гораздо больше тревожила государя нашего забота о его семье. Совсем недавно умерла королева, его супруга, не было у него сыновей, но он был отцом трех принцесс, молодых девушек на выданье. Летопись не сохранила нам их настоящих имен; знаю я только, что так как в счастливые те времена простота народная без обиняков давала прозвища видным особам по добрым их качествам или по недостаткам, то старшую принцессу прозвали Разиней, что по-нашему означает ленивица, вторую Болтушкой, а третью Вострушкой, и эти прозвища как раз подходили к характерам трех сестер.

Никогда еще не видано было такой ленивицы, как Разиня. Раньше часа пополудни не могла она проснуться, в церковь тащили ее прямо с кровати, и шла она непричесанная, платье расстегнуто, пояс надеть позабудет, и нередко на правой ноге одна туфля, а на левой совсем другая. Кое-как за целый день, бывало, подберут ей одинаковые, но никак нельзя было уговорить ее обуться не в туфли, так как она считала невыносимо трудным надеть башмаки. Когда, бывало, разиня пообедает, то начнет одеваться и провозиться до самого вечера, а там до полуночи кушает, да балуется. Потом начнет раздеваться на ночь и все так же медленно, как днем одевалась, так что спать она укладывалась, когда уж совсем рассветет.

Болтушка проводила время совсем по-иному. Эта принцесса была очень живого нрава и очень мало собой занималась, но до того она любила поговорить, что как бывало, проснется, так рта и не закроет, пока не заснет. Она знала истории всех неудачных браков, всех нежных связей, всех волокитств, не только при дворе, но и у самых что ни на есть скромных граждан. Она наизусть знала, какие женщины обкрадывают свое хозяйство,

чтобы заказать себе самую ослепительную прическу, и ей в точности было известно, сколько зарабатывает горничная графини такой-то и дворецкий маркиза такого-то. Чтобы разузнать обо всех этих делишках, она беседовала со своей кормилицей да своей портнихой с таким удовольствием, какого не получила бы от беседы с посланником, а потом все уши, бывало, прожужжит этими сплетнями всем, начиная с короля, своего отца, до последнего лакея, потому что ей все равно было, с кем бы ни говорить, лишь бы только поговорить.

Непреодолимая ее любовь к болтовне имела еще и другие дурные последствия. Несмотря на высокое ее положение, ее болтовня запанибрата давала повод придворным любезникам приставать к ней со своими нежностями. Она выслушивала их затейные комплименты попросту, а все потому, что ей нужно было, во что бы то ни стало, с утра до вечера либо слушать, либо болтать пустяки. Болтушка так же, как и Разиня, никогда не могла ни подумать, ни рассудить о чем-нибудь, ни книжку почитать; хозяйством домашним она себя тоже не беспокоила, а иголка или веретено ее вовсе не занимали. Таким-то образом эти две сестры в вечной праздности никогда не утруждали ни рук своих, ни головы.

Младшая сестра этих двух принцесс была совсем другого нрава. Она непрестанно заботилась и о себе и о своем образовании, была очень живая, всех заражала своей живостью и всегда старалась, чтобы все при этом шло по-хорошему. Она чудесно танцевала, пела, играла на разных инструментах, очень ловка была во всяких рукодельях, любезных прекрасному полу, вела в большом порядке королевское хозяйство и следила, чтобы мелкие служки поменьше добра растаскивали, ибо уже в те времена они не упускали случая обокрасть своего государя. Но ее таланты на этом еще не кончались; она была, кроме того, весьма рассудительна,

и так много было у нее здравого смысла, что она, бывало, всегда найдется в самом трудном положении. Эта юная принцесса раскрыла однажды своей прозорливостью опасную западню, которую приготовил королю, ее отцу, один коварный посланник, и раскрыла она ее в ту минуту, как король уж готов был подписать важную бумагу.

Тогда, чтобы наказать вероломство посланника и его повелителя, король изменил текст соглашения, изложив его в выражениях, которые ему подсказала его дочь, и, таким образом, в свою очередь обманул обманщика. Юная принцесса открыла также однажды плутню одного министра, и по ее совету отец сделал так, что предательство этого человека обратилось против него же. Принцесса не однажды еще выказывала прозорливость и остроту ума, и так часто это случалось, что в народе ее прозвали Вострушкой. Король любил ее гораздо больше, чем других дочерей, и так он надеялся на ее здравый ум, что если бы у него не было детей, кроме нее, он бы уехал на войну нимало не беспокоясь. Но так как он не доверял своим старшим дочерям, то он только и мог положиться что на Вострушку. И вот, чтобы быть уверенным в своей семье, — потому что он ничего не опасался со стороны своих подданных, — принял он некоторые меры, о которых я сейчас расскажу.

Вы, очаровательная графиня, столь сведущи во всем, касающемся древности, что я не смею сомневаться в том, что не раз вы слышали о могущественных чарах фей. Король, о котором я вам рассказываю, был давнишним другом одной из самых искусных женщин. Поехал он к ней и рассказал, как беспокоится о дочерях.

— Я беспокоюсь, — сказал король, — только о двух старших; конечно, они никогда не поступят против своего долга, но они так неразумны, так неосторожны,

ничем они на белом свете не заняты, и я боюсь, как бы они, когда я уеду, не увлеклись от нечего делать какой-нибудь сумасшедшей затеей. Что до Вострушки, то я уверен в ее добродетели, но не хочу выделять ее из остальных, — я решил поступить с нею так же, как и с другими. Поэтому, премудрая фея, прошу я вас сделать мне три хрустальные прялки для моих дочерей, причем вы сделаете их так искусно, что каждая прялка должна в один миг сломаться, ежели принцесса, которой она будет принадлежать, поступит против своего достоинства.

Так как фея была одной из самых искусных, то она дала королю три очаровательных прялки, наделенных свойствами, необходимыми для осуществления его намерения. Но королю и этих предостережений было еще недостаточно, поэтому он заключил всех трех принцесс в очень высокую башню, которая стояла в пустынном месте. При этом король сказала принцессам, что повелевает им жить в этой башне все время, пока он будет в отъезде, и запрещает им принимать у себя кого бы то ни было. Он отстранил от них всех слуг и служанок, потом преподнес им очаровательные прялки, объяснив волшебные их свойства, обнял своих дочерей, запер двери башни, взял с собой ключи, да и уехал.

Вы, может быть, подумаете, госпожа моя, что принцессам в их башне грозила голодная смерть? Вовсе нет: к одному из окон башни приделали крепкий блок, повесили на него веревку, а к веревке принцессы привязывали корзинку, которую каждый день спускали вниз. В эту корзиночку клали им провизию на целый день, а они, подняв корзинку вверх, старательно втягивали и всю веревку к себе в комнату.

Разиня и Болтушка вели в этом одиночестве жизнь, которая их приводила в отчаяние; до того они скучали, что и рассказать нельзя. Однако пришлось запастись терпением, так как они боялись и шагу ступить, как бы

прялки вдруг не сломались. Ну, а Вострушка, так та вовсе не скучала; ее веретено, иголка да музыкальные инструменты забавляли ее, а кроме того, по приказу министра, который управлял страной, в корзинку принцесс клали для них письма, которые осведомляли их обо всем, что происходило в королевстве, а также и за его пределами. Так повелел король, а министр, чтобы услужить принцессам, аккуратно выполнял его распоряжение. Вострушка с интересом читала эти письма, и они очень ее развлекали. Другие же две сестры нимало ими не интересовались. Они говорили, что слишком огорчены, чтобы забавляться такими пустяками. И они играли в карты, чтобы не скучать, пока отец в отлучке.

Так грустно они жили и ворчали на судьбу. Думаю, не раз они повторяли, что лучше родиться счастливым, чем королевским сыном. Частенько сиживали они у окна башни, чтобы, по крайней мере, посмотреть на то, что делается вокруг. И вот однажды, когда Вострушка сидела у себя за рукоделием, увидали ее сестры из окна, что к подножию их башни подошла бедная женщина в изодранном рубище, взывая к ним о сострадании. С воздетыми руками умоляла она позволить ей войти в их замок, говоря, что она несчастная чужеземка, что она знает всякую работу и будет им служить верой и правдой.

Принцессы вспомнили было о приказании отца никого не пускать в башню, но Разине до того надоело все себе самой делать, а Болтушке так было скучно, что не с кем, кроме сестер, поговорить, и так им захотелось — одной, чтоб ее причесали как следует, а другой, чтобы у нее было еще с кем посудачить, что они решили пустить к себе бедную чужеземку.

— Подумайте, сестрица, — сказала Болтушка, — может ли это быть, чтобы королевское запрещение

касалось людей вроде этой бедняжки? Я думаю, что ее можно пустить, ничего не опасаясь.

— Делайте, как знаете, сестрица, — ответила ей Разиня.

Болтушка только этого и ждала. Она опустила сейчас же вниз корзинку, бедная женщина уселась в нее, и принцессы подняли ее наверх на блоке.

Когда женщина предстала пред их очами, им стало противно, до того были грязны ее одежды. Они решили ее переодеть, но та сказала, что переоденется завтра, а сейчас она хочет им послужить да помочь. Пока она это говорила, Вострушка вошла в комнату. Младшая сестра была очень удивлена, увидав незнакомку со своими сестрами. Те ей рассказали, как это случилось, и Вострушка, видя, что уже ничего не поделаешь, притворилась, что вовсе не огорчена их неосторожностью. Тем временем новая прислужница принцесс уже несколько раз успела обежать весь замок, под предлогом, что надо то и другое сделать, а на самом деле, чтобы получше рассмотреть расположение комнат. Потому что, госпожа моя, уж не знаю, догадались ли вы или нет, но только эта мнимая нищенка была так же опасна этому замку, как принц Ори, вошедший в монастырь переодетым беглой аббатиссой.

Чтобы не мучить долее ваше любопытство, скажу вам, что это существо, покрытое лохмотьями, был не кем иным, как старшим сыном могущественного короля, соседа отца наших принцесс. Этот юный принц был одним из самых изобретательных умов своего времени и распоряжался, как хотел, своим отцом, хотя, впрочем, для этого и не требовалось много ума, потому что у короля этого был такой добрый и податливый нрав, что его прозвали Добряком. Ну а принца, который был известен только своими хитростями да увертками,

прозвали в народе На Хитрости Богат, или Хитрая Голова.

У него был младший брат, у которого было столько же хороших качеств, сколько у старшего недостатков, и все-таки, несмотря на разницу в нравах, оба брата были так дружны, что все удивлялись. Кроме доброй души, младший так был хорош собой и такой он был стройный да складный, что его прозвали Красавчик. Как раз принц Хитрая Голова и посоветовал когда-то посланнику короля, своего отца, заманить отца наших принцесс в коварную ловушку, и только хитрость Вострушки обернула это дело против них. Хитрая Голова и раньше недолюбливал короля, отца наших принцесс, а после этого случая и вовсе возненавидел. И вот, когда он узнал, какие предосторожности принял король, уезжая, он решил доставить себе опасное удовольствие обмануть осторожность столь заботливого отца. Хитрая Голова выпросил под разными вымышленными предложениями у короля, своего отца, позволение отправиться путешествовать и придумал, как ему проникнуть в башню принцесс, что, как вы видели, ему это удалось.

Осматривая замок, принц заметил, что прохожие легко могли бы услышать, что происходит в нем, и поэтому решил оставаться целый день ряженым, потому что, если бы принцессы его разглядели, они легко могли бы позвать на помощь и наказать его за дерзкую выходку. Итак, целый день он ходил в лохмотьях и притворялся нищенкой, а вечером, когда три сестры поужинали, Хитрая Голова скинул свое рубище и появился перед ними в богатой одежде рыцаря, весь в золоте и драгоценных камнях. Бедные принцессы так перепугались, увидя его, что тут же бросились бежать со всех ног. Вострушка и Болтушка, которые были порезвее, успели спрятаться к себе в

комнаты, ну а Разиню, которая и ходить-то не привыкла, не то что бегать, принц в тот же миг и поймал.

Он сразу бросился к ее ногам, объявил, кто он такой и сказал, что молва о ее красоте и ее портреты заставили его покинуть пышный двор, чтобы предложить ей свою любовь и верность. Разиня сперва так растерялась, что слова вымолвить не могла, но он стоял на коленях перед ней, так нежно ее уговаривал, так уверял, с таким жаром заклинал ее быть его супругой тотчас же нимало не медля, что она по своей природной вялости, которая не давала ей силы спорить, сказала ему беспечно, что верит его искренности и согласна разделить его судьбу. Она и не подумала о том, чтобы обставить какими-нибудь церемониями заключение их брака, с нее было довольно этого разговора; но в эту минуту уронила она свою прялку, а та и разбилась на тысячи кусочков.

Тем временем Болтушка и Вострушка были в ужасном беспокойстве; каждая из них добежала до своей комнаты и там заперлась. Эти комнаты были довольно далеко одна от другой, так что ни одна из них не знала, что случилось с другими сестрами, и они провели ночь глаз не смыкая. Утром коварный принц повел Разиню в нижнюю комнату, выходящую в сад, и там принцесса сказала Хитрой Голове, что она очень беспокоится за своих сестер, а пойти к ним боится, потому что они, наверное, будут ругать ее за замужество. Принц ответил ей, что он сам им об этом объявит, и, поговорив с ней, вышел да и запер Разиню в комнате так, что она этого и не заметила. А сам стал старательно искать принцесс.

Некоторое время он никак не мог догадаться, где они заперлись. Но наконец Болтушка не выдержала, она так любила поговорить, что стала говорить сама с собой и сама себе жаловаться; принц услышал это, подошел к двери и увидел Болтушку в замочную скважину. Хитрая

Голова стал с ней говорить через дверь и сказал ей то же самое, что и ее сестре: что только для того он и вознамерился проникнуть в их башню, чтобы предложить ей свое сердце и верность. Он с таким жаром восхвалял ее красоту и ум, что Болтушка, которая была совершенно уверена в своих замечательных качествах, оказалась столь глупа, что поверила его словам. Она ответила ему целым потоком слов, которые были не так уж нелюбезны.

Видно, действительно, эта принцесса без ума любила поговорить, раз уж она могла болтать в такую минуту. Ведь она была в ужасном унынии, уж не говоря о том, что ничего не ела с вечера, потому что у нее в комнате ничего съедобного припасено не было. Она была страшно ленива и никогда ни о чем и не мечтала, лишь бы ей только поговорить; ни о чем дельном она никогда не задумывалась, а если ей что нужно было, так она просила Вострушку, эта же милая принцесса была столь же трудолюбива и предусмотрительна, сколь сестры ее — ленивы и рассеяны; поэтому у Вострушки в комнате вечно были и марципаны, и мармелад, и варенье, сухое и жидкое, и все это она сама приготавливала. И вот Болтушка, у которой ничего этого не было, побуждаемая голодом и нежнейшими уверениями принца из-за двери, наконец отворила ее своему обольстителю.

И когда она отворила, он в совершенстве разыграл перед ней комедию: он хорошо выучил роль.

Затем они вышли вдвоем из комнаты и отправились в буфетную залу, где было приготовлено разнообразное угощение, так как ведь корзинка всегда снабжала принцесс заранее. Сперва Болтушка огорчалась тем, что не знала, что случилось с ее сестрами, но потом забрала она себе в голову, уж не знаю почему, что они обе заперлись у Вострушки в комнате, а уж там у них всего вдоволь. Хитрая Голова поддержал ее в этом

убеждению и сказал, что вечером пойдет к ним. Однако она не согласилась и решила, что надо пойти тотчас же, как только они покушают.

Наконец принц и принцесса накушались вдоволь, и, когда завтрак был окончен, Хитрая Голова попросил, чтобы она ему показала парадные покои замка. Он подал принцессе руку, и они пошли туда, а когда пришли, то принц снова стал уверять ее в своей любви, а также рассказывать ей о том, как ей будет хорошо, когда она выйдет за него замуж. Он сказал ей так же, как и Разине, что она должна сейчас же сделаться его женой, а если раньше рассказать о их помолвке сестрам, то они не преминут воспротивиться этому, потому что как, без сомнения, самый могущественный из соседних принцев он представлял бы скорее партию для старшей сестры, а не для нее; и старшая принцесса уж ни за что бы не согласилась на их союз, столь для нее желанный. Болтушка долго судачила с ним об этом, но безо всякого толка, и наконец решилась на такой же необыкновенный поступок, как и ее сестра; он согласилась стать женой принца, а о своей хрустальной прялке тогда только вспомнила, когда та разбилась на сотню осколков.

Вернулась к вечеру Болтушка в свою комнату вместе с принцем, и первое, что увидела там принцесса, была ее хрустальная прялка, разбившаяся на мелкие кусочки. Она очень смутилась при этом зрелище, а принц спросил о причине ее смущения. Она так любила поболтать, что умолчать о чем-нибудь была неспособна и по глупости открыла Хитрой Голове тайну прялок. А принц злодейски порадовался, что отец принцесс узнает о дурном поведении своих дочерей.

У Болтушки тем временем пропало всякое желание идти к сестрам: она не без основания боялась, что они не одобряют ее поведения. Но принц предложил сам отправиться к ним, обещая, что он сумеет уговорить их.

Поверив ему, принцесса, не спавшая всю ночь, прилегла и задремала, а как только она заснула, принц вышел из комнаты да и запер ее на ключ, как уже сделал с Разиней.

Не правда ли, прелестная графиня, Хитрая Голова был отъявленный злодей, а эти две принцессы были малодушны и крайне неосторожны? Я очень сержусь на всю эту компанию и не сомневаюсь, что и вы — тоже; но не беспокойтесь, все они получают по заслугам. И только наша умница, храбрая Вострушка, будет награждена.

Когда коварный принц запер Болтушку, побежал он по всем комнатам дворца, заглядывая в каждую, и так как все они были отперты, то он решил, что в той единственной комнате, которая оказалась запертой изнутри, и пряталась Вострушка. Так как у него для всех была заготовлена одна любовная речь, он и перед дверью Вострушки стал говорить то же самое, что говорил ее сестрам. Но эта принцесса была не так проста, как старшие сестры, и очень долго ничего ему не отвечала. Наконец, видя, что он знает, что она в этой комнате, она сказала ему, что если он действительно питает к ней такую глубокую и искреннюю нежность, то пусть спустится в сад и затворит за собой дверь, а после этого она поговорит с ним через окошко, которое выходит в сад.

Хитрая Голова и слышать о том не захотел, а так как принцесса по-прежнему отказывалась отпереть ему дверь, то злой принц, вне себя от нетерпения, достал крепкое полено да и высадил им дверь. Но тут он увидел, что в руках у Вострушки здоровенный молоток, который позабыли случайно в чуланчике возле ее комнаты. От волнения она покраснелась, и хоть в очах ее ничего доброго он не увидел, все же она показалась Хитрой Голове восхитительно красивой. Он хотел броситься к ее ногам, но она, отбежав от него, гордо ему сказала:

— Если вы, принц, приблизитесь ко мне, я разобью вам голову этим молотком.

— Как, прекрасная принцесса, — воскликнул тогда лицемерный принц, — любовь, которую я питаю к вам, вызывает у вас такую ненависть?!

И снова начал он ее превозносить, но уж из другого угла комнаты, и уверять, что весь горит любовью к ней, потому что столько слышал о ее красоте и удивительном разуме. Он добавил, что только для того и явился переодетым, чтобы почтительнейше предложить ей свою руку и сердце, и что она должна ему простить выломанную дверь, потому что случилось это только от непомерной страсти. И кончил он тем, что стал ее уверять, как и сестер, что ей будет очень хорошо, если она станет его женой как можно скорее. Еще он сказал, что не знает, куда укрылись принцессы, ее сестры, потому что, думая только о ней, он не стал их разыскивать. Хитрая принцесса, сделав вид, что она смягчилась, ответила ему, что надо пойти за сестрами, и тогда они все вместе решат это дело, но Хитрая Голова возразил ей, что никак на это согласиться не может, потому что ее сестры по праву старшинства непременно воспротивятся этому.

Подозрения Вострушки, которая не зря не доверяла коварному принцу, еще больше усилились, когда она услышала его ответ. Дрожа за участь сестер, она решила одним разом и за них отомстить и самой избежать той же беды, которой, как она думала, они уже подверглись. И вот юная принцесса сказала Хитрой Голове, что она с радостью принимает его предложение, но только она слышала, что браки, которые заключаются вечером, всегда бывают несчастными, поэтому она просит его отложить церемонию и соединить их судьбу завтра утром. Она добавила, что обещает ничего не рассказывать принцессам и просит оставить ее ненадолго одну,

чтобы ей помолиться; а потом она отведет его в комнату, где найдется для него очень хорошая постель, а она запрется у себя до завтра.

Хитрая Голова был не очень-то храбрым малым, а тут, видя, что у принцессы в руках здоровенный молоток, и она помахивает им, будто веером, принц, говорю я, решил с ней согласиться и вышел, чтобы она могла помолиться. Не успел он далеко отойти, как Вострушка бросилась готовить ему постель как раз над сточной канавой замка, отверстие которой выходило в одну из комнат. Эта комната бала такая же опрятная, как и все остальные, но в полу было широкое отверстие, куда выбрасывали все отбросы и нечистоты из замка. Вострушка положила на эту дыру крест-накрест две тоненькие жерди, потом сверху все накрыла чистой постелью и возвратилась к себе в комнату. Через минуту вернулся Хитрая Голова, и принцесса отвела его туда, где приготовила ему постель, и ушла.

Принц, как был, не раздеваясь, бросился на постель, под его тяжестью тоненькие жерди сразу сломались, и он, не удержавшись, свалился на самое дно сточной канавы, посадив себе двадцать шишек на голове и весь разбившись. От падения принца громкий шум раздался в трубе, а комната Вострушки была неподалеку; она сейчас же поняла, что хитрость ее удалась на славу, и втайне очень тому порадовалась. Нельзя и описать ее восхищения, когда она услышала, как он барахтается в сточной канаве. Он вполне заслужил такое наказание, и принцессе было от чего радоваться. Но сейчас ей было не до радости, так как она думала о своих сестрах.

Первым делом побежала она их искать. Болтушку найти было нетрудно. Хитрая Голова, заперев ее на двойной замок, оставил ключ в двери. Вострушка вбежала в комнату, и от шума ее шагов сестра мигом проснулась. Ей стало очень стыдно, когда она увидела

Вострушку. Тут Вострушка рассказала ей, как она отделалась от лукавого принца, который явился, чтобы их обесчестить. Болтушка перепугалась, точно около нее гром грянул, потому что, несмотря на бесконечные свои пересуды, она была так мало просвещена, что, как глупенькая, поверила всему, что ей говорил принц. Есть еще такие дуручки на белом свете.

Скрывая свое жестокое горе, встала эта принцесса и пошла вместе с Вострушкой искать Разиню. Они обошли все покои замка и не нашли ее. Наконец Вострушка решила, что она, наверное, находится в комнатах около сада, и там они нашли ее, полуживую от горя и слабости. Ведь целый день она ничего не ела. Принцессы оказали ей всякую помощь, а потом вместе выяснили все, что произошло. Этот разговор поверг Разиню и Болтушку в смертельную тоску, а потом они все трое пошли отдохнуть.

Хитрая Голова провел очень плохую ночь. Занялся день, но и он был невеселый. Принц находился в подземной канаве. Еще хорошо, что там было темно, и он не мог видеть, в какой грязи он находился. Наконец, совершенно измучившись, он нашел-таки выход из своей западни, которая выходила в речку довольно далеко от замка. Кое-как сумел он обратить на себя внимание людей, которые ловили рыбу в речке. Они вытащили его оттуда в таком виде, что им, добрым людям, жалко его стало. Доставили его ко двору короля, его отца, где он мог отдохнуть и вылечиться. Но неудача, которая его постигла, заставила его так возненавидеть Вострушку, что он больше думал о мести, чем о выздоровлении.

Вострушка зажила теперь очень печально. Добрая слава была ей дороже жизни, а постыдная слабость сестер приводила ее в такое отчаяние, что она ничего с ним поделать не могла.

Однако обе сестры так плохо себя чувствовали после своих недостойных свадеб, что постоянству Вострушки предстояло новое испытание. Тем временем Хитрая Голова, который и так был ловким плутом, призвал на помощь всю свою хитрость, чтобы стать всеплутейшим. И сточная канава и синяки — все это не так его огорчало, как то, что ему пришлось встретиться с человеком, который его перехитрил. Его крайне занимало, что вышло из двух его женитьб, и вот, чтобы поискусать больных принцесс, он велел под окна их замка принести два больших ящика с деревьями, отягощенными прекрасными плодами. Разиня и Болтушка часто торчавшие у окон, тотчас же заметили эти плоды, и тут же им страшно захотелось их покушать; они стали приставать к Вострушке, чтобы та спустилась в корзинке и нарвала этих плодов. Доброта младшей принцессы была так велика, что она, чтобы побаловать своих сестер, спустилась вниз и принесла им прекрасных плодов, которые те и съели с величайшей жадностью.

На другое утро появились новые плоды. Снова жалость пробудилась у принцесс, и снова Вострушка решила им угодить, но на этот раз слуги Хитрой Головы, сидевшие в засаде, не прозевали ее так, как прозевали они в первый раз: схватили они Вострушку на глазах сестер, которые волосы на себе рвали от горя.

Люди Хитрой Головы притащили Вострушку в деревенский домик, где их принц оставался до своего выздоровления. Так как он был в страшной ярости на эту принцессу, то стал ее всячески ругать, а она на это отвечала со стойкостью великой души, достойной герцогини, какой она и была. Наконец, продержав ее пленницей несколько дней, велел он ее свести на вершину высоченной горы, и сам через минуту явился туда. Тут он ей сказал, что сейчас ее убьют таким способом, что отомстят за все, что она ему сделала.

Затем вероломный этот принц показал ей на бочку, всю утыканную изнутри перочинными ножиками, бритвами да кривыми гвоздями, и сказал, что для того, чтобы наказать ее по заслугам, посадят ее в эту бочку и скатят с самого верха горы вниз.

Хоть Вострушка и была римлянкой, она не больше испугалась казни, чем Регул, которому тоже когда-то грозила подобная участь. Юная принцесса сохранила всю свою стойкость и даже находчивость. А принц, вместо того чтобы залюбоваться геройским ее характером, еще больше разъярился и решил поторопиться с казнью. С этой целью наклонился он к отверстию бочки (которая должна была отомстить за него), чтобы убедиться, что там достаточно натыкано всяких смертоносных орудий. Вострушка, когда увидела, как внимательно занялся бочкой ее мучитель, не теряя ни минуты, втокнула его в бочку да и скатила с самого верха горы вниз, не дав ему опомниться. Вслед за тем бросилась она бежать со всех ног. Слуги принца, которые с крайним огорчением смотрели на то, как жестоко хочет расправиться их повелитель с этой очаровательной принцессой, и не подумали бежать за ней и ловить ее. Да кроме того, они так напугались тем, что случилось с принцем, что ни о чем другом и думать не могли, как только о том, как бы им остановить бочку, которая с грохотом неслась вниз. Но все старания ни к чему не повели: бочка скатилась к самому подножию горы, и там только вытащили они принца, покрытого тысячью ран.

Это несчастье с Хитрой Головой повергло в отчаяние и короля Добряка, и принца Красавчика. Ну а их подданные, те всем этим не огорчились. Хитрую Голову все ненавидели и даже удивлялись, что младший принц, который так благороден и великодушен, мог любить своего недостойнейшего брата. Но уж таков был добрый нрав принца

Красавчика, что он очень был привязан ко всем своим родным, а Хитрая Голова всегда так ловко выказывал ему свою дружбу, что этот благородный принц никогда бы не позволил себе не отвечать ему тем же. Красавчик ужасно скорбел о ранах своего брата и принял все меры, чтобы вылечить его поскорее. Однако, несмотря на то, что все только и старались, как бы исцелить Хитрую Голову, ничего ему не помогало. Наоборот, казалось, раны его все больше и больше разбаливались и грозили ему долгим страданием.

После того как Вострушка избавилась от ужасной опасности, она счастливо достигла замка, где оставила своих сестер; но скоро ей пришлось испытать новые огорчения. У обеих старших принцесс родилось по сыну, и Вострушка была этим очень озабочена. Однако она ничуть не упала духом. Она так хотела скрыть позор своих сестер, что решилась еще раз на отважное предприятие, хотя и знала всю его опасность. Она приняла все меры предосторожности, какие только может внушить благоразумие, для того чтобы ее новый замысел мог удался.

Она переделалась мужчиной, положила детей сестер в ящики, где были сделаны отверстия, в которые малютки могли бы дышать, села на лошадь, взяла с собой эти ящики да еще кое-что и таким образом приехала в столицу Добряка, где находилась Хитрая Голова.

Когда Вострушка приехала в город, она узнала, что великолепные награды, которые раздавал принц Красавчик за лечение своего брата, привлекли ко двору всех шарлатанов Европы, ибо и в те времена расплодилось всяких проходимцев без дела и без уменья, которые выдавали себя за замечательных людей, получивших от неба дар исцелять все болезни. Этим людям, единственная наука которых состояла в плутне, всегда ведь очень верили в народе. Они умели

расположить к себе и поразить необыкновенным нарядом и странными именами, которые они принимали. Такие лекаря никогда не остаются на своей родине, а то, что они прибыли издалека, нередко поддерживает веру в них у простого люда.

Изобретательная принцесса, разузнав хорошенько обо всем этом, придумала себе имя, которое казалось очень диковинным в этом королевстве, она назвала себя Санацио. Затем она разгласила повсюду, что рыцарь Санацио явился из дальних стран с удивительными тайнами, которые позволяют ему исцелять всякие раны, самые опасные и болезненные. Тотчас же принц Красавчик послал за мнимым рыцарем. Вострушка явилась, разыгрывая великого шарлатана так, что лучше и придумать нельзя, произнесла несколько загадочных слов крайне самоуверенным тоном; одним словом, все было в порядке. Принцессе понравилось открытое лицо и приятные манеры принца Красавчика, и, поговорив несколько времени с ним о ранах Хитрой Головы, она сказала, что принесет бутылку несравненной воды, а пока оставляет два ящика с замечательными мазями, которые должны быть полезны для раненого принца.

После этого мнимый лекарь ушел и не вернулся; все весьма беспокоились, куда мог он запропасться. Наконец решили уже послать за ним, чтобы поторопить его, а в это время из комнаты Хитрой Головы раздался детский плач. Все очень удивились, так как во дворце не было детей. Кое-кто прислушался, и наконец догадались, что детский крик исходит из ящиков великого шарлатана.

То были племянники Вострушки. Она их как следует накормила перед тем, как снести во дворец, но уж прошло немало времени, им опять захотелось есть, и они запели жалобными голосами. Открыли ящички, и все очень удивились, найдя там этих двух мартышек,

которые оказались славными ребятами. Принц сейчас же заподозрил, что это новые затеи Вострушки; он пришел в неопишную ярость, а боли его до такой степени усилились, что уже не оставалось сомнений в том, что он не выживет.

Принц Красавчик очень был этим огорчен, а Хитрая Голова, который до последнего вздоха сохранил все свое коварство, вздумал обманно воспользоваться привязанностью своего брата.

— Вы меня всегда любили, принц, — сказал он ему, — и вот теперь вы плачете обо мне. Я умираю и не нуждаюсь больше в доказательствах вашей дружбы. Но если вы действительно меня любите, обещайте исполнить мою просьбу.

Принц Красавчик, видя, в каком состоянии находится его брат, не мог ни в чем ему отказать и обещал с самыми страшными клятвами исполнить все, что тот у него попросит. Как только Хитрая Голова выслушал эти клятвы, обнял он брата и сказал:

— Я умираю утешенным, принц, так как знаю, что буду отомщен. Вот о чем я хочу просить вас: как только я умру, вы должны посвататься к принцессе Вострушке. Конечно, вы легко добьетесь согласия этой плутовки, а как только она будет у вас в руках, вы должны ей тотчас же вонзить кинжал в самое сердце.

Принц Красавчик задрожал от ужаса при этих словах; пожалел он о том, что так неосторожно поклялся брату, но уж теперь было не время рассуждать, он не хотел и знака подать о том, как он горько раскаивается в своем обещании брату, который умер немного спустя. Король Добряк был очень этим огорчен. Ну а народ вовсе не жалел Хитрую Голову и даже был доволен его смертью, так как теперь на престол должен был взойти принц Красавчик, которого все любили за его добрый нрав.

Снова благополучно вернулась к сестрам Вострушка и вскоре узнала о смерти Хитрой Головы. А немного спустя трем сестрам сообщили, что король, их отец, возвращается. Поспешил явиться король в башню принцесс и первым делом потребовал их хрустальные прялки. Разиня взяла прялку Вострушки и показала ее королю, потом с глубоким поклоном вышла и отнесла прялку на ее место, затем то же проделала и Болтушка, а наконец и Вострушка вышла со своей прялкой. Но недоверчивый король захотел увидеть все три прялки зараз. И тогда только одна Вострушка смогла показать свою прялку. Тут король так рассердился на своих старших дочерей, что сейчас же послал к фее, которая дала ему хрустальные прялки, и попросил ее всю жизнь их от себя не отпускать и так их наказать, как они того заслужили.

Наказание принцесс началось с того, что фея привела их в одну из галерей своего очаровательного замка, где велела на стенах изобразить в красках историю бесконечного числа знаменитых женщин, которые прославились добродетелями и трудовой жизнью. Удивительными чарами феи все было так устроено, что все эти фигуры могли двигаться и работать с утра до вечера. Повсюду видны были трофеи и девизы во славу этих добродетельных женщин, и нелегко было сестрам сравнить триумфы этих героинь с тем жалким состоянием, в которое привела их несчастная их неосторожность. А что бы еще более усилить это огорчение, фея сказала им сурово, что если бы сестры так были заняты работой, как те, кого они видят на картинках, они бы не впали в недостойное распутство, сгубившее их, и что праздность — мать всех пороков и источник всех их несчастий.

Фея добавила, что для того, чтобы помешать им впасть снова в подобные несчастья и чтобы заставить их наверстать потерянное время, она найдет им

подходящее занятие. Действительно, она заставила принцесс нести самую тяжелую и грязную работу, и, невзирая на их красоту, послала их обирать горох да полоть огород. Разиня не могла выдержать горя, которое причиняла ей такая жизнь, столь неподходящая к ее наклонностям, и умерла от горя и усталости. Болтушка же умудрилась однажды ночью бежать из замка феи, но разбила себе голову о дерево и умерла от этой раны на руках крестьян, подобравших ее.

У Вострушки была добрая душа, и ее очень огорчала судьба сестер; в это время она узнала, что принц Красавчик просил ее у короля, ее отца, себе в жены, и тот согласился на это, не предупредив ее, ибо в то время взаимные влечения ни во что не почитались при заключении браков. Испугалась Вострушка, когда о том узнала: она опасалась, не осталась ли ненависть Хитрой Головы в сердце брата, который так его любил, и страшилась, что этот юный принц только для того и хочет жениться на ней, чтобы отомстить ей за своего брата. Крайне обеспокоенная, принцесса отправилась посоветоваться с премудрой феей, которая ее любила столько же сколь терпеть не могла Разиню и Болтушку.

Фея не захотела ничего открыть Вострушке, она только сказала ей:

— Принцесса, вы умны и осторожны, и до сих пор ваши поступки были так обдуманно, как только они могли быть у того, кто помнит пословицу, что недоверие есть мать безопасности. Не забывайте и в будущем о важности этого изречения, тогда вы станете счастливой и без помощи моего искусства.

Вострушка так и не добилась от феи ничего более ясного и вернулась во дворец в ужасном волнении.

Несколько дней спустя явился посланник от имени принца Красавчика, и принцессу повезли к ее супругу великолепным кортежем. Ей устроили торжественный

въезд уже в двух первых пограничных городах короля Добряка, а в третьем городе ее встретил сам Красавчик, который по приказанию своего отца выехал к ней. Все удивлялись, видя, как грустит принц перед свадьбой, которой он так добивался; сам король упрекал его за это и послал его против воли навстречу принцессе.

Когда Красавчик посмотрел на нее, ее красота поразила его, и он приветствовал ее так робко, что придворные обоих дворов, которые знали, как умен и любезен принц, решили, что верно уж очень он тронут ее красотой и от любви к ней растерялся, и со всех сторон слышались концерты да горели потешные огни. Наконец, после великолепного ужина, настала пора вести супругов в их покои.

Вострушка все время помнила изречение, о котором говорила ей фея. Подкупила она одну из придворных женщин, у которой был ключ от кабинета в тех покоях, что ей предназначались, и велела снести туда соломы, пузырь, бараньей крови да еще кишки одного из тех животных; которых они ели за ужином. Под каким-то предлогом принцесса вышла в этот кабинет и смастерила там чучело из соломы, внутрь которого засунула кишки и пузырь, наполнив его бараньей кровью; потом нарядила она это чучело в женское спальное одеяние и в ночной чепец. Когда Вострушка раздела эту прекрасную куклу, она опять вернулась к гостям, а немного спустя повели принцессу с супругом в их покои. После того как они разделись, фрейлина взяла свечи и удалилась. Тотчас же Вострушка бросила соломенную женщину на постель, а сама спряталась в углу комнаты.

Принц несколько раз громко вздохнул, а потом взял свою шпагу да и пронзил ею тело мнимой Вострушки. В тот же миг он почувствовал как кровь брызнула во все стороны, пощупал — лежит соломенная женщина без движения.

— Что я сделал? — вскричал Красавчик. — Как! После стольких ужасных волнений, после стольких колебаний должен ли я оставаться верным клятве, если она ведет к преступленью? Я лишил жизни очаровательную принцессу, для любви к которой я рожден! Ее очарование охватило меня, как только я ее увидел, — и все-таки у меня хватило силы освободить себя от клятвы, которую брат мой, объятый яростью, вынудил у меня так неожиданно и бесчестно! О небо! Разве можно даже подумать о том, чтобы наказывать женщину за ее чрезмерную добродетель? Ну что ж, Хитрая Голова, я удовлетворил твою несправедливую месть, но теперь в свою очередь я отомщу за Вострушку своей собственной смертью. Да, прекрасная моя принцесса, та же шпага должна...

При этих словах Вострушка услышала, что принц, который в исступлении выронил свою шпагу, ищет ее, чтобы пронзить свое сердце; она не захотела, чтобы он сделал такую глупость, и закричала ему:

— Принц, да я вовсе и не умирала. Ваше доброе сердце заставило меня предугадать ваше раскаяние, и вот, при помощи невинной хитрости, я вас уберегла от преступления.

Затем Вострушка рассказала ему о своей предусмотрительности, которая внушила ей мысль сделать соломенную женщину. Принц вне себя от радости, узнав, что она жива, и восхищался ее благоразумием во всех обстоятельствах. Он чувствовал к ней бесконечную благодарность за то, что она уберегла его от преступления, о котором он и подумать не мог без ужаса, и не понимал, как мог проявить такую слабость, что не понял всего ничтожества несчастной клятвы, которую у него вырвали обманом.

Однако, если бы Вострушка не была всегда убеждена, что недоверие есть меть безопасности, она была бы убита, а ее смерть повлекла бы за собой

кончину принца Красавчика, и стали бы потом все рассуждать, какие странные чувства были у покойного принца. Да здравствует предусмотрительность и находчивость! Они спасли этих двух супругов от мрачного несчастья для иной судьбы, самой сладостной в мире. Они всегда чувствовали друг к другу беспредельную нежность и прожили много добрых дней в славе и счастии, каких и не опишешь.

Вот, госпожа моя, преисполненная чудес история Вострушки. Признаюсь вам, что она мной приукрашена, и рассказ был немножко длинноват. Но ведь когда рассказывают сказки, это значит, что дел у нас мало и мы хотим поразвлечься, а в таком случае, кажется мне, надо рассказывать подлиннее, чтобы подольше поговорить. Кроме того, я думаю, что различные подробности в наших забавных сказках и есть самое в них приятное. Можете верить, очаровательная графиня, что сократить их весьма просто. Уверяю вас, что, когда вы пожелаете, я расскажу вам приключения Вострушки в очень немногих словах. Однако мне ее не так рассказывали в детстве, и рассказ длился по меньшей мере целый час.

Не сомневаюсь в том, что вам известно, какая это знаменитая сказка, но мне неизвестно, знаете ли вы, что говорит предание о ее старине. Предание удостоверяет, что трубадуры, или провансальские сказочники, выдумали эту сказку про Вострушку еще задолго до того, как Абельяр и славный граф Тибо Шампаньский стали писать романы. Такие сказки заключают в себе отличное нравоучение. Вы совершенно справедливо изволили заметить, что очень хорошо их рассказывать детям, чтобы внушить им чувство любви к добродетели. Не знаю, говорили ли вам о Вострушке, когда вы были ребенком, что же до меня -

Сто раз, наверно, няня повторяла
Мне, вместо сказок о зверях,
О королевских дочерях
Нравоучительны начала.
Здесь зло карает месть и страх,
А принц коварный в мрачном исступленьи
Решается на преступленье.
Нам эта сказка говорит,
Как две принцессы поживали,
Ленились без толку, судачили да спали,
И как ленивцев сторожит
Несчастье, а за ним и стыд,
Которого они никак не ожидали,
А он казниться им велит.
Но в сей истории прекрасной, величавой
Не только преступленья есть,
Здесь доблесть, добродетель, честь
Являются, покрыты славой.
И после всех причуд судьбины злой
Вострушка, умница живая,
Да принц, жених ее, герой,
В великой славе отдыхают.
Историю о волшебствах
Ведь лучше слушать, чем рассказы о волках.
Мне с детства милы сказки эти,
Да и теперь их любят дети.
Но и высокий ум оценит наш рассказ, —
Графиня, вы могли б отлично
Талантом счастливым украсить их подчас,
О том вас просит галл античный.
Перенесите в оны дни
Рассказ, простой и поэтичный,
От трубадуров к нам давно пришли они,
Их тайный смысл живет, скажу вам без поклепа,
Не хуже старика Эзопа.

Франсуа Пети Де Ла Круа

История Малека и принцессы Ширин

Я единственный сын богатого купца из Сурата. Вскоре после смерти отца я промотал большую часть оставленного им громадного наследства. Последние деньги я растрачивал в кутежах с друзьями. И вот однажды за моим столом случайно оказался некий чужестранец, направлявшийся, по его словам, на остров Серендиб и по пути остановившийся в Сурате.

Разговор зашел о путешествиях. Одни превозносили их, утверждая, что от них большая польза и неисчислимые удовольствия, другие рассуждали о сопряженных с ними опасностях. Те из моих приятелей, кому довелось путешествовать, поведали нам о своих странствиях. Они видели много необычного, и это вызвало у меня неодолимое желание путешествовать; но, когда они рассказывали об опасностях, подстерегавших их в пути, желание сразу пропадало.

Выслушав всех, я сказал:

— Невозможно слушать восторженные речи тех, кто объездил весь мир, и не почувствовать неодолимой тяги к путешествиям. Но беды, грозящие путешественникам, отбивают у меня охоту повидать дальние страны. Если бы можно было, — добавил я с улыбкой, — очутится на другом краю земли, и не встретив по дороге злоумышленников, я бы завтра же покинул Сурат.

Вся компания расхохоталась, а чужестранец сказал:

— Досточтимый Малек, если вам охота путешествовать и лишь страх перед разбойниками не дает вам выполнить это желание, то я, когда вам будет угодно, открою вам способ переезжать из страны в страну без малейшей опасности.

Я подумал, что он шутит. Однако вскоре после ужина он отвел меня в сторону и сказал, что завтра утром придет ко мне опять и покажет нечто удивительное.

И в самом деле, на завтра он явился ко мне и сказал: — Свое обещание я сдержу, но увидеть обещанное вы сможете лишь через несколько дней: то, что я вам покажу, нельзя изготовить сегодня. Отправьте одного из ваших рабов за столяром, и пусть они доставят сюда столько досок, сколько могут унести вдвоем.

Это было исполнено без промедления.

Когда столяр и раб вернулись, чужестранец велел столяру изготовить сундук длиной шесть футов и шириной четыре фута: столяр тут же взялся за дело. Чужестранец тоже не терял времени даром: он изготовил множество винтов и пружин для какого-то механизма. Оба проработали до позднего вечера. Затем столяра отослали. Весь следующий день чужестранец прилаживал пружины и заканчивал отделку сундука. На третий день сундук был готов; его покрыли персидским ковром и отнесли за город, в поле. Чужестранец пришел туда вместе со мной и сказал:

— отошлите рабов, мы должны остаться одни: я не хочу, чтобы кто-то, кроме вас, видел то, что я сейчас сделаю.

Я приказал рабам вернуться домой и остался один с чужестранцем. Мне не терпелось узнать что же он сделает с этим сундуком. Чужестранец забрался внутрь; через мгновение сундук оторвался от земли и взмыл в воздух с невероятной скоростью. Еще мгновение — и он унесся вдаль, потом вернулся и опустился у моих ног.

Не нахожу слов, чтобы сказать, как поразило меня это чудо.

— Перед вами, — сказал чужестранец, вылезая из сундука, — весьма удобный экипаж, и будьте уверены:

путешествуя таким образом, можно не бояться, что тебя обворуют по дороге. Это есть тот способ путешествовать без всяких опасностей, который я собирался вам предоставить. Дарю вам этот сундук. Если когда-нибудь решитесь посмотреть дальние страны — воспользуйтесь им. Не думайте, будто тут какое-то волшебство. Не сила заклинаний, не могущество талисмана поднимает в воздух этот сундук. Он движется благодаря искусному умению управлять силами движения. Я весьма сведущ в механике и умею делать разные другие машины, не менее удивительные, чем эта.

Я поблагодарил чужестранца за столь изысканный дар и дал ему в награду кошелек, полный цехинов. Затем я попросил его:

— Научите меня приводить в движение сундук.

— Это вы освоите быстро, — отвечал чужестранец и предложил мне влезть в сундук вместе с ним. Он нажал какую-то пружину, и мы мгновенно поднялись в воздух. Тут он объяснил мне устройство сундука, чтобы я мог легко и свободно управлять им.

— Если повернуть вот этот винт, — сказал он, — то сундук полетит направо, если вон тот — полетит налево. Захотите подняться — нажмете ту.

Я решил испробовать все сам: поворачивал винты, нажимал пружины. И сундук, послушный моей воле, летел то туда, то сюда, то ускоряя, то замедляя полет. Проделав в воздухе всевозможные кульбиты, мы направили сундук к моему дому и опустились в саду. Сделать это было нетрудно: когда мы сняли ковер, покрывавший сундук, в нем оказалось множество отверстий, чтобы он проветривался и чтобы можно было смотреть наружу.

Мы уже были дома, когда вернулись отосланные мной рабы, и их изумлению не было предела. Я велел поставить сундук в моих покоях и запер его там так

тщательно, как не запирают и несметные сокровища. Чужестранец отправился восвояси, столь же довольный мною, сколь я им. После этого я, как прежде, весело проводил время с друзьями, пока не прожил остатки моего состояния. Тогда я стал брать деньги займы и скоро оказался по уши в долгах. Как только в Сурате узнали, что я разорен, я потерял кредит. Никто уже не соглашался давать мне в долг, а заимодавцы, горя нетерпением снова увидеть свои деньги, настоятельно требовали вернуть их. Оставшись без средств и, стало быть, предвидя в будущем сплошные огорчения и обиды, я вспомнил о моем сундуке. Однажды ночью я вытащил его во двор, погрузил в него небольшой запас еды и все оставшиеся у меня деньги и закрылся в нем. Потом нажал пружину, которая поднимала сундук в воздух, повернул нужный винт и унесся далеко от Сурата и от моих заимодавцев, не боясь, что они вышлют за мной в погоню лучников.

Ночью я пустил сундук так быстро, как только было возможно: казалось, он летит быстрее ветра. На рассвете я выглянул в одно из отверстий, чтобы осмотреть места, над которыми пролетал. Я видел лишь горы, пропасти, бесплодные степи, мрачные пустыни. Нигде мой взор не приметил ничего похожего на человеческое жилье; так я летел весь день и всю следующую ночь. Наутро я увидел внизу дремучий лес, а за ним — весьма красивый город, расположенный на широкой равнине. Я остановил сундук, чтобы лучше рассмотреть город, а в особенности великолепный дворец на самом краю равнины. Мне очень захотелось узнать, где я нахожусь, и я все думал, как бы это сделать, и вдруг заметил внизу крестьянина, пахавшего свое поле. Я опустился в лес, оставил сундук там, а потом направился к пахарю и спросил, как называется город.

— Юноша, — отвечал он, — сразу видно, что вы чужестранец, если не знаете, что этот город называется Газна. Здесь правит могучий и отважный король Багаман.

— А кто живет в том дворце на краю равнины?

— Король выстроил его, чтобы держать там взаперти свою дочь, принцессу Ширин, ибо гороскоп принцессы предсказывает, что она будет обманута мужчиной. Дабы не дать этому предсказанию сбыться, Багаман выстроил мраморный дворец и окружил его рвами с водой. Ворота дворца сделаны из китайской стали, и ключ от них есть только у короля. Кроме того, ворота днем и ночью охраняет многочисленная стража, чтобы во дворец не мог проникнуть ни один мужчина. Раз в неделю король приезжает навестить дочь; затем он возвращается в Газну. Все общество Ширин в этом дворце составляют ее воспитательницы и несколько молоденьких рабынь.

Я поблагодарил крестьянина за его подробный рассказ и направился в сторону города. Приближаясь к нему, я вдруг услышал топот копыт, и вскоре мне навстречу выехало множество великолепно одетых всадников на породистых конях и в богатой сбруе. В этой блестящей кавалькаде я заметил рослого человека в золотой короне; одежды его были украшены алмазами. Я подумал тогда: это король Газны, он едет повидаться с дочерью; и позже в городе узнал, что не ошибся.

После того как я обошел весь город и отчасти удовлетворил свое любопытство, я вспомнил о сундуке и, хоть он и находился в надежном месте, ощутил сильную тревогу. Я покинул Газну и не мог успокоиться, пока не добрался до сундука. Тут мои страхи как рукой сняло, я с большим аппетитом съел всю оставшуюся у меня провизию; вскоре стемнело, и я решил заночевать в лесу. Можно было надеяться, что глубокий сон не

замедлит овладеть моими чувствами: ни мои долги, ни затруднительное положение, в котором я находился, особенно меня не тревожили. Но уснуть я не мог: мысли мои снова и снова возвращались к тому, что я услышал о принцессе Ширин. Возможно ли, спрашивал я себя, чтобы король Багаман испугался какого-то вздорного предсказания? Зачем было строить новый дворец и запираить там принцессу? Разве она не была бы в безопасности в чертогах своего отца? А с другой стороны, если астрологи могут заглянуть в непроницаемое будущее, если по звездам они узнают о грядущих событиях, то как бы мы ни старались избежать предсказанного, оно неминуемо должно сбыться. Нет таких предосторожностей, которые могли бы отвести от нас беду, предначертанную звездами. Если принцессе Ширин суждено увлечься мужчиной, все попытки уберечь ее будут напрасны. Я долго размышлял о Ширин. В моем воображении она представлялась прекраснее всех виденных прежде дам, — хотя в Сурате и Гоа я видел много особ, которых можно было назвать красавицами и которые не мало способствовали моему разорению, — и наконец я решил попытаться счастья. Надо прилететь на крышу дворца, где живет принцесса, сказал я себе, и попробовать проникнуть в ее покои: вдруг я сумею ей понравиться. Быть может, я и есть тот отважный и удачливый смертный, о коем звезды поведали астрологам.

Я был молод и, стало быть, легкомыслен; смелости мне было не занимать. Приняв это дерзкое решение, я исполнил его немедленно: поднялся в воздух и направил сундук в сторону дворца. Ночь была непроглядно темной, это отвечало моим желанием. Незамеченным пролетел я над головами воинов, которые безотлучно стояли на страже у дворцовых рвов. А затем опустился на крышу в том месте, где виден был свет.

Выйдя из сундука, я влез в окно, оставленное открытым для доступа ночной прохлады, и попал в богато убранный покой, где на обитой парчой софе спала принцесса Ширин. Красота ее показалась мне ослепительной; я нашел, что она прекраснее образа, созданного моей фантазией. Я приблизился, чтобы получше ее разглядеть, но не смог равнодушно созерцать столь дивное зрелище: опустившись на колени, я поцеловал ее прекрасную руку. Она мгновенно проснулась и, увидев мужчину в позе, внушающем тревогу, громко вскрикнула. На этот крик тут же прибежала воспитательница, которая спала в соседней комнате.

— На помощь, Мапейкер! — воскликнула принцесса. — Здесь мужчина: как смог он проникнуть в мои покои? Быть может, вы пособница его злодеяния?

— Кто, я? — возмутилась та. — Ах, принцесса, вы оскорбляете меня таким подозрением, я поражена не меньше вас, видя здесь этого дерзкого юнца. Но даже если бы я и захотела помочь ему в его безумном предприятии, разве удалось бы мне обмануть бдительную стражу, охраняющую дворец? И потом, вы же знаете: чтобы войти сюда, надо открыть двадцать стальных дверей, а каждый замок запечатан королевской печатью, и ключи от него есть только у вашего отца; не понимаю, как молодой человек преодолел все эти препятствия.

Пока воспитательница рассуждала таким образом, я раздумывал, что бы им сказать, и мне пришло в голову внушить им, будто я — пророк Магомет.

— Прекрасная принцесса, и вы, Мапейкер, — начал я, — не удивляйтесь, видя меня здесь. Нет, я не один из тех возлюбленных, которые не жалеют золота и пускаются на любые хитрости, лишь бы поскорее добиться желаемого, во мне нет вожделений, опасных для вашей добродетели, всякая дурная мысль чужда

мне. Я пророк Магомет. Я не мог без сострадания видеть, как вы проводите лучшие годы в темнице, и вот даю вам слово: я избавлю вас от власти предсказания, столь напугавшего короля Багамана. Отныне ваше будущее не должно тревожить ни его, ни вас, оно будет исполнено славы и счастья, ибо вы станете супругой Магомета. Как только разнесется эта весть, властители всего мира станут трепетать перед тестем великого пророка, а все принцессы будут завидовать вашей судьбе.

Когда я закончил эту речь, Ширин и ее воспитательница переглянулись, как бы спрашивая друг друга, что обо всем этом думать.

Признаюсь, я не без причин боялся, что они мне не поверят; но женщины так любят чудеса! Мапейкер и ее повелительница приняли мою небылицу за чистую правду. Они поверили, что я Магомет, и я злоупотребил их доверием. Я провел с принцессой почти всю ночь и вышел из ее покоев только перед рассветом, обещав однако, следующей ночью навестить ее вновь. Я быстро забрался в сундук и поднялся довольно высоко, чтобы стража не могла меня заметить. Опустившись в лесу, я оставил там сундук и отправился в город, где купил еды на неделю, великолепные одежды, красивый тюрбан из индийского полотна в золотую полоску, богатый пояс, а также всевозможные эликсиры и лучшие духи. На эти покупки ушли последние деньги, но я не беспокоился о будущем: мне казалось, что после такого увлекательного приключения я ни в чем не буду нуждаться.

Весь день я провел в лесу, тщательно наряжался и душился. Как только стемнело, я влез в сундук и прилетел на крышу дворца принцессы Ширин. И вошел в ее покои так же, как накануне. Было затемно, что принцесса ждала меня с нетерпением.

— О великий пророк! — сказала она. — Я уже начала волноваться, боялась, что вы забыли свою супругу.

— Любезная принцесса, — отвечал я, — оставьте эти страхи. Я ведь дал вам слово, разве этого мало, чтобы убедиться в моей неизменной любви?

— Но объясните мне, отчего вы так молодо выглядите? Я всегда представляла себе Магомета почтенным старцем.

— И не ошибались, — сказал я, — меня должно представлять себе именно в этом облике, и, если б я появился перед вами таким, каким порой являюсь правоверным, когда хочу оказать им эту честь, вы увидели бы длинную белую бороду и самую что ни на есть лысую голову. Но мне подумалось, что вы предпочли бы увидеть особу, не столь обремененную годами, и потому я принял облик молодого человека.

Воспитательница вмешалась в нашу беседу, сказав, что я поступил правильно, и что, выступая в роли мужа, красотой дела не испортишь.

И снова я покинул дворец на исходе ночи, опасаясь, как бы пророк не был разоблачен. Следующей ночью я опять побывал у Ширин и по-прежнему вел себя так ловко, что ни у нее, ни у Мапейкер не возникло и тени подозрения. Надо сказать, принцесса мало-помалу увлеклась мной, и именно это заставляло ее верить всем моим словам; ведь когда мы расположены к человеку, нам не приходит в голову усомниться в его искренности.

Прошло несколько дней, и, король Багам, сопровождаемый свитой, прибыл во дворец повидать дочь. Увидев, что двери заперты и печати на замках целы, он сказал своим визирям: «Все обстоит наилучшим образом. Пока двери во дворце надежно заперты, я не страшусь несчастья, подстерегающего мою дочь». Затем он в одиночестве поднялся в покои дочери, которая увидев его не смогла скрыть смущения.

Он заметил это и захотел узнать причину. Его вопросы усилили смущение принцессы, и та, вынужденная отвечать, в конце концов рассказала о случившемся.

Можете представить себе, государь, как изумился король Багаман, узнав, что он, сам того не ведая, стал тестем Магомета.

— Ах, какой вздор! — воскликнул он. — Ах, дочь моя, как вы легковерны! О небо! Теперь я убедился: напрасно стараемся мы избежать несчастий, уготованных тобою, предсказание сбылось, Ширин обманута подлым соблазнителем! — Сказав это, он вышел из покоев принцессы в сильнейшем волнении и осмотрев весь дворец снизу доверху. Но хоть он и искал повсюду, нигде не удалось ему найти следов соблазнителя. Изумление его возрастало.

— Как же дерзкий злоумышленник сумел проникнуть во дворец? Этого я не могу понять.

Он призвал своих визирей и приближенных. Услыхав его голос, они поспешили прийти, а увидев его волнение, сильно перепугались.

— Что случилось, государь? — спросил первый министр. — Вы как будто не в духе, чем-то обеспокоены? Что за беду возвещает нам тревога, которую мы замечаем в вашем взоре?

Король сообщил им все, что узнал, и спросил, что они думают об этом происшествии. Первым заговорил великий визирь. Он сказал, что брак принцессы действительно мог состояться, хоть он и смахивает на небылицу, что найдется немало царствующих домов, которые преспокойно объясняют свое происхождение подобными событиями, и что он, со своей стороны, находит вполне возможным союз, по словам принцессы, заключенный ею с Магометом.

Другие визири, вероятно желая оказать любезность первому, заявили, что разделяют его мнение. Но один из придворных не согласился с остальными, сказав так:

— Удивляюсь, как здравомыслящие люди могут доверять столь странным сообщениям. Неужели разумный человек может подумать, будто великий пророк станет искать себе жену на земле, когда в раю его окружают прелестнейшие гурии! Это противно здравому смыслу, и если королю угодно знать мое мнение, то вместо того чтобы слушать глупые сказки, следовало бы разобраться в этом деле. Уверен, что вскоре обнаружится мошенник, который дерзнул обольстить принцессу, прикрываясь священным именем.

Хотя от природы Багаман был доверчив, хотя он считал своего первого министра мудрейшим из людей, хоть все его визири выразили убеждение, что Ширин действительно супруга пророка, он все же склонился к суждению, отвергающему достоверность рассказанного. Он решил дознаться правды, но приступить к делу осторожно и поговорить с мнимым или истинным пророком без свидетелей. Поэтому он отослал визирей и придворных в Газну.

— Удалитесь, — сказал он, — сегодня я останусь во дворце у дочери. Завтра вы явитесь сюда ко мне.

Повинуясь королю, свита возвратилась в город. А Багаман в ожидании ночи снова принялся расспрашивать принцессу. Он спросил, разделил ли я ее трапезу.

— Нет, повелитель, — ответила ему дочь. — Напрасно я предлагала ему лакомые блюда и вина, он не пожелал вкусить их. За то время, что он является сюда, я ни разу не видела, как он ест.

— Расскажите мне обо всем еще раз и не скрывайте ни малейших подробностей.

Ширин старательно пересказала королю всю историю, а он внимательно слушал и еще раз взвешивал все услышанное. Настала ночь. Багаман сел на софу, велел зажечь свечи и поставить перед ним на

мраморный стол. Он вытащил из ножен саблю, чтобы, если понадобится, пустить ее в ход и смыть кровью оскорбление, нанесенное его чести. Он ждал меня с минуты на минуту и, вероятно, волновался, представляя, как я вдруг явлюсь перед ним.

Этой ночью в воздухе вспыхивало множество огней.

Ослепительная молния сверкнула перед глазами короля. Он подошел к окну, откуда, по словам Ширин, должен был появиться я, и, когда увидел, что воздух весь как бы охвачен пламенем, это смутило его воображение, хотя на самом деле он не увидел ничего сверхъестественного. Он не подумал, что эти летучие огни возникли от каких-то испарений, воспламенившихся в воздухе; зато ему пришло в голову, будто вспышки пламени возвещают земле о пришествии Магомета, а небо так сияет потому, что открылись небесные врата, дабы выпустить пророка. При таком настроении короля я мог безбоязненно предстать перед ним. Когда я показался в окне, он не впал в ярость, напротив, его охватил благоговейный страх. Он уронил саблю, и, пав ниц, облобызал мне ноги со словами:

— О великий пророк! Кто я такой и что я совершил, чтобы удостоиться счастья стать вашим тестем?

Услыхав эти слова, я догадался, что произошло между королем и принцессой, и понял, что не придется иметь дело с вольнодумцем, который мог бы подвергнуть пророка затруднительному экзамену. Я решил использовать эту слабость короля к своей выгоде.

— Король Багам! — сказал я, поднимая его. — Из всех мусульманских владык вы самый благочестивый, и потому вы мне любезнее других. В книге Судеб было написано, что вашу дочь обольстит мужчина, и ваши астрологи открыли это с помощью своей науки. Но я умолил Всевышнего избавить вас от этого неудовольствия и исключить это несчастье из тех, что

уготованы смертным. Ему угодно было сделать это из любви ко мне, но при условии, что Ширин станет одной из моих жен. Я согласился, дабы вознаградить вас за добрые дела, которые вы ежедневно совершаете.

Король Багаман не мог опомниться. Этот легковверный государь принял за истину все, что я наговорил. В восторге от того, что он породнился с пророком, он снова упал к моим ногам, чтобы выразить признательность за оказанные ему милости. И вновь я поднял его обнял и заверил в моем благоволении. Он не находил слов, чтобы отблагодарить меня. Затем, решив, что приличествует оставить меня наедине с супругой, удалился в другие покои.

Я провел с Ширин несколько часов. Но даже удовольствие, которое я испытал, не давало мне забыть о времени. Я боялся, что наступивший день застанет меня врасплох, что на крыше заметят мой сундук. Поэтому на исходе ночи я покинул Ширин и вернулся в лес.

На следующее утро визири и придворные явились во дворец принцессы. Они спросили короля, известно ли ему теперь все, что он хотел узнать.

— Да, — ответил он. — Теперь я знаю, как обстоит дело. Я своими глазами видел пророка и говорил с ним. Он супруг моей дочери, это истинная правда.

Тут визири и советники разом обернулись к придворному, заявившему накануне, что этот брак невозможен, и упрекнули его за недоверие. Но он остался тверд в своем убеждении и упорно отстаивал его, что бы ни говорил король, желавший внушить ему, будто Ширин — супруга Магомета. Багаман чуть было не разгневался на недоверчивого придворного, и тот стал посмешищем всего совета.

В тот же день произошел случай, который окончательно укрепил визирей в их заблуждении. Когда Багаман со свитой возвращался в город, началась гроза,

захватившая их посреди равнины. От непрерывных вспышек молнии у них заболели глаза, а гром гремел так устрашающе, словно этот день был последним днем мироздания. Внезапно лошадь недоверчивого советника испугалась, взбрыкнула и сбросила хозяина наземь; он сломал ногу. Этот несчастный случай был воспринят всеми как наказание свыше.

— Несчастный! — воскликнул король, видя, что советник упал. — Вот плоды твоего упрямства. Ты не хотел мне верить, и пророк покарал тебя.

Раненого увезли домой, а Багаман, едва вернувшись, поспешил огласить указ, повелевавший всем жителям Газны пировать и веселиться по случаю брака принцессы Ширин с Магометом. Днем я пошел прогуляться в город и там узнал эту новость, а также узнал о случае с придворным. Невозможно даже представить себе, насколько народ доверчив и суеверен. На улицах и площадях были строены пышные празднества, и повсюду слышались возгласы: «Да здравствует Багаман, тесть пророка!» Когда настала ночь, я вернулся в лес и вскоре был уже у принцессы.

— Несравненная Ширин, — сказал я, входя в ее покои, — вы не знаете, что произошло сегодня на равнине. Некий придворный, усомнившийся в том, что вы супруга Магомета, поплатился за эти сомнения. Я вызвал грозу, его лошадь испугалась, придворный упал и сломал ногу. Я не счел нужным мстить более жестоко. Но клянусь моей могилой в Медине, если еще кто-нибудь дерзнет сомневаться в вашем счастье, это будет стоить ему жизни.

Побыв некоторое время у принцессы, я удалился. На следующий день король собрал визирей и придворных.

— Пойдемте все умолять Магомета простить несчастного, не поверившего мне и наказанного за свое неверие.

Без промедления они сели на коней и поскакали во дворец Ширин. Король сам открыл им двери, накануне собственноручно им запертые и запечатанные его печатью. В сопровождении визирей он поднялся в покои дочери.

— Ширин, — сказал он ей, — мы просим вас заступиться перед пророком за человека, навлекшего на себя его гнев.

— Знаю, о ком вы говорите, государь, — ответила Ширин. — Магомет мне все рассказал.

И она повторила им то, что я рассказал ей ночью, передав, что я поклялся истребить всех, кто усомнится в ее браке с пророком.

Услышав это добряк Багаман обернулся к визирям и придворным и сказал им:

— Если бы мы до сих пор не верили в то, что видели своими глазами, то разве не убедились бы теперь, что Магомет действительно мой зять? Вы слышали, он сам сказал моей дочери, что вызвал грозу, дабы покарать усомнившегося. Министры и все прочие остались в совершенной уверенности, что Ширин — супруга пророка. Они простерлись перед ней ниц, смиренно умоляя умиловить меня, попросить за несчастного придворного, и она им это обещала.

Между тем запасы провизии у меня кончились, денег больше не было, и пророк Магомет стал раздумывать, как быть дальше.

— Принцесса, — сказал я Ширин однажды ночью, — вступая в брак, мы с вами забыли выполнить одно необходимое условие. Вы ничего не принесли мне в приданное, и это упущение меня огорчает.

— Что ж, дорогой супруг, — отвечала она, — завтра я поговорю об этом с отцом, и он, конечно, велит доставить сюда все свои сокровища.

— О нет, — сказал я, — зачем говорить ему об этом, я и не помышляю ни о каких сокровищах, богатства мне

ни к чему. Если вы дадите мне что-нибудь из ваших драгоценностей, этого будет достаточно, другого приданного мне не надо. Ширин хотела нагрузить меня всеми драгоценными уборами, какие у нее были, чтобы приданное выглядело внушительнее. Однако я взял лишь два крупных алмаза и на завтра продал их ювелиру в Газне. Это дало мне возможность и в дальнейшем играть роль Магомета.

Около месяца вел я приятнейшую жизнь, выдавая себя за пророка; но вот однажды в Газну прибыл посол от короля сопредельной страны, чтобы просить руки Ширин для своего повелителя. Он скоро получил аудиенцию, и Багаман, узнав о цели этого посольства ответил:

— Мне жаль, что я не могу отдать дочь в супруги вашему повелителю: я выдал ее за пророка Магомета.

Услыхав такой ответ, посол решил, что король Газны не в своем уме. Он покинул дворец и вернулся к своему государю, который вначале, как и его посол, подумал, будто Багаман сошел с ума. Потом ему пришло в голову, что Багаман отказал из пренебрежения к нему, и это задело его за живое. Он собрал полки и с огромным войском вторгся в пределы Багамана.

Этот король, по имени Касем, был гораздо могущественнее Багамана, который вдобавок еще так медленно готовился отразить нападение, что неприятель одерживал победу за победой. Касем наголову разбил несколько полков, пытавшихся дать ему отпор, и быстро продвинулся к столице. Войско Багамана он застал в укрепленном лагере на равнине, перед дворцом Ширин. Пылая любовью и гневом, Касем намеревался тут же атаковать укрепления противника, но его люди нуждались в отдыхе, начало темнеть, и он отложил наступление на утро. Король Газны, получив сведения о многочисленном и отборном войске Касема,

пришел в ужас. Он собрал совет, на котором придворный, упавший с лошади, сказал так:

— Разве тестю Магомета подобает тревожиться не то что из-за какого-то Касема, но даже выступи против него государи всего мира? Пусть ваше величество обратится к зятю, попросит помощи у пророка, и он тут же развеет ваших врагов.

Придворный сказал это в насмешку, но Багаман отнесся к его словам с полным доверием.

— Вы правы, — ответил он, — надо просить о помощи пророка. Я буду молить, чтобы он потеснил надменного врага, и смею надеяться, что он не останется глух к моим мольбам. — Сказав так, он отправился к Ширин.

— Дочь моя, — сказал он ей, — завтра на рассвете Касем пойдет в атаку, и я боюсь, как бы он не прорвал наши укрепления. Я пришел просить помощи у Магомета. Употребите все ваше влияние, убедите его вмешаться и защитить нас. Соединим наши мольбы, да будет он к нам благосклонен.

— О повелитель, — ответила Ширин, — склонить пророка на нашу сторону будет совсем не трудно. Вскоре он рассеет вражеское войско, и пример Касема научит государей всего мира относиться к вам с почтением.

— Но ведь уже глубокая ночь, — продолжал король, — а пророк еще не явился. Неужели он оставил нас?

— Нет, отец, нет, — возразила Ширин, — не надо так думать, пророк не бросит нас в такой крайности. С неба ему хорошо видно вражеское войско, и, быть может, как раз сейчас он внесет туда ужас и замешательство.

Именно так и собирался сделать Магомет. Днем я издали следил за войсками Касема и запомнил их расположение, обратив особое внимание на королевскую ставку. Я набрал камней, больших и

маленьких, наполнил ими сундук и глубокой ночью поднялся в воздух. Приблизившись к ставке Касема, я без труда различил королевский шатер — высокий, расшитый золотом, в виде купола; держался он на двенадцати расписных деревянных столбиках, врытых в землю. Промежутки между столбиками были заполнены тесно переплетенными ветками деревьев различных пород. Над верхушками столбиков были проделаны два окна: одно смотрело на восток, другое на юг.

Расположившиеся вокруг шатра воины все до одного крепко спали, поэтому я смог незаметно спуститься и заглянуть в одно из окон. И увидел Касема — он лежал на софе, подложив под голову маленькую атласную подушку. Я по пояс высунулся из сундука и бросил в Касема большой камень. Этот камень попал ему прямо в лоб, нанеся опасную рану. Он вскрикнул так, что проснулась и его охрана, и все приближенные. Вбежав в шатер, они видят Касема в крови и без чувств. Поднимается крик, в ставке бьют тревогу, каждый хочет узнать, в чем дело. Разносится слух, что король ранен, но неизвестно, кто нанес удар. Пока они доискиваются, кто бы это мог сделать, я взлетаю под облака и высыпаю на королевский и соседние с ним шатры целый град камней. Несколько воинов ранены, они кричат, что пошел каменный дождь. Эта новость быстро распространяется, и, чтобы подтвердить ее, я разбрасываю камни тут и там. Ужас охватил войско. И воины, и их начальники решили, что пророк рассердился на Касема, и это чудо — слишком явное доказательство его гнева. И вот перепуганные враги Багамана обратились в бегство. Впопыхах они бросили снаряжение и шатры и, разбегаясь кто куда, кричали: «Мы погибли, Магомет истребит нас всех!»

Проснувшись на рассвете, король Газны был немало удивлен, когда вместо ожидаемого нападения увидел, что враг отступает. С отрядом своих лучших воинов он

тут же пустился в погоню. Он перебил многих беглецов и захватил в плен самого Касема, который из-за раны не мог бежать быстро.

— Отчего ты незаконно и беспричинно вторгся в мою страну? — спросил Багаман. — Разве у тебя был повод для объявления войны?

— Багаман, — ответил пленник, — я думал, что ты из пренебрежения отказал мне в руке дочери, и решил отомстить. Тогда я не мог поверить, что Магомет твой зять, а теперь нисколько не сомневаюсь в этом, ибо он ранил меня и рассеял мое войско.

Багаман не стал далее преследовать бегущих врагов и возвратился в Газну с пленным Касемом, который в тот же день скончался от своей раны. Когда стали делить добычу, она оказалась так велика, что воины вернулись домой, отягощенные золотом. Во всех мечетях возносили благодарственные молитвы и пели хвалу небу, разгромившему врага. С наступлением ночи король прибыл во дворец Ширин.

— Дочь моя, — сказал он, — я хочу выразить пророку мою безмерную признательность. От моего гонца вы уже знаете, что совершил для нас Магомет. Я так потрясен, что мне не терпится поскорее обнять его колени.

Вскоре он смог получить это удовольствие. Как обычно, я вошел в окно Ширин, зная, что он уже там. Он упал к моим ногам, поцеловал землю и сказал:

— О великий пророк! Никакими словами не выразить то, что я сейчас чувствую. Читайте же сами в моем сердце, исполненном благодарности.

Я поднял Багамана и поцеловал его в лоб.

— Король, как могли вы подумать, что я оставлю вас без помощи в затруднительном положении, в котором вы оказались из-за любви ко мне? Я покарал гордого Касема, намеревавшегося завладеть вашими землями и сделать Ширин рабыней в своем серале. Теперь вам

нечего опасаться, что кто-то из властителей пойдет на вас войной, а если кто и осмелится сделать это, я найшу на его войско огненный дождь, и оно обратится в пепел.

Снова заверив Багамана, что я беру его владения под свое покровительство, я поведал ему, какой переполох поднялся во вражеском стане, когда сверху посыпались камни. Багаман же передал мне предсмертные слова Касема, а затем удалился, чтобы не стеснять Ширин и меня. Принцесса не менее чем ее отец испытывала признательность за важную услугу, оказанную мной государству: она осыпала меня ласками. Я чуть не забыл об осторожности; уже светало, когда я наконец забрался в сундук. Впрочем, к тому времени все уже твердо считали меня Магометом, что, даже если б воины и увидели меня в воздухе, это не открыло бы им глаза. Я и сам уже почти верил, что я пророк, после того как обратил в бегство целое войско.

Через два дня после погребения Касема, которому, хоть он и был врагом, устроили пышные похороны, король велел устроить в городе увеселения как по случаю победы, так и для того, чтобы торжественно отпраздновать брак принцессы Ширин с Магометом. Я решил, что праздник в мою честь непременно должен увенчаться каким-нибудь чудом. Для этого я купил в Газне белой смолы и хлопковых семян, а также маленькое огниво. Целый день я провозился в лесу, приготавливая фейерверк из хлопковых семян, погруженных в смолу. Ночью, когда народ веселился на улицах, я взлетел так высоко, чтобы сундук нельзя было различить в огнях фейерверка. И тогда я высек огонь и поджег смолу. Хлопковые семена рассыпались и трещали, фейерверк получился великолепный. Затем я благополучно вернулся в лес. Наутро мне захотелось пойти с город, послушать, как там обо мне судачат. Я не обманулся в своих ожиданиях: народ толковал на

разные лады о моей проделке. Иные утверждали, будто Магомет, желая показать, что праздник ему приятен, явил народу небесные огни. Другие уверяли, будто среди летучих звезд видели самого пророка, почтенного белобородого старца, каким он представлялся им в воображении.

Все эти бредни страшно меня забавляли! Но увы! Пока я вкушал это удовольствие, сундук, мой бесценный сундук, источник всех моих чудес, сгорел в лесу. Видно, в мое отсутствие он занялся от какого-то незаметно тлевшего уголька, и вот от него ничего не осталось. Возвратившись, я обнаружил вместо сундука кучу золы. Отец, который по возвращении домой видит единственного сына в луже крови, пронзенного безжалостным клинком, не горюет так, как горевал я. Лес огласился моими криками и стонами, я рвал на себе волосы и раздирал одежды. Не знаю, как я не лишил себя жизни в таком отчаянии.

Но делать было нечего. Нужно было на что-то решаться. И мне оставался лишь один выход: поискать счастья в других местах. Итак, пророк Магомет, к огорчению Багамана и Ширин, покинул Газну. Через три дня я встретил большой караван — то были каирские купцы, возвращавшиеся на родину. Я пристал к каравану и прибыл в славный город Каир; для пропитания мне пришлось сделаться ткачом. Я провел там несколько лет, затем переехал в Дамаск, где занимаюсь тем же ремеслом. Всем кажется, что я доволен своей участью, но это только видимость. Я не могу забыть о былом счастье. Ширин неотлучно пребывает в моем воображении. Утомленный, я хочу изгладить ее из памяти, напрягаю все силы, и это занятие, столь же тяжкое, сколь и бесплодное, делает меня глубоко несчастным.

Катрин Бернар

Рике с хохолком

Один знатный сеньор из Гренады, не обойденный ни богатством, ни родовитостью, имел в доме обстоятельство столь досадное, что оно отравило все милости, какими осыпала его фортуна. Единственная его дочь, хоть и обладала с рождения всеми чертами, составляющими красоту, выросла до того глупой, что даже и самая красота ее делалась отталкивающей. В ее движениях не было ни тени изящества, а тонкий стан казался неуклюжим, ибо телу ее недоставало души.

Мами (так звали девушку) была не настолько умна, чтобы сознавать свою глупость, но угадывала общее презрение, не понимая, отчего оно происходит. Однажды, когда она прогуливалась (по обыкновению, в одиночестве), перед нею вдруг вышел из-под земли отвратительный на вид человек, сущий уродец. Увидев его, Мами бросилась было бежать, но, услышав его слова, остановилась.

— Пойдите, — произнес он, — то, что я скажу, будет вам неприятно, но то, что пообещаю, должно вам понравиться. При всей красоте в вас есть нечто, отчего на вас не обращают внимания: вы никогда не думаете; пусть я дурен собою — из-за вашего недостатка я стою бесконечно выше вас: какой я телом, такая вы умом. Вот то прискорбное известие, что я хотел вам сообщить; но, судя по вашему глупому виду, я сделал вам слишком много чести, боясь вас оскорбить, и потому сомневаюсь в успехе своих предложений. И все же отважусь: хотите быть умнее?

— Да, — отвечала Мами так, словно говорила «нет».

— Хорошо, — продолжал тот, — вот вам средство. Вы должны полюбить Рике с хохолком — так меня зовут; через год вы должны выйти за меня замуж. Такое мое

условие, обдумайте его, коли сможете. Если же не получится, повторяйте почаще слова, какие я вам скажу, в конце концов они научат вас размышлять. Прощайте, встретимся через год. Вот слова, что излечат вас от холодности и умственного изъяна:

Ты, что вселяешь душу в нас,
Амур, дозвожь своею властью
Умнее стать, познав хоть раз
Науку страсти!

Едва Мами произнесла эти стихи, как стан ее сделался гибче, походка свободнее, а лицо оживилось; она повторила их еще раз. И вот, отправившись к отцу, она уже держит перед ним речи: поначалу связные, потом осмысленные и, наконец, разумные. Столь великое и быстрое превращение не могло ускользнуть от тех, кого более всего волновало. Поклонники явились без числа; Мами перестала скучать в одиночестве на балах и прогулках; скоро она уже разрушала верные союзы, заставляла ревновать; кругом говорили лишь о ней, восхищались лишь ею.

Трудно было полагать, что среди стольких почитателей не отыщется более статного, чем Рике с хохолком; разум, дарованный Мами ее благодетелем, сыграл с ним самим злую шутку. Слова, которые она исправно повторяла, пробудили в ее душе любовь, но, вопреки замыслам автора, не к нему. Она отдала свое сердце самому красивому из воздыхателей, но не самому богатому. Отец с матерью, поняв, что вместе с умом желали дочери несчастья, и не в силах этот ум отнять, пустились читать наставления и остерегать от любви. Но запрещать юной красавице любить — все равно что запрещать дереву зеленеть весною: ее

любовь к Араде (так звали юношу) от этого только возросла.

Из осторожности она никому не рассказывала, каким путем достался ей разум. Тщеславие мешало ей открыть секрет; и теперь уже доставало ума, чтобы понять, как важно держать в тайне его происхождение.

Между тем год, определенный ей Рике с хохолком, чтобы выучиться думать и решиться выйти замуж, истекал; в жестокой тоске ожидала она назначенного срока; самый ум, подмечающий все новые и новые горестные обстоятельства, сделался ей постыл. Она навеки расстанется с возлюбленным, попадет во власть человеку, о котором знает лишь то, что он урод и что это, быть может, не худший из его недостатков; притом она обещала выйти за этого человека замуж в обмен на его дары, а возвращать дары обратно ей не хочется, — таковы были ее мысли.

Однажды на прогулке она, отделавшись от остальных, размышляла о горькой своей участи, как вдруг из-под земли до нее донесся сильный гул и голоса, распевавшие хором те самые стихи, каким научил ее Рике с хохолком; она задрожала, предчувствуя беду. И тут земля отверзается, Мами незаметно опускается вниз и видит Рике с хохолком, а вокруг — таких же, как он уродов. Отрадное зрелище для девушки, за которой ухаживали красивейшие юноши страны! Горе оказалось сильнее удивления, и она, не говоря ни слова, залилась горячими слезами, не найдя иного употребления уму, дарованному Рике с хохолком.

Тот тоже смотрел на нее печально.

— Сударыня, — заговорил он, — как нетрудно понять, я вам сейчас отвратительнее даже, чем в первую нашу встречу; наградив вас умом, я погубил сам себя; но ведь вы пока свободны, у вас есть выбор: или выходите за меня замуж, или становитесь такой, как

раньше; я могу либо вернуть вас отцу в прежнем виде, либо сделать владычицей всего этого королевства. Я — король гномов, вы станете королевой; и если вам будет угодно простить мою наружность и пожертвовать усладами взора, то в иных усладах у вас не будет недостатка. Я владею всеми земными сокровищами — они ваши; а кто имеет золото и ум и при этом несчастен, тот пусть пеняет на себя. Я боюсь, как бы решение ваше не стало следствием ложной учтивости; я боюсь показаться вам лишним среди всех моих богатств; и если сокровища мои со мною вместе вам не нужны, скажите — я провожу вас далеко отсюда, а здесь я хочу быть вполне счастлив. Даю вам два дня: осмотритесь в моих владениях и решите мою и свою судьбу.

Рике с хохолком отвел ее в великолепные покои и удалился; прислуживали ей женщины-гномы, и их безобразие причиняло ей меньше страданий, чем безобразие мужчин. Подали прекрасный обед, но за ним Мами недоставало приятного общества; после обеда была представлена комедия, но уродство актеров мешало увлечься действием. Вечером в ее честь задали бал, но на этом балу ей никому не хотелось понравиться; одним словом, все показалось ей в высшей степени отвратительным, и она бы не колеблясь поблагодарила Рике с хохолком за обещанные сокровища и услады и покинула его, когда бы не угроза снова стать глупой.

Она бы с легкостью возвратилась к прежнему бессмыслию, только бы избавиться от ненавистного супруга, — но у нее был возлюбленный, и он бы непременно покинул ее без всякого сожаления. Правда, Араду она теряла и выходя замуж за гнома, — ведь ей бы не пришлось больше встречаться с юношей, беседовать с ним, даже подать о себе весть; он мог заподозрить ее в неверности. Так что мужа, отнявшего

у нее все самое дорогое, она бы ненавидела, даже если бы он был красавец: но в довершении всего он был ужасающим уродом. Легко ли принять решение в таких обстоятельствах!

Два дня истекли, а она все еще пребывала в нерешительности и сказала гному, что не в силах сделать выбор.

— Значит, решение ваше не в мою пользу, — заключил тот. — Что ж, я верну вас в прежнее состояние, которое вы не решаетесь предпочесть.

Мами содрогнулась; мысль, что возлюбленный отвернется от нее, пронзила ее такой болью, что девушка отказалась от него сама.

— Хорошо, — сказала она гному, — вы решили взять меня в жены, пусть будет по-вашему.

Рике с хохолком не заставил долго себя упрашивать; он женился на Мами, и с замужеством ума у нее еще прибавилось — но вместе с умом прибавилось и горя; уродец, которому она отдалась, приводил ее в ужас, она не понимала, как ей прожить рядом с ним еще хотя бы минуту.

Гном прекрасно понимал, что жена его ненавидит, и был задет, хотя и хвастал силой своего ума. Отвращение Мами оборачивалось ежечасным упреком в безобразии, он проклинал женщин, брак и собственное любопытство, погнавшее его за пределы своих владений. Нередко он оставлял Мами в одиночестве; а поскольку той ничего не оставалось, кроме как думать, она и подумала, что надо бы Араде своими глазами убедиться в ее постоянстве. Он мог случайно оказаться поблизости — ведь она же забрела сюда; во всяком случае, нужно было дать о себе знать, а исчезновение свое оправдать тем, что ее похитил гном, один вид которого послужит лучшим залогом ее верности. Для умной и любящей женщины нет ничего невозможного. Она подкупила одного гнома, и он передал от нее

весточку Араде; по счастью, в ту пору верные возлюбленные еще не перевелись. Арада, забытый Мами, был в отчаянии, но не сердился; обидные подозрения не посещали его ум; он жаловался, угасая, но не позволил себе ни одной мысли, оскорбительной для любимой, и не искал забвения; движимый подобными чувствами, он, как нетрудно представить, отыскал бы Мами даже с опасностью для жизни, когда бы знал, где она и что она не запретила ему приходить.

Он пробрался к Мами в подземное королевство, нашел ее, бросился к ее ногам; она отвечала ему разумно и нежно. После долгих уговоров она наконец разрешила ему оставить мир и поселиться под землей, хотя ничего так не желала, как этого его решения.

Понемногу Мами повеселела и красота ее стала еще безупречнее, но любящий гном опечалился: он был слишком умен и слишком хорошо знал ненависть жены, чтобы приписать облегчение ее страданий действию привычки. Мами по неосторожности стала надевать украшения; гном знал себе цену и не верил, что может удостоиться подобной чести. Он начал искать и в конце концов обнаружил, что во дворце прячется красивый мужчина; большего ему и не требовалось. Он задумал не просто избавиться от соперника, но изощренно ему отомстить. Призвав Мами, он сказал:

— Я не собираюсь тратить время на такие пустяки, как жалобы и упреки — пусть этим занимаются люди; даруя вам разум, я полагал, что стану наслаждаться его плодами: вы же обратили его против меня; но вы исполнили мое условие, и потому я не могу отнять его у вас совсем. Вы не нарушили нашего договора, но все же не вполне строго его соблюдали. Разделим же наши притязания: по ночам вы будете умны, мне не нужна глупая жена, зато днем встречайтесь с кем вам угодно.

В тот же миг Мами почувствовала, что ум ее цепенеет, а потом и это ощущение исчезло. Ночью

мысли ее проснулись, она обдумала свое несчастье и расплакалась, не смея ни утешиться, ни поискать какую-нибудь хитрость, которую мог подсказать ей просветлевший разум.

На следующую ночь, заметив, что муж сладко спит, она подложила ему под нос травку, от которой сон становился крепче и длился столько, сколько было нужно. Она встала, оставила ненавистного гнома и, влекомая грезами, пошла в ту сторону, где жил Арада, не так разыскивая его, как скорее всего льстя себя надеждой, что он сам ее ищет; он оказался в одной из аллей, где они часто встречались прежде, и вопрошал природу об участи любимой. Мами с удовольствием поведала о своих невзгодах, и от рассказа боль ее утихла.

На следующую ночь они, не сговариваясь, снова встретились на том же месте, и тайные эти свидания продолжались так долго, что самые их горести обернулись новым, еще не изведанным счастьем; ум и любовь подсказывали Мами тысячи уловок, чтобы оставаться привлекательной — Арада не вспоминал, что вторую половину дня она глупеет.

С рассветом Мами шла будить гнома; вернувшись, она тут же убирала подальше снотворные травки. Наступало утро, ум ее исчезал, но она целые дни напролет спала.

Это относительное счастье не могло длиться вечно; трава не только усыпляла гнома, но и заставляла его храпеть. Однажды гном-слуга, решив спросонок, что хозяин стонет, прибежал к нему; и вот он видит травки, лежащие у того под носом, и убирает их, думая, что в них-то и есть причина беспокойства: от подобной заботы случилось сразу трое несчастных. Гном хватился жены, как бешеный бросился ее искать; случай или злой рок привел его туда, где влюбленные без устали клялись друг другу в вечной любви; он не произнес ни

слова, но, коснувшись волшебной палочкой любовника, он превратил его в точно такого же уродца, каким был сам; и Мами, так часто гулявшая с Арадой, перестала отличать его от супруга. Так у нее вдруг оказалось двое мужей вместо одного, и она не знала, кому пожаловаться, боясь принять ненавистного гнома за возлюбленного; впрочем она, должно быть, ничего не потеряла: любовники со временем уже ничем не отличаются от мужей.

Шарлотта Комон Де Ла Форс

Волшебник

Жил некогда король, которого люди называли Добрый Король, ибо он был исполнен всяческих добродетелей и к тому же справедлив, подданные его любили, а соседи уважали.

Так как весть о нем облетела весь свет, то другой король пожаловал в его королевство и попросил подыскать ему невесту. Добрый Король, польщенный таким доверием, выбрал самую прелестную из всех своих племянниц, которую и обещал отдать в жены приехавшему королю. Звали ее Изена Прекрасная. Во все концы были посланы гонцы, чтобы объявить о предстоящей свадьбе, а все желающие приглашались принять участие в пышных торжествах да в праздничных забавах. И, представьте, ко двору съехалось столько гостей, что только диву даваться. В толпе прибывших принцев особенно выделялся красотой и статью властитель Дальних островов, который слыл к тому же искусным волшебником.

Он влюбился в Изену Прекрасную с первого взгляда и пришел в ярость от того, что она достается другому. Принц не сомневался, что явись он первым и попроси ее руки, Добрый Король никогда бы ему не отказал.

Эта мысль его особенно удручала, и он ломал себе голову над тем, к каким уловкам прибегнуть, чтобы эта несравненная красавица все же принадлежала ему.

К великой досаде принца с Дальних островов, свадьба все же состоялась. Однако он так хорошо знал все тайны ворожбы, что в первую же ночь, когда новобрачную, по обычаю того времени, оставили одну, она, будучи во власти неведомой силы, не смогла улежать на супружеском ложе, встала и пошла в кабинет, который находился рядом с опочивальней. Там

она присела на софу и принялась разглядывать всевозможные диковины со всего света, которые украшали эту красивую, ярко освещенную комнату. Однако, как только в кабинете появился принц Дальних островов, она предалась другому занятию.

Принц упал перед ней на колени и сказал, что без ума от нее. И она тоже испытала к нему такое сильное влечение, что объяснить его одним лишь колдовством было невозможно. Он говорил ей самые страстные слова на свете, и она отвечала ему так, что он почувствовал себя счастливым. Затем он признался, что вместо нее положил на супружеское ложе рабыню, которую король примет за нее. Изену это развеселило, и всю ночь напролет она насмеялась над своим мужем, а наутро явилась к нему как ни в чем не бывало.

Король был убежден, что добился желанного, и почел себя самым счастливым из людей, а волшебник, влюбленный пуще прежнего, и в самом деле был самым счастливым, побеждал на всех турнирах и множество раз выказывал Изене Прекрасной знаки любви, на что, однако, никто внимания не обращал: они украдкой глядели друг на друга, танцуя, они с жаром стискивали друг другу пальцы, за столом пили из одного стакана... Что может быть сравнимо с восторгом рождения любви!..

Вторую ночь волшебник снова провел с королевой, а свою рабыню отправил в постель к королю. День снова прошел во взаимных изъявлениях любви, которое выказываются тайно и имеют особое очарование для избранных душ.

Третья ночь прошла так же, как и две предыдущие, волшебник был наверху блаженства, а король полагал себя не менее счастливым, предаваясь любовным играм с той, которую волшебник поместил на его брачное ложе.

Когда свадебные празднества подошли к концу и гости стали разъезжаться, наш король-молодожен распрощался с Добрым Королем и повез юную супругу в свой дворец.

Вскоре королева объявила, что ожидает прибавления семейства. Когда пришло время родин, она разрешилась самым прекрасным ребенком на свете. Принца нарекли Карадосом.

Король страстно полюбил малютку, полагая себя его отцом, и королева в нем также души не чаяла.

Принц рос, как говорится, не по дням, а по часам и становился все более прекрасным. К двенадцати годам он выглядел восемнадцатилетним юношей. Все, что ему объясняли, он схватывал на лету и миг спустя знал это уже лучше своих учителей. Карадос прекрасно танцевал, пел, скакал на лошади, безупречно владел шпагой, разбирался в истории, одним словом, он был сведущ во всем, что положено знать истинному принцу крови. Он слышал столько разговоров о дворе Доброго Короля, что им постепенно овладело неодолимое желание туда отправиться, и он сообщил об этом королю и королеве, которые, однако, на путешествие своего благословения не дали, будучи не в силах расстаться со своим прелестным отпрыском.

Но юный Карадос не смог смириться с тем, что его желание встретило такое сопротивление со стороны родителей, и заболел от огорчения. Отец и мать, видя, что с каждым днем ему становится все хуже и хуже, решили снять свой запрет и выполнить его волю. Они щедро снабдили его всем, что полагается, и, расцеловав тысячу раз, отправили принца в путь.

Я не буду рассказывать, как Карадоса приняли у Доброго Короля, это и так понятно. Все придворные наперебой ласкали юношу и были очарованы его статью, красотой и обаянием.

Здесь, при дворе Доброго Короля, принц еще больше усовершенствовался в науках и искусствах, а когда случилась война, пошел воевать и совершил такие подвиги, что имя его было у всех на устах. Карадосу исполнилось уже восемнадцать лет, когда Добрый Король устроил большой праздник, который привык отмечать с большой пышностью.

Он заседал в Государственной Ассамблее и, как обычно, в этот день удовлетворял все обращенные к нему просьбы. Его трон установлен в огромнейшем зале, дальняя часть которого, выходящая в парк, завершалась аркадой, и сквозь пролеты были видны все, кто входил во дворец. Доброго Короля окружала блестящая свита, рядом восседала красавица королева, тоже в обществе многочисленных принцесс и придворных дам. Все присутствующие пребывали в отличнейшем расположении духа и жаждали развлечений. Принц Карадос выделялся среди прочих, как роза среди других цветов.

И вдруг в долине показался верховой на прекрасном белом златогривом коне. Он сидел в седле с необычайным изяществом, а конь под ним размашистой рысью мчался ко дворцу. Когда всадник приблизился и можно было его получше разглядеть, все заметили, что его зеленый камзол перехвачен роскошной перевязью, а на перевязи висел меч в ножнах, украшенных таким количеством драгоценных камней, что слепило глаза. Незнакомец поражал своей неземной красотой, его белокурые волосы рассыпались по плечам, голову украшал веночек из незабудок, лицо светилось живостью и весельем, к тому же он пел на скаку, и голос у него был приятный.

У аркады он ловко спрыгнул на землю, и вышколенные королевские слуги тотчас взяли коня под уздцы и увели его. Нежданный гость с таким достоинством вошел в зал, где на троне восседал

Добрый Король, что привлек к себе взгляды всех присутствующих. Особое восхищение он вызвал у дам. Поклонившись собравшейся знати, он с благородной смелостью приблизился к трону Доброго Короля, опустился на колени и положил меч к его ногам.

— Сир, — произнес он. — Я хочу испросить милость у вашего величества и смею надеяться, что в столь торжественный день вашего тезоименитства не встречу отказа.

— Говорите, любезный чужестранец! — приказал Добрый Король. — В этот день я исполняю все просьбы, и, уж во всяком случае, не вы станете первым, кому я откажу. Даю вам слово, что выполню любое ваше желание.

— Раз так, — сказал незнакомец, — то вот оно: услуга за услугу.

— А что это значит? — удивленно воскликнул король. — Вместо того, чтобы просить о чем-то, вы задаете мне загадки! Я вас решительно не понимаю.

Сказав это, король обратился к своим придворным, желая узнать, ясно ли им, что означают эти слова. Когда же выяснилось, что никто из присутствующих этого не знает, он попросил незнакомца растолковать их смысл.

— Услуга за услугу, — ответил молодой человек, — означает вот что: кто-то из здесь присутствующих должен вот этим мечом отсечь мне голову.

Вопль недоумения пронесся по залу, король чуть было не свалился с трона, а что до королевы, то у нее от ужаса прямо глаза на лоб полезли, и все окружающие ее дамы едва сдерживали слезы.

Добрый Король хотел было отказаться от данного им слова, объяснив, что он, так сказать, невзначай попал в ловушку. Однако упорный молодой человек не отступал, утверждая, что его величество обесчестит себя, если не исполнит своего обещания. Король впал в

отчаяние: тщетно взывал он к придворным в надежде найти желающего привести казнь в исполнение — все молчали. И от этого он пришел в еще большую ярость. Столь же тщетно пытался король внушить своему незванному гостю, что тот жестоко нарушил их праздничное настроение. Однако чужестранец был непоколебим и требовал, чтобы ему тотчас же отрубили голову.

В конце концов вперед вышел Карадос и сказал, что слишком предан его величеству, чтобы терпеть оскорбления, нанесенные этим пришлым человеком: ведь тот вынудил дать обещание, которое считал заведомо невыполнимым.

«Поэтому я готов, — продолжал Карадос, — постоять за честь короля».

Юноша взглянул на Карадоса, приятно улыбнулся и сказал, что и он готов принять смерть. Принесли плаху, Карадос вытащил из ножен роковой меч, юноша преклонил колени, все безотрывно следили за ними, а затем произошло нечто поистине невообразимое: после того, как Карадос единым взмахом меча отсек голову юноше, голова эта, описав три круга и трижды перевернувшись, снова села к чужеземцу на шею, и тот поднялся с колен в полном здравии.

Ежели просьба, с которой юноша обратился к королю, вызвала изумление, то его воскрешение поразило присутствующих еще более того. Поначалу они завопили не своими голосами, а потом надолго восхищенно замолчали — казалось, все были околдованы.

Добрый Король был весьма обрадован таким исходом, а Карадос еще более тем, что не свершилось смертоубийство. Однако воскресший весело подошел к королю и снова упал перед ним на колени.

— Сир, — сказал он, — данное мне обещание вы все же должны выполнить.

— А разве я его не выполнил? — воскликнул король.

— Нет, сир, вернее, вы выполнили его только наполовину. Я ведь просил у вас услуги за услугу. Карадос оказал мне ее. А теперь моя очередь. Я также должен отрубить ему голову. Тут гневный ропот поднялся в зале, особенно громко голосили женщины, возражая против такого варварского требования. Король был удручен, королева и придворные дамы просто обезумели от горя, всех присутствующих охватило крайнее волнение от того оборота, который принимало дело, — ведь Карадос был всеобщим любимцем. Он один сохранил хладнокровие и сказал королю, что счастлив пролить свою кровь, защищая его честь.

Пришелец снова посмотрел на него с улыбкой и произнес, обращаясь к Доброму Королю:

— Сир, я и так уже нарушил веселье вашего праздника, продолжать тревожить вас сегодня было бы чрезмерным. Поэтому я откладываю осуществления данного мне обещания ровно на год. И я почтительно прошу всех принцев и всех присутствующих здесь господ явиться в этот зал, куда и я прибуду, чтобы свершить то, что вами обещано. Посмотрим, с таким ли мужеством Карадос готов принять свою смерть, с каким он готов был убить меня.

После этого все сели за стол, но пир вышел очень грустным — сотрапезников печалила судьба Карадоса.

В течении этого года принцу Карадосу представился не один случай покрыть свое имя славой. Немало доблестных подвигов совершил он и в урочный день первым явился в королевский зал. Собрались и все остальные и не отрывали глаз от дороги в надежде, что тот, чьего приезда все так боялись, все же почему-либо не явится.

Но он явился. Он прискакал на том же коне, в том же зеленом камзоле, с тем же великолепным мечом на

перевязи и с венком из роз на голове. Как и год назад, он пел на скаку, а спешившись, как и в тот раз, опустился перед королем на колени и напомнил ему о давешнем обещании. Тщетно король упрасивал его отступить от своего намерения. Тогда королева, убедившись, что королю не под силу его образумить, подошла к незваному гостю вместе со своими придворными дамами и стала его заклинать даровать жизнь Карадосу. Взамен она предлагала отдать ему в жены свою самую красивую племянницу и полкоролевства впридачу. Но не смотря на слезы и просьбы королевы, незнакомец оставался непреклонен.

Одного лишь Карадоса, казалось, не испугала грозящая ему гибель. Исполненный достоинства и покоя, подошел он к Доброму Королю и попросил его поскорее совершить то, чего все равно не избежать.

Принесли плаху, и принц положил на нее свою голову, а незнакомец поднял меч и так долго не опускал его на шею Карадоса, что тот кинул на него взгляд, перед которым отступила бы сама жестокость.

— Делайте свое дело, и поскорее, — сказал он. — Я готов принять одну смерть, но не тысячу.

Услышав эти слова, незнакомец еще резче замахнулся, а затем спокойно вложил свой меч в ножны и протянул руку Карадосу, чтобы помочь ему подняться на ноги.

— Встаньте, принц, — сказал он ему. — Вы уже тысячу раз доказали свое мужество. Я рад, что вы и на сей раз проявили такую стойкость.

Многоголосый восторженный вопль сотряс небо. Никто ведь не ожидал подобного исхода. Добрый Король сошел с трона и обнял незнакомца. Королева, придворные дамы и вся свита были так взволнованы, что, казалось, просто обезумели от радости. И начался такой веселый пир, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А потом незнакомец пожелал поговорить с

Карадосом с глазу на глаз. Они вдвоем прошли в галерею, и там, всячески обласкав юношу, рыцарь сообщил ему, что перед ним властитель Дальних островов и его отец. При этом известии лицо принца побагровело, и он еле сдержал охвативший его гнев. Он заявил волшебнику, что это ложь, что он не позволит порочить честь его матери, Изены Прекрасной, и что отцом его является не кто иной, как ее супруг, король. Волшебник никак не ожидал такого решительного отпора.

— Вы неблагодарны, Карадос, — произнес он. — Но это отнюдь не мешает вам быть моим сыном. Не кто иной, как я, одарил вас всеми прекрасными качествами, за которые вас все так любят. Ах, Карадос, боюсь, что вам придется раскаяться в той черствости, какую вы проявили по отношению ко мне.

На том они и расстались, и Карадос, так и не поверивший в то, что он сын волшебника, пожелал увидеть короля, которого считал своим отцом. Он простился с Добрым Королем и королевой и отправился во владения супруга Изены Прекрасной.

Король и королева приняли Карадоса с распростертыми объятиями. Когда же он оказался наедине с королем, тот поведал ему, что всерьез опасался за его жизнь, узнав, что ему угрожает некий таинственный рыцарь, и тогда Карадос имел неосторожность пересказать королю все, что услышал из уст волшебника.

Король, исполненный любви и нежности к Карадосу, был потрясен услышанным и заверил его, что как бы дело ни обстояло в действительности, он будет любить его не меньше, чем прежде, считать своим сыном и единственным наследником. Однако он полагает, сказал король, что обстоятельства эти все же следует прояснить с королевой, ибо нельзя полностью исключить, что в давние юные годы у нее случилось

некое галантное приключение с властителем Дальних островов.

Послали слуг за Изеной Прекрасной, которая услышав обращенный к ней вопрос, тотчас же лишилась чувств, а потом не стала лукавить, отрицая правду. Однако больше всего она страдала оттого, что в измене супругу была уличена своим собственным сыном.

Король спросил у Карадоса: как ему теперь надлежит поступить, чем заглушить боль позора? И Карадос ответил, что хотя оскорбление, нанесенное королю, и было тайным, месть за него должна быть явной: пусть король созовет каменщиков со всех концов земли, опустошит свою казну и построит высокую неприступную башню, чтобы заточить королеву, да еще прибавит к ней надежную охрану.

Совет понравился королю, и он был осуществлен. В считанные дни каменщики возвели высоченную башню и замуровали в ней Изену Прекрасную.

Вслед за тем Карадос, не чувствуя никаких угрызений совести за такое жестокое обращение с матерью, отправился назад, ко двору Доброго Короля.

Когда ему оставалось всего лишь два дня пути до столицы государства Доброго Короля, он увидел вдали, на лугу, что-то ярко блестящее. Приблизившись, он различил целый ряд шатров, причем крышу самого просторного из них венчал золотой шар с сидящем на нем золотым орлом, который, казалось, вот-вот взмахнет крылами и взмлет ввысь.

Карадос приблизился к этим шатрам. Не увидев никого вокруг, он спешил и вошел в самый просторный из них. Внутри стояла богато убранная кровать с поднятым пологом, и на ней спала дева неземной красоты.

Принц был очарован лицезрением такого совершенства. В первый миг он исполнился восхищения, а во второй — любви. Он оказался бессилен перед

нахлынувшим чувством и, пренебрегая обычаями времен великих страстей, повел себя смело, так, как молодые люди в наши дни. Эта смелость пришла к нему вместе с влюбленностью.

Он опустился у кровати на одно колено и коснулся губами руки красавицы. Но постепенно смелость принца все возрастала. Оказавшись в его объятиях, красавица в испуге открыла глаза. Даже не взглянув на него, она закричала и попыталась соскочить с кровати на пол, а из-за перегородки выбежала греческая рабыня и кинулась к своей хозяйке. Однако, подняв глаза на Карадоса, рабыня воскликнула с изумлением:

— Да вы посмотрите, из чьих объятий вы вырываетесь!

Красавица кинула на Карадоса гневный взгляд, который, однако, тут же смягчился, и с прелестной улыбкой радостно воскликнула:

— Да это же Карадос!.. Это Карадос!..

— Верно, меня зовут Карадос, — сказал принц, очарованный ее нежданной приветливостью. — Но откуда вы меня знаете?

— Одну минуточку! — вскричала красавица и вместе со своей рабыней убежала в соседний шатер. Она тут же вернулась со свитком пергамента в руках.

— Смотрите, — сказала она, разворачивая свиток. — Это ваш портрет. Как только я увидела его, я полюбила вас всем сердцем, а полюбив вас, решила связать свою жизнь с вашей. И потребовала от брата, чтобы он обещал мне не выдавать меня ни за кого, кроме вас. Мы сейчас направляемся ко двору Доброго Короля, и мой брат попросит у него отдать ему в жены одну из его племянниц, а вас — мне в мужья. Мой брат — это король Кандор. А меня зовут Аделиса...

На этих словах в шатер вошел король Кандор, и был он почти так же красив, как его сестра. Аделиса представила ему Карадоса. И с первой же минуты

молодые люди полюбили друг друга как братья и уже вместе продолжили свой путь в столицу Доброго Короля.

Весь двор был очарован красотой и обходительностью брата и сестры. Добрый Король представил королю Кандору всех своих племянниц, и тот выбрал себе в жены самую прелестную. Вслед за свадьбой короля Кандора собирались отпраздновать свадьбу Карадоса и Аделисы, но тут неожиданно прискакал гонец от короля, которого Карадос считал своим отцом. Король просил Карадоса незамедлительно приехать домой, и принц, простившись с красавицей Аделисой, тотчас отправился в путь, пообещав вскоре вернуться. Но разве не известно, что люди бессильны перед своей судьбой?

Не успел Карадос прискакать во дворец, как король сообщил ему, что вызвал его в связи с весьма странными обстоятельствами. Дело в том, что по ночам из башни, где заточена Изена Прекрасная, раздаются звуки чудной музыки и что, видимо, волшебник всячески развлекает узницу.

Король не ошибся: властитель Дальних островов пришел в отчаяние оттого, что на долю его возлюбленной выпали такие ужасные страдания по его вине, и он решил облегчить ее участь непрерывными свидетельствами своей любви. Он выбрал в своих владениях дюжину прелестных девиц и волшебной силой приставил их к ней, затем вслед за девицами он переправил к Изене Прекрасной столь же изящных кавалеров — таким образом в тюремной башне образовалось небольшое, но весьма приятное придворное общество. Вечерами там выступали лучшие музыканты, искусные танцовщики, превосходные актеры. Три раза в неделю там ставили комедии, а в остальные вечера либо давали оперы, либо устраивали

великосветские приемы, которые завершались изысканными пиршествами.

Так волшебник помогал королеве коротать время, которое, по замыслу ее супруга, должно было нескончаемо тянуться. И все эти развлечения делались еще замечательнее оттого, что их разделял с ней властитель Дальних островов.

Карадос, понимая, что волшебник движим чувством, а не разумом, сказал королю, что его надо заставить врасплох и что это не представляет труда, поскольку он даже не предполагает, что ему может грозить опасность.

Той же ночью, убедившись, что в башне уже начался очередной праздник, Карадос отправился туда, поднялся наверх, затерялся в толпе стражников и захватил волшебника в плен. А тот, оказавшись в неволе, разом утратил свой колдовской дар. Изена Прекрасная была так напугана происшедшим, что забыла об осторожности и не смогла скрыть своей страсти, а затем лишилась чувств, чем окончательно себя выдала.

Волшебник предстал перед королем, который приказал его немедленно казнить. Но Карадос попросил отложить казнь, сказав, что смерть слишком легкое наказание для этого злодея, что его следует подвергнуть более изощренной пытке. Хорошенько все обдумав, Карадос решил, что самым мучительным наказанием будет надругательство над его любовью и что нельзя поступить с ним более жестоко, нежели подвергнуть той же участи, что в свое время короля. В течение трех ночей властителю Дальних островов подкладывали на ложе рабыню, которой фея умело придала полное сходство с Изеной Прекрасной. И он не смог избежать этой ловушки, потому что, как уже было сказано, находясь в чьей-либо власти, он разом лишался своей волшебной силы.

Он считал, что заточен в темницу вместе с королевой, и это его утешало. Мучило его только то, что она по его вине вынуждена находиться в таких ужасных условиях. И в то время, как он шептал ей самые нежные, самые проникновенные и страстные слова, фея сдернула с лица рабыни маску, и та предстала перед ним в своем удручающем естестве. Он понял, как оскорбительно и жестоко его обманули.

Страдание властителя Дальних островов было ни с чем не сравнимо. Затем его отпустили на все четыре стороны, не взяв, однако, с него обещания никогда больше не видеться с Изеной Прекрасной. Это столь важное обстоятельство почему-то упустили из вида. Ему сохранили жизнь для того, чтобы он до конца дней своих нес тяжесть позора своей измены. Этот позор терзал его сердце, но, вновь обретя свою волшебную силу, он перенесся в башню, где по-прежнему пребывала в заточении Изена Прекрасная, правда, теперь уже в полном одиночестве. Он подошел к ней бледный, со спутанными волосами, не смея поднять на нее глаз, не в силах вымолвить ни слова, и такие горестные вздохи вырывались из его груди, что тронули бы сердце даже менее заинтересованной в нем особы, нежели Изена Прекрасная.

Она печально глядела на него. Когда же ему удалось хоть как-то совладать со своим смущением, волшебник рассказал ей, едва сдерживая рыдания, какой пытке подверглась его любовь. Услышав этот рассказ, Изена в свою очередь побледнела и задрожала от гнева.

— Возможно ли, чтобы это был наш сын? — воскликнула она. — Пусть он умрет. Я знать его больше не хочу!.. Нет! — спохватилась она. — Пусть он страдает так, как довелось страдать вам!..

Они долго обсуждали, как же им поступить, и на другой день королева послала за Карадосом, сказав,

что ей необходимо с ним поговорить. Он тотчас же явился и застал мать с распущенными волосами. Она сказала ему, что не ожидала его в столь ранний час и что сейчас причешется. Она попросила его подать ей гребень из слоновой кости, присланный из Рима. Карадос послушно выдвинул ящик комода, но едва он сунул в него руку, как огромная змея укусила его за палец и трижды обвилась вокруг его тела. Укус этот был столь болезненный, что Карадос вскрикнул не своим голосом и упал как подкошенный. Сбежавшие стражники унесли его во дворец.

Спешно созвали всех знаменитых лекарей, но никто из них не смог ему помочь, никто не смог освободить его тело от змеи.

Весть об этом происшествии быстро разлетелась по всему белому свету. Достигла она и двора Доброго Короля и всех весьма огорчила. А что до красавицы Аделисы, то ее горя и описать нельзя. И вместе со своим братом королем Кандором она тут же отправилась в путь, чтобы навестить своего несчастного возлюбленного.

Пока они были в пути, Карадос невыносимо страдал. Он не мог подняться с постели, и ни одно лекарство, ни одно снадобье, не приносило ему облегчения. Круглые сутки напролет нестерпимая боль терзала его, и он, как говорится, таял на глазах.

Однажды вечером, когда он был в еще большем отчаянии, чем обычно, ему сообщили, что прибыл гонец от принцессы Аделисы. эта весть ввергла его в большое волнение, и он приказал привести к себе гонца, но повернулся лицом к стене, чтобы тот не заметил, насколько он стал неузнаваем.

Вестник сообщил ему, что король Кандор прибывает на следующий день. Казалось, это сообщение его обрадовало. Однако, простившись с гонцом, он велел своему пажу плотно прикрыть дверь, потом спросил,

может ли он рассчитывать на его верность. Бедный паж, весь в слезах, принялся уверять, что, случись такая нужда, он готов отдать жизнь за своего господина.

Эти слова как будто обрадовали Карадоса. Он приказал себя одеть, насколько это было возможным, собрать все драгоценности и прихватить нужные инструменты. Затем они спустились в сад, пробили отверстие в каменной стене и оказались в лесу. Карадос как мог помогал пажу, работая одной здоровой рукой.

Они шли без отдыха три дня куда глаза глядят, питаясь кореньями и ягодами, пока наконец не набрали на скит отшельника, расположенный на берегу красивого ручья. Скит был окружен садом и огородом.

Седой как лунь старик вышел из часовни. Карадос рассказал ему о своих злоключениях, о которых, как оказалось, святой отец был уже наслышан, и попросил старца укрыть его в своей хижине и позволить провести подле него остаток своих горестных дней.

Добрый отшельник пообещал ему хранить тайну и послал пажа купить белые монашеские одежды. В этом костюме Карадоса никто не мог узнать. И даже люди, посланные королем на его поиски, повстречавшись с ним, приняли его за отшельника. Тем временем король Кандор и его сестра принцесса Аделиса прибыли во дворец, надеясь повидаться с Карадосом. Аделиса тотчас же велела, чтобы ее отвели в его покои, но дверь оказалась запертой. Пришедшие стали стучать, называли себя по имени, но ответа не было.

Аделиса, не зная, что и подумать, сама стала звать Карадоса:

— Откройте, откройте, мой друг! Это я, ваша Аделиса, впустите меня!

Но ответа по-прежнему не последовало. Наконец Кандор, потеряв терпение, приказал вышибить дверь, но постель была застелена и в комнатах никого не

было. Все были изумлены, но больше всех бедная Аделиса. Она рыдала и рвала на себе волосы. Король Кандор, видя, в каком ужасном горе пребывает его сестра, тут же поклялся, что в течении двух лет объедет все близкие и дальние земли в поисках своего друга принца Карадоса. Не медля ни минуты, он вскочил на коня и тут же двинулся в путь. Всех встречных-поперечных расспрашивал он о несчастном принце, но никто не мог ему ничего сказать.

В неустанных поисках незаметно пролетели два года, а боль утраты была такой же острой, как и в первый день. В полном отчаянии вернулся он ко двору короля, которого считали отцом Карадоса. Встреча с сестрой несколько утешила его. Но вот однажды в очень жаркий день он оказался в лесу. Увидев красивый ручей, он спешился и решил приискать удобное место для отдыха. Вскоре он нашел прелестную полянку и уже хотел было там расположиться, как вдруг услышал исполненный печали голос. Прислушавшись, он понял, что так горько сетует на свою судьбу не кто иной, как сам Карадос.

Радость Кандора была так велика, что он не верил себе, боясь ошибиться. Он прошел несколько шагов по направлению голоса и увидел человека в белых одеждах, распростертого на берегу ручья. Он принял бы этого человека за отшельника, если бы не заметил торчащую из рукава змею, вцепившуюся в его запястье. И тут король Кандор издал ликующий вопль и, как безумный кинулся на шею своему другу.

Карадос был в полном смятении оттого, что его нашли. Слезы стыда и радости душили его. А Кандор сжимал Карадоса в своих объятиях, не в силах вымолвить ни слова. Великие чувства безмолвны. В конце концов молодые люди вновь обрели дар речи, и они заговорили, перебивая друг друга, как истинные друзья. После справедливых упреков Кандора и жалких

оправданий Карадоса Кандор вырвал в конце концов у принца обещание, что тот дождется его здесь и больше не будет делать попыток скрываться. При этом Кандор заверил его, что вернется ровно через шесть дней.

Расставшись со своим другом, Кандор поскакал к королю, которому, однако, ничего не рассказал, а лишь попросил разрешения посетить Изену Прекрасную. После этого он поднялся на башню и в самых трогательных выражениях описал королеве, в каком ужасном состоянии он нашел Карадоса. Он умолял ее, взывая к голосу крови, простить сыну все обиды и вылечить его. Так как ему очень хотелось убедить королеву, он заклинал ее именем властителя Дальних островов сжалиться над несчастным Карадосом.

У Изены Прекрасной было достаточно времени на размышления, и гнев ее успел остыть. Она ответила королю Кандору, что готова помочь своему сыну, но это не так-то просто. Есть только один способ избавить его от змеи, но осуществить его вряд ли удастся, потому что для этого необходимо найти девственницу, которая была бы столь верна, сколь и хороша собой, и к тому же готова пострадать ради Карадоса. Однако Изена все же поведала ему весь обряд исцеления.

Кандор выслушал ее в задумчивости и, поблагодарив, пошел в покои красивой и печальной Аделисы. Она очень обрадовалась, увидев своего брата, и тут же спросила, не узнал ли он что-нибудь о Карадосе. Он ей рассказал, что нашел Карадоса, но состояние его ужасно. И добавил, что есть средство его спасти, но оно трудноосуществимо. Аделиса стала умолять брата поскорее рассказать ей, что надо делать.

— Сестра моя, — ответил он, — для этого прежде всего необходимо найти девственницу, которая была бы столь верна, сколь хороша собой, и к тому же готова пострадать ради него.

— Что ж, я девственница. И я верна ему. Вот только не знаю, хватит ли у меня красоты. Как бы то ни было, попробуем, гожусь ли я.

Брат и сестра отдали распоряжение, чтобы в скит доставили все необходимое для излечения Карадоса, и отправились туда сами.

Когда Карадос издали увидел красивую Аделису, он опустил голову и прикрыл лицо руками, чтобы скрыть от нее, насколько он изменился. Но Аделиса глядела на него влюбленными глазами и не могла его узнать. Как только она его заметила, она бросилась к нему, чтобы его обнять, она была так потрясена встречей, что опасались за ее жизнь.

Карадосу в конце концов рассказали, о чем идет речь, но лишь в общих чертах, без подробностей, потому что, если бы он узнал, какой опасности подвергается при этом Аделиса, он никогда бы на это не пошел, он слишком ее любил. Принесли два больших чана, один полный уксуса, другой — молока.

Карадос должен был залезть в тот, что с уксусом, а Аделиса — в тот, что с молоком. Принцесса поспешила сама раздеть Карадоса, и надо сказать, что это занятие ей очень понравилось. Как только он оказался в чане, она тут же села в другой. Расчет был простой: змея, повисшая на руке Карадоса, ненавидела уксус и должна была, разжав челюсти, перепрыгнуть в чан с молоком, которое она обожала, и вцепиться Аделисе в грудь.

Король Кандор стоял между чанами, занеся над головой меч, чтобы опустить его на змею в момент ее прыжка. Верная Аделиса расположилась так, чтобы кончик одной из грудей торчал из чана, и она нежно приманивала змею словами. Убедившись, что змея не решается на прыжок так быстро, как хотелось бы принцессе, она запела своим прелестным голосом вот какие слова:

Погляди, вот грудь моя,
Ядовитая змея!
Соблаз니스ь красой моей,
Подползи ко мне скорей!

Услышав это чарующее пение, змея тут же перепрыгнула в чан принцессы и вцепилась ей в грудь. Король Кандор не оказался достаточно быстрым и ловким и вместе с головой змеи отсек сосок своей сестры. Змея была убита, но Аделиса потеряла так много крови, что молоко в чане окрасилось в пурпуровый цвет, и она потеряла сознание. Ее состояние внушало серьезные опасения, но старик отшельник умел врачевать, он положил целебную траву на рану, кровь свернулась, и принцесса вскоре оправилась.

Карадос был так взволнован всей этой сценой, что даже не почувствовал радости от своего избавления (таким и должен быть настоящий возлюбленный), он кричал, сидя в своем чане, но никто не обращал на него внимания.

Наконец, по приказу короля Кандора, его вымыли в ванне, как велела Изена Прекрасная, и он вышел из нее еще большим красавцем, чем был прежде, одним словом, самым очаровательным из всех мужчин и самым желанным как возлюбленный.

В таком виде он и предстал перед Аделисой, которая и не знала, как благодарить судьбу за то, что Карадос избавился от своих ужасных страданий. Его исцеление имело для него еще особую дополнительную ценность и значимость, потому что в нем проявились лучшие качества его Аделисы — мало кто из придворных дам был бы способен такой ценой спасти своего возлюбленного от столь тяжкого недуга.

Всеобщая радость была велика, и слух о ней вскоре донесся и до двора Доброго Короля, который стал собираться в путь, чтобы присутствовать на свадьбе Карадоса и Аделисы.

Как только Карадос прибыл к королю, которого любил как отца, он обратился к нему с просьбой освободить из башни его мать и получил на то королевское согласие. На крыльях радости взлетел он на башню, кинулся к ее ногам, попросил за все прощения и повел ее в покои короля, который нашел ее настолько прелестной, что решил снова взять ее себе в жены. Но это желание осуществить ему было не дано, потому что он внезапно умер.

На престол взошел Карадос, а когда приехал Добрый Король с королевой, отпраздновали свадьбу Карадоса и Аделисы. Много дней длились пышные празднества, балы, турниры, и на них Изена Прекрасная так пленяла всех своей красотой, что было неясно, кому отдать предпочтение — ей или Аделисе.

На турнирах все награды получил незнакомый рыцарь, к тому же он покорила двор своим видом, и щит у него был из чистого золота. Он подошел к трону и сказал, обращаясь к Карадосу и к Доброму Королю, что скоба его щита обладает чудотворной силой воссоздавать то, чего не хватает, и что если Аделисе угодно будет ее испытать, то он вернет ей сосок. Из скромности она не сразу на это решилась, но Карадос тут же принялся расстегивать крючки ее платья, обнажив самую прекрасную в мире грудь. Незнакомец подвинул к ней скобу своего щита, и тут же вместо отрезанного соска появился золотой. С тех пор ее так и прозвали: королева с золотым соском.

Незнакомый рыцарь представился: это был властитель Дальних островов, отец Карадоса. Его горячо приветствовали, и тогда он попросил в жены Изену Прекрасную и получил согласие. Справедливо

было вознаградить его за столь долгую, верную и страстную любовь. И обе пары жили счастливо до конца своих дней.